

РОБРЕХТ БАУДЕНС
ЙОЗЕФ КАТЗЕР

Евгений де Мазенод

Человек с огромным сердцем, как весь мир

Облаты Непорочной Марии

Обухов 2005

От русского издателя

Новая биография Евгения де Мазенода была опубликована сразу же после его канонизации, состоявшейся 3 декабря 1995 года в первое Воскресенье Адвента. Публикуя биографию Евгения де Мазенода, хотелось почтить память и выразить благодарность человеку, обладавшему сердцем, огромным как весь мир, по велению которого он посвятил себя служению нищим, а также основал Конгрегацию Миссионеров Облатов Непорочной Марии, чтобы проповедовать Евангелие в самых дальних краях света. На торжество канонизации "Человека Адвента", как в своей проповеди назвал его Папа Иоанн Павел II, прибыло более 800 его духовных сыновей из Австралии и Океании, Азии, Африки, Латинской Америки, Европы, от Испании и до Украины, а также несколько тысяч паломников из более шестидесяти стран мира, что свидетельствовало о многонациональности и многокультурности евангелизационного наследия, оставленного после себя новым святым.

Наполненное жаром сердце св. Евгения наложило сильный миссионерский отпечаток на марсельскую епархию, преобразовав ее в одну из самых динамичных епархий тогдашней Франции. Во время проведения канонизационной св. Мессы Папа Иоанн Павел II в своей проповеди отметил: "Епископ де Мазенод осознавал, что мандат каждого епископа, как и каждой местной Церкви, сам по себе является миссионерским. Поэтому он старался делать все, чтобы старинная марсельская Церковь, берущая свое начало от апостольских времен, могла образцово следовать своему миссионерскому призванию под руководством своего пастыря".

Авторы данного издания - Облаты Непорочной Марии Р. Бауденс и Й. Катзер - постарались описать жизнь св. Евгения в аспекте именно такого чувства долга и миссионерской активности. Горячая любовь к Церкви и забота о спасении душ научили молодого священника Евгения де Мазенода чувствовать, понимать Божий призыв и реализовывать его в повседневной жизни. Это позволяло ему видеть дальше границ марсельской епархии или даже границ родной Франции. О его большом миссионерском усердии, которое может стать примером для всех нас, говорил Иоанн Павел II. Он подчеркивал, что его пример является одновременно требовательным призывом к более глубокому пониманию своего христианского призвания, призвания к еще большей любви к ближнему и к евангелизации мира. Эти качества нужны нам именно сегодня, в начале третьего тысячелетия новой эры.

Когда епископ Цейлонский о. Беттакини безуспешно искал по всей Франции миссионеров для своей епархии, епископ из Тюль посоветовал ему: "Езжай в Марсель! Там найдешь епископа, монашеская конгрегация которого еще очень мала, но у него большое сердце, такое как у св. Павла, сердце, огромное как весь мир. Скажи ему, что речь идет о спасении убогих, очень бедных, самых бедных людей. Этим словам он не сможет противостоять". Епископ Беттакини отправился в Марсель к епископу Евгению де Мазеноду, и уже в 1847 году первые облаты выехали на Цейлон.

Именно таким и был Евгений де Мазенод - человеком с огромным, как весь мир, сердцем! Под таким же названием, с согласия авторов вышел польский перевод его захватывающей биографии. Завершает ее обзор сегодняшней миссионерской деятельности Конгрегации Миссионеров Облатов Непорочной Марии в 67 странах мира, а также краткая история их работы.

Издание этой книги на русском языке совпало с 10-ой годовщиной канонизации Евгения де Мазенода.

I. ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ - ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ

БОГ ПОРОЙ ВЕДЕТ НАС ДОРОГОЙ, ПОЛНОЙ ИСПЫТАНИЙ,
КОТОРЫЕ ВПОСЛЕДСТВИИ МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ ОЧЕНЬ
ПОЛЕЗНЫМИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ НАШИХ ЖИЗНЕННЫХ
ЗАДАЧ

“ Время пребывания в Венеции стало для меня решающим, определив дальнейшее направление моей жизни. В этом была заслуга кс.Бартолло, который, благодаря своим исключительным способностям, сумел подготовить меня к принятию благодати и в сотрудничестве со Святым Духом, орудием которого он являлся, привил мне основы христианской религиозности и набожности; на этих основах Божие Милосердие позволило мне построить здание моей духовной жизни....

Именно тогда и зародилось мое призвание к духовному сану. Если бы мы остались в Венеции еще на год, то по совету моего духовного наставника я принял бы монашество. Он и сам собирался стать монахом, и тогда мы с ним были бы братьями”

Так позже напишет Евгений де Мазенод об этом периоде своей жизни.

МИР, В КОТОРОМ ЖИЛ ЕВГЕНИЙ

Жизнь человека не всегда идет в одном направлении, не всегда согласуется с нашими намерениями, планами. Знает она как завоевание вершин, так и падения в пропасть, как решительное стремление к однажды избранной цели, так и опасность сбиться с пути. Мы подвержены тройному воздействию: как прогрессу, так и застою или даже деградации. Мы связаны с народом и страной, в которой родились и выросли, с ее историей и культурой, экономикой и традициями. Нас соединяет множество связей с семьей, с тем местом, где мы чувствовали себя как дома, с соседями и друзьями. Условия среды, в которой растёт человек, влияют на становление его личности. К природным дарам, а также культурному наследию добавились наши собственные достижения: ценности нашего разума, воли и чувств. На нашу жизнь повлияли полученные воспитание и образование, интеллектуальная среда и моральные нормы общества. И можно считать чудом, если кому-то удастся идти достойным путем, развиваться гармонично и сформироваться как зрелая личность в обществе, которое зачастую предлагает нам искаженную мораль.

Исследуя жизненный путь Евгения, мы имеем дело именно с таким чудом. Мы сможем понять этого южно-французского аристократа, священника, основателя конгрегации и епископа, импульсивного друга бедных только в широком контексте той социальной среды и мира, в котором он жил. Конечно же, полное понимание этого представляется для нас невозможным, поскольку нам сложно освободиться от современного взгляда на мир, от взгляда на историю современными глазами и от оценки событий того времени по нынешним критериям.

Время, в которое жил Евгений де Мазенод (1782-1861), отличалось бурными переменами. Первые семь лет его жизни историки впоследствии назовут “преддверием революции”. Франция находилась тогда в экономическом и политическом тупике, из которого ее не смог вывести король Людовик XVI (1774-1792) - последний представитель династии Бурбонов. Уже никто не смог бы оплатить огромных задолженностей французского государства, и правительство глубоко заблуждалось в том, что новыми налогами удастся наполнить опустевшую казну. При этом бремя налогов, разумеется, всей своей тяжестью легло на крестьян и городское мещанство. Государство забирало 70% их доходов. Дворянство и духовенство, как правило, освобождались от налогов. Конечно, это было огромной несправедливостью. Но если кто-то пытался отстаивать свои права, то должен был подкупать чиновников. Естественно, так долго продолжаться не могло: во Франции росла оппозиция против королевского двора и правительства. В нее входили представители высших слоев общества и люди, принадлежащие к третьему сословию, как тогда называли буржуазию и городское мещанство. Оппозиция провозгласила лозунг “Свобода и Равенство” и требовала социального равенства и права на совместное решение судьбы государства.

Король Людовик XVI, осознав шаткость своего положения, решил провести реформы. Он созвал Генеральные Штаты, которые не заседали вот уже 179 лет. Во время дебатов представители Третьего штата потребовали, чтобы новые права устанавливались по количеству жителей, а не по штатам. Хотя Король и согласился с этим, но в то же время к Парижу были подтянуты войска, что вызвало революционные волнения. И вот уже 14 июля 1789 года парижане штурмом взяли Бастилию, правительственную тюрьму, и освободили политических заключенных. Это стало началом глубоких социально-политических перемен, которые охватили всю Европу.

Ритм жизни Европы тех времен задавала Франция, являясь “образцом для всех народов” (Caraccioli). Париж воспринимали как столицу нравов и хорошего вкуса, а также интеллектуального прогресса и высокой культуры, подражали его архитектуре и стилю жизни. При немецких и польских, австрийских и российских дворах говорили и писали по-французски. Из Франции приглашали ученых и артистов, политиков и архитекторов. Князья строили для себя малые Версали. При иностранных дворах не замечали того, что творится среди народа. Всякие попытки его недовольства сразу же жестоко пресекались. Но это не смогло уничтожить источники бунта, и со временем освободительное движение охватило всю Европу.

Юный Евгений де Мазенод стал свидетелем наступающих перемен во Франции:

1789-1799 гг.	Французская революция в ее разных фазах
1799-1814 гг.	Правление Наполеона Бонапарта, консула, императора, тирана; его войны разорили Европу тех времен
1814-1830 гг.	Восстание, начатое Бурбонами; попытка поворота колеса истории
1830-1848 гг.	Июльское королевство: окончательное падение Карла X Бурбона (1824-1830 гг.) и приход к власти “короля мещан” Орлеанского князя
1848-1852 гг.	Антракт к следующему действию - Образование Второй Республики
1852-1870 гг.	Второе правление Наполеона III. В период его правления построен Суэцкий канал. Покинул трон, проиграв французско-немецкую войну (1870-1871 гг.)

Такой в общих чертах была политическая жизнь того мира, в котором созрел и рос Евгений де Мазенод. Здесь упомянуты также люди и события, повлиявшие на решения и поступки Евгения.

ДЕТСТВО

Евгений де Мазенод родился 1 августа 1782 г. на юге Франции в Экс-ан-Провансе. Трудно воссоздать образ этого толкового ребенка, так как мы мало знаем о первых годах его жизни.

Однажды дядя взял четырехлетнего Евгения с собой в театр. Они сидели в бельэтаже, предназначенном для местной знати. На спектакле публика явно скучала - то ли пьеса была скверной, то ли актеры были не самыми лучшими. Вскоре зрители из партера не выдержали и стали выражать свое недовольство свистом. Вдруг из ложи бельэтажа громко прозвучал возмущенный детский голосок: “Подождите, я сейчас спущусь к вам!” Такая реакция малыша вызвала громкий смех в зале. Этот эпизод является довольно характерным для поведения Евгения. Его спонтанность будет определять впоследствии характер его дальнейших поступков.

Эта черта характера дала знать о себе также и в другом случае. Произошло это во время суровой зимы 1788 года. Семейство Ревест, которое дружило с семьей де Мазенодов, пригласило как-то Евгения де Мазенода в гости. Войдя в гостиную, Евгений заметил, что в камине нет огня. “Как же так - воскликнул он – вы не зажигаете сегодня огонь в камине? Ведь холодно!” Госпожа Ревест заметно смутилась: “Действительно, очень холодно... Но мы бедны, а дрова стоят дорого”. Евгений, почувствовав себя неловко, взглянул на г-жу Ревест и вышел из гостиной. Но уже через час он вернулся, с трудом толкая впереди себя тяжелую тачку, доверху нагруженную поленьями дров: “Вот дрова, теперь мы можем разжечь огонь”.

Этот случай подтверждает доброту его сердца, но больше он свидетельствует о молниеносной реакции Евгения на людскую беду и конкретных действиях. Эта черта характера преобладала и в дальнейшей его жизни, он всегда действовал быстро и решительно. В то же время такое поведение таило в себе и много опасностей. Евгений редко о чем-либо просил, он требовал, а если сталкивался с неприятием окружающих, когда ему в чем-то отказывали, взрывался с присущей ему вспыльчивостью.

СЕМЬЯ И РОДСТВЕННЫЕ УЗЫ

Род де Мазенодов принадлежал к старинной французской аристократии. Предки де Мазенодов, живущих в Эксе, были выходцами из окрестностей Лиона. Отец Евгения - Карл Антон, высокообразованный человек, занимал одну из главных чиновничьих должностей в администрации Прованса - Председателя Счетной Палаты в Эксе. Юрист по образованию, он был автором нескольких серьезных публикаций в области истории и права. В 1778 году 30-летний Карл Антон де Мазенот обвенчался с Марией-Розой-Евгенией Йоанис. В качестве приданого она принесла в супружество совершенно заброшенный замок в Грансе. Ее отец был королевским советником, а также профессором факультета медицины в университете в Эксе. Оба семейства - де Мазеноды и Йоанисы были одними из самых уважаемых в Эксе. Поэтому можно не удивляться, что молодой Евгений гордился своим происхождением. Несмотря на некоторые негативные стороны в отношениях с членами семьи, он мог позже сказать, что "готов в ее защиту позволить изрезать себя на мелкие куски".

Когда Евгению де Мазеноту исполнилось семь лет, его отдали на обучение в Колледж Бурбонов в Эксе. Евгений и его младшая сестра Нинетт получили все, что им могло дать знатное происхождение, поэтому их детство можно назвать счастливым. Воспитатели сделали все, чтобы искоренить в детях недостатки и развить достоинства.

В доме де Мазенодов христианство формировало жизненные основы всех ее членов, являясь основой порядка в семье. Для этой семьи, принадлежащей к высшему социальному слою французского общества, религия не была всего лишь одним из признаков хорошего тона, по неписанным правилам которого полагалось по воскресеньям занимать свое место за попечительской партой в приходской церкви и иногда вручать настоятелю небольшую милостыню для бедных.

Особенно семья гордилась двумя своими родственниками, занимающими высокие посты в Церкви. Дядя Евгения - Карл Август, защитив в Сорбонне докторат по теологии, служил Генеральным викарием Марсельской епархии. Второй его дядя - Карл Фортюнат занимал должность каноника кафедрального капитула в Эксе. Другие родственники также пользовались общественным уважением, как например, холостяк Карл Людовик. Вел он довольно бурную жизнь, так как был капитаном корабля. Как-то во время рейса в Индию в 1771 году корабль потерпел крушение, а капитан спасся благодаря тому, что был хорошим пловцом. Позже капитан принимал участие почти во всех сражениях, которые Франция вела на Американском континенте с Англией, и за смелость, проявленную в битвах под Сент-Кристофом, был награжден орденом св. Людовика.

БЛАГОРОДНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ОБЯЗЫВАЕТ

Французское благородное общество состояло из трех сословий. Верхушку социальной пирамиды занимало дворянство, владевшее огромными поместьями и привилегиями. Средние слои этого общества, к которым принадлежали де Мазеноды, жили в небольших сельских поместьях. Ниже всех находились мещане, занимавшие дворянские должности.

Представителей всех этих трех сословий связывало убеждение, что они являются какими-то особенными людьми, в чьих жилах течет голубая кровь, и поэтому они придерживались роскошного стиля жизни, стараясь следовать этикету двора. Прежде всего, они отстаивали свою честь, не терпя никаких оскорблений, порой даже мнимых, и всегда подчеркивали свою верность короне. Таких же принципов придерживалась и семья Мазенодов.

Во время революции и после нее такая позиция могла создать семье много проблем. Проявилось это и в отношениях с Жаном-Этьеном-Мари Порталисом - министром общественного просвещения, одним из создателей нового гражданского права.

Выходец из Экса г-н Порталис - долголетний министр наполеоновской службы не мог согласиться с тем, что французское благородное общество оставалось по-прежнему верным королю. Он считал, что в жизни нужно принимать перемены и не рисковать, чтобы не навредить своей карьере.

Спустя много лет, когда Евгений де Мазенод вернулся из эмиграции во Францию, господин Порталис высказал ему с упреком: “Я предложил твоему отцу и двум твоим дядям посты, о каких можно было только мечтать, а они отказались, предпочитая прозябать, как беженцы. Ведь твой отец мог стать председателем Счетной Палаты, дядя-священник - архиепископом в Авиньоне, а дядя-морьяк имел все шансы стать контрадмиралом. Очень странно твоя семья понимает привязанность к трону: храня верность королю, отказывается служить императору”.

Господин Порталис так никогда и не понял, почему де Мазеноды не пожелали принять чуждую им новую революционную действительность, почему не пожелали воспользоваться представившимися возможностями, которые позволили бы им приобрести себе в новой Франции выгодные посты.

НА ПОГИБЕЛЬ АРИСТОКРАТАМ

Темные тучи, собравшиеся в преддверии революции над Францией, повлияли также и на жизнь в Эксе. Город, всегда излучавший радость, потому что столько солнца как в Эксе не было нигде, теперь утратил типичную для себя атмосферу радости и покоя. Среди местного мещанства усиливалось волнение.

За несколько месяцев до штурма Бастилии граф Виктор Мирабо - оратор, сумевший снискать популярность среди простого народа, взбунтовал провансальцев против дворянства и духовенства, представив их злейшими врагами мещан. Мирабо - сын города Экса, а позднее - революционный лидер, вел враждебно настроенные массы против дворянства. Карл Антон де Мазенод - отец Евгения, принадлежавший к самым известным представителям этого дворянства, выступил в защиту его привилегий в изданном в то время мемориале.

Мещанство, называемое третьим Штатом, требовало для себя более широкого участия в Генеральных Штатах и, выдвинув свою политическую программу, вышло на улицы города. Изданный господином де Мазенодом мемориал имел трагические последствия. Когда вспыхнула революция, начались аресты. 14 декабря 1790 года на главной улице Экса были пойманы и повешены несколько аристократов. Карл Антон де Мазенод, наблюдавший за этим из окна своего дома, в последнюю минуту смог убежать в Ниццу, переодевшись охотником. Он полагал, что там будет безопаснее, так как Ницца принадлежала тогда королю Пьемонта и Сардинии. Только в 1860 году она была присоединена к Франции.

Семье де Мазенодов жилось нелегко и до эмиграции отца, но тогда он был с ними и, по крайней мере, мог их защитить. 5 августа 1789 года распался старый феодальный строй. 27 августа только что утвержденные права мещан и права человека стали общеобязательным правом государства. Новый лозунг провозглашал: “Свобода, Равенство, Братство”. 10 октября началась приватизация церковного имущества. Вскоре за этим революционная власть завладела имуществом аристократии, бежавшей за границу. Г-н де Мазенод понимал, что его бегство лишит семью в Эксе всяких средств к существованию.

ЕВГЕНИЙ УБЕГАЕТ К ОТЦУ

Весной 1791 года по всему Эксу разнеслась ужасная новость, что сыновьям бежавших аристократов угрожает смертельная опасность. Плохие вести дошли и до Ниццы. Г-н де Мазенод сразу же решил, что его сын Евгений обязательно должен присоединиться к нему.

Госпожа де Мазенод не была уверена, стоит ли позволить сыну отправиться в такое путешествие. Но в это время из Ниццы прибыл дядя Евгения - морьяк, капитан Карл Людовик де Мазенод, который опекал Евгения в дороге. И уже 23 апреля они благополучно прибыли в Ниццу. С тех пор для Евгения начались скитания на чужбине, которые продолжались 11 лет. Только спустя 11 лет он сможет вернуться на родину.

НИЦЦА

В Ницце Евгений оставался с апреля по октябрь 1791 года. Вместе с отцом и дядей они жили на главной улице в пансионате “Север”. Там же Евгений начал брать уроки итальянского языка. Прохожие не раз видели девятилетнего мальчугана, сидящего на пороге дома со школьными заданиями. Евгению трудно давался этот язык. Случалось, что он даже прибегал к помощи проходивших мимо итальянцев.

В июле в Ниццу приехали мама и сестра. Радость объединения семьи была велика, но привезенные вести все восприняли с огорчением. Мать рассказала, что королю не удалось сбежать, и в июне 1791 года его под конвоем привезли в Париж из Варен, лишив всякой власти. Народное Собрание создало Конституанту, состоящую из 4 политических группировок: 20 государственных деятелей оставались верными королю, 250 жирондистов представляли правых, 30 - левых якобинцев, и небольшую численность составляли независимые члены. Доминирующая же роль досталась якобинцам, которые, хоть и были в меньшинстве, но были хорошо организованы, имели действующий центральный аппарат и представительства на местах, а также умело пользовались продуманной пропагандой. Все это помогло им снискать симпатии народных масс Парижа.

ТУРИН

Беспокоясь за образование сына, Карл Антон де Мазенот решил переехать в Турин, где в сентябре 1791 года определил Евгения в местный дворянский колледж. Обучение там вели барнабиты - орден, основанный в 1530 году в Милане святым Антонием-Мария Дзаккариа с целью морального возрождения итальянского общества. Отцам этого ордена удалось создать новый дом для французских детей-беженцев. Евгений очень к ним привязался. В 1826 году, он, уже будучи основателем Конгрегации, специально свернул со своей дороги в Рим, чтобы навестить барнабитов в Турине.

В 10-летнем возрасте Евгений первый раз приступил к святому Причастию в этом колледже. Часто потом он вспоминал этот день, навсегда запомнив его точную дату. В этом же году он принял таинство Миропомазания.

В Турине Евгений почувствовал, что болен: причиной недомогания послужил небольшой нарост, появившийся в уголке левого глаза еще при рождении. В те времена очень боялись хирургических операций, так как они проводились без наркоза. При появлении доктора Пинкинати вместе с инструментами, всевозможными ланцетами, ножницами, ножами, парня оставила смелость, и доктор вынужден был отказаться от операции. Спустя некоторое время Евгений взял себя в руки, и потом ему даже было стыдно за свою трусость. Сначала он пошел в часовню, чтобы попросить Бога о поддержке, а потом обратился к директору колледжа с просьбой снова пригласить хирурга. После успешно проведенной операции молодой аристократ мог быть доволен собой - на этот раз он не струсил и не сделал ничего, что шло бы вразрез с его честью.

Из письма, которое Евгений написал 13 июля 1806 года одному из своих друзей, мы узнаем, что он был обычным мальчишкой - дрался, если кого-то обижали. “С удовольствием вспоминаю, как ударил одного пьемонтского мальчишку, чтобы защитить тебя от его издевок”, - пишет он.

Евгений прожил в Турине три беззаботных года. Он многому научился в интернате. Его не особо интересовала революция во Франции, которая изменила весь его тогдашний мир и вынудила родителей и сестру оставить Ниццу и присоединиться к нему в Турине.

Революция во Франции стала источником новых забот и несчастий. В апреле 1792 года Франция объявила войну Австрии. Именно тогда капитан Руже специально для солдат написал «Марсельезу» - боевую песню революции, которая в последствии стала национальным гимном Франции. Крупные неприятности коснулись также и короля. Его ситуация еще больше усугубилась, когда он отказался осудить князей, не желающих присягать новому режиму. Эмигранты же требовали освобождения арестованных аристократов и прежде всего - короля. В это время революционные отряды атаковали Тюильри - старую королевскую резиденцию в Париже. Под стражу была взята вся королевская семья. В сентябре 1792 года многим французским дворянам пришлось эмигрировать. 361 голосами «за», и 160 – «против» короля приговорили к смертной казни на гильотине. Пользуясь моментом, Англия объявила войну Франции. 1793 год был полон

военных поражений в битвах с войсками чужой интервенции, в стране царили голод и инфляция, вспыхивали крестьянские восстания.

Чтобы удержать власть в своих руках, якобинцы не останавливались ни перед чем. Страну захлестнул кровавый террор, приведший к диктатуре во главе с Максимилианом де Робеспьером. Только за июль 1793 года в Париже по подозрению в контрреволюционной деятельности на гильотине, обезглавили 1251 подозреваемого. Гильотину изобрел доктор медицины Гийотен. С ее помощью он намеревался сделать исполнение смертного приговора более гуманным, но она стала символом кровавого зверства. Королева Франции Мария-Антуанетта - дочь императрицы Марии-Терезы - также подверглась смертной казни на гильотине. Начались преследования тех, кто оставался верен казненному королю. Идеологией нового государства стал воинствующий атеизм. Закрывались церкви, арестовывались и преследовались священнослужители. Собор Нотр-Дам де Пари был превращен в святыню Разума, где место Божьей Матери заняла местная куртизанка, в качестве «богини разума».

Террор якобинцев рикошетом ударил по своим же рядам. Под гильотину попал и сам Робеспьер. Французская революция пожирала собственных детей. Вскоре на бездорожьях революции появился молодой офицер из Корсики - Наполеон Бонапарт, звезда которого молниеносно загорелась во Франции.

БЕГСТВО В ВЕНЕЦИЮ

Карл Антон де Мазенод смог правильно оценить сложившуюся политическую ситуацию. Поскольку Турин находился слишком близко к Франции, Наполеон мог переместить свои войска на Север Италии. Тогда он, Карл, принял решение продолжить жизнь скитальца. В начале 1794 года он забирает своего сына Евгения из колледжа барнабитов. Очередным пристанищем для себя вся семья избирает Венецию. На небольшом суденышке де Мазеноды поплыли вниз по течению в низовье реки Пад, впадающей в Адриатическое море. Кроме жены и детей Карла Антона, с ними были и родственники: дядя Карл Август - старый генеральный викарий Марселя, каноник Фортюнат и капитан Карл Людовик. С собой они взяли еще несколько пассажиров: тетку, кузена и двух слуг, не пожелавших расстаться со своими господами. Оставшиеся свободные места они предложили нескольким эмигрантам. Путешествие продолжалось 12 дней.

На ночлег судно причаливало к ближайшим селениям, расположенным по берегам реки, там же пополнялись и запасы продовольствия. В общем, беглецов принимали приветливо, и только в Остилии никому не позволили сойти на берег. На судно поднялись военные. После выяснения причины и обстоятельств плавания некоторым пассажирам разрешили в сопровождении солдат сойти на берег за покупками. Позже Евгений вспоминал этот инцидент не иначе, как “варварское нападение”.

Постепенно число пассажиров на судне уменьшалось. Некоторые эмигранты, намеревавшиеся добраться до Вероны, сошли на берег уже в Боргофорте. Другие же, желающие найти приют в Церковном Государстве, сошли на землю в Понтелонго. В результате осталась одна семья де Мазенодов. Однако, за два дня до прибытия в Венецию, им сообщили, что чужестранцам въезд в город запрещен. Несмотря на это, г-н де Мазенод все же решил на дальнейшее путешествие. “Придет время - что-нибудь придумаем”, - подумал он. И оказался прав: в Кьодже он и его семья пересели на баржу, на которой благополучно пересекли лагуну - небольшой мелководный залив. Их глазам, словно белая жемчужина в лазурном море, открылась Венеция.

ВЕНЕЦИЯ

апрель 1794 - ноябрь 1797

Когда де Мазеноды сошли на землю, то попали, в буквальном смысле слова, “с корабля на бал” - на Венецианский праздник, отмечающийся в период Вознесения Господнего и носивший характер символического обручения дождей с морем. Город праздновал всю неделю. На площади св. Марка было столько народа, что “яблоку негде было упасть”, вокруг лавок выстраивались посетители. Уличные торговцы наперебой расхваливали свой товар, а из многочисленных таверн доносились пение и веселый смех. В тени домов собирались небольшие компании,

рассказывающие веселые анекдоты за бутылочкой недорогого вина, а из окон выглядывали любопытные жильцы, наблюдая за тем, что творится в городе. Особенно много народа было у Большого Канала. Радовал глаз Дворец Дожей, украшенный множеством разноцветных флажков. Праздник произвел на Евгения большое впечатление. Казалось, что проходящая рядом война не мешала веселиться венецианцам, производившим впечатление счастливых людей.

Небольшая группа эмигрантов рассеялась по всему городу, как птенцы, покинувшие свое гнездо. Напрасно отец пытался найти хоть какую-нибудь квартирку, ему везде отвечали: "Только после праздника, когда все разъедутся по своим домам". Свою первую ночь Мазенодам пришлось провести в лодке. В конце-концов Монтекатини нашел для них какое-то помещение. В Турине Монтекатини представился Мазенодам австрийским офицером – чтобы бесплатно вместе с женой доплыть до Венеции на судне Мазенодов. На самом же деле, он был уличным певцом, без особых средств к существованию. И теперь, выражая свою признательность, он часами искал в Венеции какое-нибудь жилье для своих добродетелей. Наконец, он нашел помещение, состоявшее из двух комнат. Хотя этого было недостаточно для одиннадцати человек, все были довольны. А уже после праздника они перебрались в небольшую квартиру у Большого Канала, напротив Палаццо Гримани.

ОТЕЦ БАРТОЛЛО ДЗИНЕЛЛИ

Дом, в котором сняли квартиру, был отделен от соседнего дома очень узким переулком. Однажды, выглянув из своего окна, Евгений увидел в окне напротив священника. Это был Бартолло Дзинелли, который жил вместе со своей матерью - госпожой Камиллой, а также с братом Пьетро. Оба дома находились так близко, что можно было переговариваться через окно. Первым заговорил отец Бартолло:

- Вот уже несколько дней я наблюдаю за тобой. Не тратишь ли ты понапрасну время, когда часами глядишь в окно?

- А что делать? Скучно. Мы французские беженцы. И даже никакой книжки нет почитать, - ответил Евгений.

- Послушай. Я как раз нахожусь в окне своей библиотеки. Большинство книг, конечно же, латинские, но есть итальянские и даже французские. Можешь читать сколько угодно.

- Благодарю вас, это было бы прекрасно! - радостно воскликнул Евгений.

Отец Бартолло отошел от окна и уже через минуту протянул через окно Евгению какую-то книгу. Прошло несколько дней, и, когда Евгений де Мазенод возвращал священнику прочитанную книгу, тот продолжил разговор.

- Евгений, если хочешь, можешь приходить ко мне каждый день. Все мои книги - в твоём распоряжении. Приходи ко мне хоть каждый день, можешь их читать.

Потом он указал на письменный стол:

- За ним всегда сидел мой умерший брат, если хочешь занять его место - достаточно будет сказать мне об этом. Для меня будет большой радостью, если хоть чем-то смогу тебе помочь.

- Мне очень этого хочется, и я надеюсь, что мой отец не будет против.

- Хорошо. Тогда приходи, и завтра начнем!

На протяжении четырех лет, проведенных в Венеции, Евгений почти каждый день заходил к отцу Бартолло. Венецианский духовник сразу же почувствовал исключительность этого мальчика. Евгений был набожным и в то же время далеким от ханжества, имел ясный ум и искреннее стремление к знаниям. Рука хорошего педагога могла сделать из него великого человека.

Для Евгения отец Бартолло стал вторым отцом. Он был для него опорой в трудные молодые годы. Евгений сохранил об этом священнике добрую память, часто вспоминал о нем позже в беседах. А когда бывал в Риме, всегда находил время, чтобы помолиться на его могиле.

Дом отца Бартолло был излюбленным местом встреч итальянских и французских священников, которые сначала читали бревиарий, а потом в гостиную обсуждали текущие дела. К Евгению в этом доме относились как к сыну, и поэтому он мог принимать участие в этих собраниях. Обмен мнениями между итальянскими и французскими священниками, несомненно, расширял кругозор Евгения. Первое время теологические дискуссии ему были не всегда понятны, но, когда они оставались одни с отцом Бартолло, тот более простым языком разъяснял Евгению обсуждаемую тему. Таким образом, Евгений ознакомился с яansenизмом, о котором много слышал

во время дискуссий. Голландский теолог Корнелиус Янсений, от имени которого произошло название «янсенизм», проповедовал учение о том, что Церковь - это община, объединяющая исключительно святых, и что грешники к Церкви принадлежать не могут. Но поскольку святых людей, свободных от грехов, мало, то только избранная горстка людей может приступать к Святому Причастию, и то очень редко - максимально раз или два раза в год. Римские папы неоднократно осуждали подобное учение, ведь Иисус был послан к грешникам, сидел с ними за одним столом, оказывал им свое милосердие. Ведь Бог объявился для нас как милосердный Отец.

«Всегда оставайся милосердным по отношению к грешникам и бедным. Не следует над ними возноситься», - наставлял Евгения отец Бартолло.

Со временем Евгений усвоил понятие «галликанство» - церковно-правовую систему, носившую националистический характер и пытающуюся уменьшить роль Папы в Церкви. Когда Евгений становился свидетелем резких выпадов в сторону Папы, в его сердце укреплялась искренняя привязанность к наместнику Христа на земле, и он безропотно подчинялся его учению. Вместе с тем росла подозрительность Евгения по отношению к тем французским священникам и епископам, которые в своих размышлениях или письмах пытались уменьшить полномочия Папы в Церкви. Будучи патриотом своей родины, Евгений все же смог критически отнестись к французскому национализму, прекрасно осознавая тот факт, что французская Церковь – всего лишь одна из многих церквей Вселенской Церкви. Поэтому ее ни в коем случае нельзя отождествлять со Вселенской Церковью.

По правде говоря, получить системное образование в эмиграции было трудно. Поэтому общение со священником Бартолло Дзинелли имело огромное значение для формирования духовности, развития сердца и ума Евгения де Мазенода. Неизвестно, как бы сложилась его судьба, если бы он не встретил священника Бартолло. Именно в Венеции Евгений первый раз подумал о том, чтобы стать священником. Он просто хотел быть похожим на своего учителя Бартолло Дзинелли - священника, друга молодежи, на которого может рассчитывать Папа.

Конечно, Евгению было невозможно скрыть свои намерения от семьи. Карл Август де Мазенод, изгнанный генеральный викарий Марселя, хотел узнать об этом непосредственно от Евгения.

- Евгений, это правда, что ты хочешь стать священником? - спросил он.

- Да, дядя, - без колебаний ответил Евгений.

- Не знаю, как это ты себе представляешь, - продолжил дядя. - Ты самый молодой представитель рода де Мазенодов, и, если станешь священником, то род просто вымрет, и уже никто не будет называться де Мазенодами.

Это утверждение заставило молодого амбициозного аристократа о многом подумать. Он помедлил с ответом и наконец сказал:

- Разве это не большая честь для нашего рода, что он закончится священником?

Отец Бартолло не хотел допустить, чтобы благородная религиозность Евгения была только временным воодушевлением. Поэтому он позаботился о серьезном развитии Евгения, составив для него конкретный план ежедневных занятий, в который входили основы религиозной практики, утренние и вечерние молитвы и ежедневное чтение Священного Писания.

- Будет лучше, если начать с малого, но с большим усердием и искренним переживанием, - советовал Евгению отец Бартолло.

Программа, предложенная отцом Бартолло сохранилась до наших дней. На обороте этих записей можно увидеть пометки Евгения, оставленные ним по истечении многих лет: «Прошу всех, в чьи руки когда-либо попадут эти записи, оказать им величайшее почтение, как если бы речь шла о рукописях св. Франциска Сальского. Такое же пожелание относится и к письмам благочестивого отца Бартолло, которые находятся в моем распоряжении. Я не удивлюсь, если однажды Церковь причислит кс. Бартолло к лику святых».

МАТЬ И ДОЧЬ ВОЗВРАЩАЮТСЯ В ЭКС

Прошло четыре года (1794 – 1797). У отца появлялись все новые финансовые проблемы, которых Евгений не замечал. Все сбережения, взятые с собой в изгнание, исчерпались, и отцу пришлось продать драгоценности своей жены. Этот амбициозный аристократ стыдился своей

нищеты. Скромного семейного бюджета хватало лишь на питание и оплату квартиры. О том, чтобы купить себе обновку, не могло быть и речи.

В 1795 году ситуация во Франции постепенно изменилась. 21 апреля Директорат провозгласил свободу религии. Условия жизни во Франции смягчились.

Г-жа де Мазенод после известия о смерти ее отца, решила вернуться в Прованс, чтобы получить хотя бы часть принадлежавшего ей наследства. В начале октября 1795 года мать и дочь покинули Венецию. Отец с сыном проводили их до Ливорно.

Вести из Экса дошли до Венеции только спустя несколько недель. Чтобы попасть во Францию, двум женщинам пришлось держать свой путь через Швейцарию. Задержавшись какое-то время в Лионе, они только в сентябре отважились вернуться в Экс. На родине Марии-Розе-Евгении пришлось приложить немало усилий, чтобы власти вычеркнули ее имя из списка политических беженцев. Кроме того, из всего наследства, оставленного отцом, ей удалось вернуть себе только недвижимость. Но и это было не так уж плохо.

Однако у остальных членов семьи не было шансов на возвращение: оно могло стать опасным, особенно для Евгения. Его сразу же могли забрать в революционную армию и отправить на фронт. Евгений не мог пойти против своей совести и согласиться на это.

И СНОВА БЕГСТВО

В 1796 году Наполеон Бонапарт назначен главнокомандующим французской армии в Италии. Этот офицер-корсиканец был не только храбрым солдатом, но еще и талантливым стратегом, выдающимся теоретиком военного искусства. Ему-то и пришла мысль ввести всеобщую воинскую обязанность.

Все тогдашние войны трудно было назвать народными, они носили больше характер «кабинетных войн», которые проводились наемными войсками, а не народной армией. В то время вербовали в солдаты проходивших военную подготовку всего лишь несколько месяцев. После этого по распоряжению князей солдаты выходили на поле битвы. Франция первая отошла от принципа вербовки, военная служба должна была стать всеобщей и, конечно же, обязательной. Уже не было массового наступления солдат на окопы неприятеля, и солдатам не нужно было маршировать в ногу под бой барабанов. Напротив, создавались малые специализированные отряды, которые действовали согласно планам своих штабов. Теперь уже не было необходимости возить за солдатами запасы продовольствия. Они жили за счет грабежей на завоеванных территориях. Что касается военных званий, погон и наград, то их стали присваивать за личную храбрость и мужество, проявленные в боях, а не за знатное происхождение, как это было принято раньше.

Благодаря этим переменам армия Наполеона какое-то время считалась непобедимой. Наполеон предпочитал быстрое и внезапное наступление, применив его первый раз на севере Италии. Его войска стремительным маршем прошли через Ниццу, Турин, Мантую и атаковали Церковное Государство. В результате Итальянского похода Бонапарта Венецианская республика оказалась отрезанной от суши. Мещане Венеции вынудили сенат уйти в отставку, и с тех пор они симпатизировали французам.

Под угрозой оккупации французских войск Карл Антон де Мазенод приготовился к дальнейшему бегству. Семья, уменьшившаяся до 3 человек, - отец, сын и дядя, - упаковав свой багаж, отправилась на юг - в Неаполь.

НЕАПОЛЬ

1 января 1798 г. - 3 января 1799 г.

Чтобы не попасть в руки солдат наполеоновской армии, в Неаполь пришлось отправиться по морю. В целях экономии наняли плоскодонную манзеру - лодку для перевозки домашнего скота, и на ней поплыли по Адриатике сначала до Зары в Далмации и дальше - до Манфредонии в Италии. Оттуда по суше они могли безопасно добраться до Неаполя.

Сильные встречные ветры и переменчивое настроение капитана препятствовали быстрому прибытию к берегу. К Заре они доплыли только по прошествии сорока трех дней. Оттуда манзера должна была отправиться в Манфредонию, но пираты, грабящие судна в Адриатическом море,

помешали этому. И только в сочельник Рождества Христова в 1797 году манзера причалила к Манфредонии. Через Фоджу, Ариано и Авенило измученные путешественники наконец-то попали в Неаполь уже в новом 1798 году.

В Неаполе де Мазеноды поселились в доме барона де Талейрана, с которым были дружны. Период пребывания в Италии был очень сложным. Исчерпались финансовые запасы, не было никакой возможности отправить Евгения в школу. Единственным развлечением для него были уроки немецкого языка, которые он брал у одного сержанта. Но в один прекрасный день репетитор исчез, и 16-летний Евгений снова остался без занятий. Играть в карты с отцом и дядей он не хотел. Ему наскучили одни и те же разговоры с бесконечными жалобами на судьбу, и Евгений еще больше замкнулся в себе.

Единственной радостью в то время стали для него письма отца Бартолло Дзинелли. Он посоветовал Евгению найти в Неаполе священника, который мог бы стать наставником в его духовной жизни. Также, Евгений должен был придерживаться распорядка ежедневных занятий, предложенного ему когда-то отцом Бартолло. В свое время священник написал ему: “Поверь мне, самый ценный дар из тех, что Бог дает тебе, - это соучастие в страданиях Христа, и возможность разделить с Ним жизнь в нищете. Говорю тебе это, чтобы ты обрел утешение и освободился от разочарования в жизни, чтобы нашел в себе мужество и силы и мог стать кузнецом своей жизни”.

Отец Бартолло неоднократно повторял:

“Учись, учись все равно чему! Не трать зря времени! Ни одного дня без учения!”

Одаренный юноша, по своей природе предрасположенный к активной жизни, Евгений не только скучал в своем одиночестве, но и бунтовался, и дело доходило даже до яростных вспышек. Однажды в салоне барона де Талейрана, шел разговор о Папе, о Наполеоне Бонапарте, о политическом положении Франции. Один из присутствующих там гостей, каноник, позволил себе непочтительно отозваться о Его Святейшестве:

“Каждый может призывать бедных и угнетенных к новым молитвам и богослужениям, и говорить, что это якобы облегчит их горькую участь. Но разве этим остановишь французскую революцию? Не разумнее ли было призвать католический мир пожертвовать деньги на вооружение армии и тем самым победить французов? Но до таких действий Папа не дорос!”

Когда присутствующие одобрительно рассмеялись, Евгений искренне возмутился, сказав, что такое поведение священника говорит об отсутствии хорошего тона, и не подобает благородному господину наносить удар в спину беззащитному Папе.

В то время войска Наполеона стояли у ворот Рима и готовились ко взятию Неаполя. Победа английского адмирала Нельсона над французским флотом не смогла изменить ход истории, не спасла Южную Италию, а только на короткое время отсрочила взятие Наполеоном Неаполя. В декабре 1797 года генерал Шампоне вторгся в Рим и уже по древней Апиевой дороге направил свои войска на юг Италии. Только проливные дожди ненадолго задержали французов, дав возможность Неаполитанскому королю и его двору перебраться в Палермо, где им была обеспечена безопасность.

ПАЛЕРМО

(январь 1799 г., октябрь 1802 г.)

Французским беженцам пришлось пережить тревожные дни. На португальском военном судне г-ну де Мазеноду предложили четыре места, поскольку на Сицилию можно было перебраться только морским путем, и то, под прикрытием корабельных орудий. 3 января 1799 года военный фрегат покинул порт, и Мазеноды отправились в неведомое будущее.

Палермо! Какие перемены! В то время, как Неаполь жил в тревожном ожидании наполеоновского вторжения, Палермо, благодаря флоту Нельсона, чувствовал себя в безопасности. Следом за королевской семьей из Неаполя в Палермо переселилось большинство французских эмигрантов, принадлежавших к высшему свету. И началась в этом городе оживленная придворная жизнь - балы и праздники сменяли друг друга. Беззаботная жизнь XVIII века пережила очередной взлет, будто бы ничего и не произошло.

Как в Венеции, так и в Палермо Евгений еще раз мог убедиться, что родился в рубашке. Семья священника Каннидзарро доброжелательно приняла его. Уже через какое-то время он

участвовал в светской жизни, правда, без особого внутреннего желания, поскольку считал это напрасным времяпрепровождением. Но он был молодым аристократом – разве у него была возможность оставаться в стороне? Так, понемногу, он все больше знакомился со стилем жизни и образом мыслей людей, принадлежавших к аристократическому кругу. Он ходил с ними на охоту, принимал участие в конных забегах и пикниках на морском пляже. Дни были заполнены светскими приемами, балами и другими развлечениями.

Сестра Евгения, узнав об этих переменах в жизни Евгения, написала ему: “Из того, что ты и твой друг пишете, я поняла, что вы неплохо проводите время... Не считаешь ли ты, что ведешь беззаботный образ жизни? Еще не так давно ты был совсем другим. Ты сторонился девушек, при встрече с ними не подавал руки и предпочитал общество только старших дам. Если ты так быстро отступил от прежних жизненных принципов, то я хотела бы дать тебе несколько полезных советов. Ведь ты обладаешь хорошими благородными качествами и можешь многого добиться в жизни. Я надеюсь, что смогу гордиться тобой”.

На свое счастье, в семье Каннидзарро Евгений увидел не только роскошь и поверхностность салонной жизни, но и встретил глубоко религиозного человека. Он подружился с княгиней Лардери, которая оказывала молодому французу большое внимание, была с ним приветлива и считала его другом для своих сыновей. Евгений, в свою очередь, относился к ней с большим уважением. Благодаря княгине, он нашел в ее доме то, в чем в то время он особенно нуждался, то, о чем долгое время тосковал, и потому он был счастлив.

Через год Евгений познакомился с молодым князем де Бери, одним из претендентов на французскую корону, благодаря которому Евгений получил доступ к дворцовой жизни. В то же время он болезненно воспринимал нищету, в которой жила его семья. Он думал только о том, как облегчить судьбу семьи. Мысли о священстве отошли на задний план.

Евгений частенько выбирался на прогулку со старшим сыном графа де Шастелю и даже однажды отважился поехать с ним к руинам святынь в Седжесте, находящимся на значительном расстоянии от города - в северной части острова. В другой раз, семья Вентилья де Арамелла позвала Евгения на прогулку, где он случайно встретил князя де Бери. Тот пригласил его на свою яхту на небольшой пикник. В открытом море князь нырнул в воду. Евгений прыгнул за ним, но, к сожалению, неудачно, и сильно вывихнул плечевой сустав. В течение часа он был вынужден ждать врача, который так и не смог вправить ему сустав. И только в ближайшем госпитале нашелся студент медицины с «геркулесовой» силой, который помог ему. Однако какое-то время Евгений должен был оставаться дома. Товарищи не забыли о нем. Его часто посещали княгиня Лардери и молодые князья, графы и графини. Интерес к его особе еще больше усилил чувство гордости Евгения за свое происхождение.

Евгений оказался в Палермо на стыке трех миров. Обедневшая семья отца могла участвовать только в тех формах общественной жизни, которые не были связаны с большими расходами, с чем, конечно же, не мог смириться Евгений. Благодаря г-же Каннидзарро он смог сохранить связь с религиозным миром своего детства. Однако Евгения притягивала роскошная жизнь молодых аристократов. Он тоже хотел так жить. Находясь как бы в магнитном поле, он одновременно притягивался двумя полюсами - Богом и миром.

Внезапно ушла из жизни его добродетельница - княгиня Лардери. У ее могилы он плакал как ребенок: “Я потерял свою мать!” Оставшись наедине со своим горем, он снова начал искать смысл своего существования.

“Не понимаю самого себя. Когда я отдаюсь развлечениям, слушаю музыку и погружаюсь в беззаботное и даже бессмысленное времяпрепровождение, то сердце мое закрывается. Меня охватывает тоска, я начинаю искать одиночества, место, где я мог бы дать выход своей меланхолии, где мог бы выплакаться. Иногда мои друзья заставляли меня в такой ситуации и пытались развеселить. А я просто был “не в своей тарелке”.

О том, как Евгений пытался найти смысл жизни, можно узнать из трех писем, полученных им от священника Бартолло. Из-за военных событий переписка между ними прервалась на целых три года, и только осенью, 12 октября 1801 года, Евгений получил от него письмо, в котором отец Бартолло сообщил, что находится в Риме и поступил в иезуитский орден. Письмо заканчивалось словами:

“Ничего без Бога! Ничего против Бога!” К сожалению, ответное письмо утеряно, и мы не знаем, что в нем было.

Зато из содержания следующего письма отца Бартолло можно понять, что Евгений сообщил ему, что он еще молится и ходит в церковь на святую Мессу, но имеет уже другие жизненные планы, отличные от тех, что были у него в юности в период пребывания в Венеции. Его замучила нищета отца, и у него нет ни малейшего желания повторить отцовскую судьбу. Разве он не имеет права ожидать от жизни чего-то лучшего, наслаждаться жизнью?

На вопрос отца Бартолло, не раздумал ли Евгений стать священником, юный провансалец ничего не ответил, и это молчание крайне удивило его бывшего учителя.

“Вот то, что я о тебе думаю... Твой характер не выносит половинчатости. Поэтому в будущем ты способен сделать много хорошего, но и плохого не меньше”.

Священник попал в точку, можно сказать, это был выстрел в десятку. И в самом деле - как все незаурядные люди, Евгений де Мазенод не выносил половинчатости. В том же письме отец Бартолло пишет: “Ожидаю от тебя чего-то более возвышенного, нежели то, чем ты занимаешься в настоящее время. Чего-то великого, ради Славы Божьей и спасения душ человеческих”.

Однако, Евгений не изменил своего образа жизни. В нем стал проявляться созревший мужчина и амбициозный аристократ, мечтавший о почестях. Первый раз в жизни он подписался как «вице-граф». Евгений мечтал о соответствующем обществе, собственной семье, мечтал о карьере и богатстве. Разумеется, он остается христианином, но в то же время признается, что его прежняя набожность и прилежность заметно угасли. Новые жизненные идеалы боролись с прежними. Было необходимо, чтобы прежние победили, иначе юноша потерял бы свои корни, и его будущее никак не было бы связано с его прошлым.

Оценивая свое трехлетнее пребывание в Палермо, Евгений позже писал:

«Я бы охотно промолчал... Но я просто обязан свидетельствовать о безмерной любви Бога, который своей благодатью спас меня от большой опасности».

Тем временем ситуация во Франции постепенно нормализовалась. Наполеон, назначивший себя Первым Консулом на ближайшие десять лет, проводил политику «твердой руки». Но при этом Первый Консул ясно осознавал, что без знаний и политического опыта образованной французской аристократии, ему не удастся создать новое Французское государство, способное занять достойное место в Европе. Поэтому уже в 1802 году Бонапарт отменил Декрет, запрещающий эмигрантам въезд в страну. Более того, он предложил беженцам вернуться на родину. Однако приглашение приняли не все, многие предпочли остаться за пределами Франции. Среди них был и Карл Антон де Мазенод, отец Евгения, который не доверял новой власти, объясняя свое недоверие преданностью Бурбонам. Евгений думал иначе, он хотел возвратиться на родину, вернуть семье утраченное состояние, а вместе с ним и прежнее благополучие. В 1802 году он возвращается во Францию, оставив в Палермо «домик трех господ», в котором жили бывший председатель, каноник и капитан.

II. НА ПУТИ К СВЯЩЕНСТВУ

КОГДА ПУСТОТА ВСЕГО, ЧТО ОКРУЖАЕТ, ВЫЗЫВАЕТ НЕВЫНОСИМУЮ БОЛЬ, ТО ТОСКА ПО БОГУ МОЖЕТ ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ ОХВАТИТЬ ЧЕЛОВЕКА, ЧТО ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ ОТОДВИГАЕТСЯ НА ВТОРОЙ ПЛАН, И ГЛАВНЫМ ОСТАНЕТСЯ - ИЗЪЯТЬ ИЗ ЗЕМЛИ ЭТО СОКРОВИЩЕ

«Бог требует от меня, чтобы огонь веры, который еще теплится, но в каждую минуту может погаснуть, заново разгорелся. Бог требует, чтобы я без остатка отдался заданию, которое Он поручит мне для спасения человека».

(Из письма Евгения де Мазенода к своей матери от 29.06.1808)

ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

24 октября 1802 года по трапу судна, причалившего к Марсельской пристани, Евгений де Мазенод сошел на французский берег. Он прибыл с целью обеспечить себе и отцу спокойное будущее – прекрасное и достойное уважения, подобно жизни благородного общества в Палермо. Он надеялся вернуть имущество, принадлежащее ему как единственному наследнику. Чтобы освободить отца от финансовых проблем, Евгению было необходимо оплатить его долги, составляющие к тому времени 150 тысяч франков золотом. Исполненному радости от возвращения на родину Евгению казалось, что будет просто справиться с этой задачей, но на решение этих проблем у него ушло целых четыре года. Ему пришлось посетить различные учреждения, стучать в разные двери и встречаться с влиятельными людьми. Но все было напрасно, он ничего не добился. Все банковские счета де Мазенодов были заблокированы. Из бывшей недвижимости ему удалось вернуть только замок Сен-Лоран дю Вердон, который был полностью разграблен. Однако земли, находящиеся на территории замка, вернуть он не смог.

Мать же Евгения, возвратившаяся во Францию еще в 1795 году, смогла вернуть себе ту часть имущества, которое была внесена ею до супружества. Но этим имуществом могла пользоваться только ее дочь. Ради этого мать Евгения пожертвовала своим браком и прибегнула к гражданскому разводу. Уговорил ее пойти на такой шаг двоюродный брат Розы Йоанис. Гражданский развод, а в результате – раздел состояния и долгая разлука по политическим причинам, привели к тому, что супруги стали еще более чужими друг другу. Евгений, любящий свою семью, очень страдал от этого. Он усиленно старался сохранить контакт, как с отцом, так и с матерью.

Молодой, но совершенно разоренный аристократ, уже не мог ожидать какой-либо финансовой поддержки от своей семьи. Оставался единственный путь – жениться на богатой девушке, как однажды поступил его отец, женившись на Марии Розе Евгении Йоанис. Евгений никак не мог согласиться на такой брак, в то же время другого способа для осуществления его сицилийских мечтаний он не видел. Первая девушка, с которой Евгений обручился, г-жа Гофре, «была весьма приятной и стройной», – писал Евгений своему отцу, но она неожиданно умерла. Другая же кандидатка на супружество могла внести в приданное только 40 тысяч франков золотом, по поводу чего Евгений коротко заявил: «Мне нужны 150 тысяч франков».

Поскольку в Эксе не было других кандидаток на супружество, удовлетворяющих требованиям Евгения, и сам он особого желания жениться не имел, то от третьей попытки найти невесту он отказался. Но где же достать денег? Ведь не становиться же ему вором!

Евгению оставалось еще одно решение проблемы, при котором не были бы затронуты его амбиции дворянина. Он мог стать офицером или большим государственным чиновником. Склоняясь больше к тому, чтобы стать офицером, Евгений и тут столкнулся с неприступным барьером. Во Франции существовала только одна наполеоновская армия, вступление в которую означало измену своим прежним убеждениям, измену чести и верности. Что же оставалось? Только эмиграция. Обеспечить ему карьеру могла единственно лейб-гвардия «короля обеих Сицилий». На Сицилии у него были налажены связи, поскольку там находился его отец.

Итак, летом 1805 года Евгений уезжает в Париж для оформления выездных документов. В Париже он встретился с г-ном Порталисом, о котором уже раньше он был слышан как о министре по делам религии в правительстве Наполеона. Тот обещал помочь Евгению, но сказал, что и в Республиканском правительстве порядок оформления документов точно такой же, как и во времена монархии. Поэтому времени для знакомства с Парижем Евгений имел предостаточно. Он даже успел заказать свой портрет у одного художника. На этом портрете Евгений изображен в профиль. Но, тем не менее, видно: молодой человек очень уверен в себе, и пережитые разочарования никак не отразились на его лице. Разумеется, он причесан по моде, одет в элегантный сюртук и белоснежную рубашку с высоким твердым воротником. Самому Евгению произведение парижского художника не понравилось. Об этом он сообщил отцу в письме, датированном 26 декабря 1805 года: «Отец, ты считаешь, что сумма в 45 франков, которые я заплатил за свой портрет, – это неплохое вложение капитала. Прости меня, отец, но я возражу тебе. Я считаю, что это – деньги, выброшенные на ветер. Я рассержен на господина Кретьена. Первый набросок у него получился неплохо: там я был таков, как есть. Но гравюра у него не получилась....»

При виде ее я сам себе становлюсь противен. Мало того, что расстояние между носом и ртом слишком далеко от оригинала, он еще умудрился к моему подбородку дорисовать второй: отчего нижняя часть моего лица неестественно удлинилась. Правда, люди говорят, что узнать меня на этом портрете все-таки можно. Поэтому и посылаю тебе его копию». Этот портрет молодого Евгения де Мазенода сохранился, и в настоящее время является собственностью потомков родственников святого Евгения де Мазенода.

К досаде пылкого провансальского графа, поездка в Париж, на которую возлагалось столько надежд, успехом не увенчалась: шеф парижской полиции его прошение отклонил и паспорт на выезд в Сицилию не выдал. Чтобы хоть как-то утешить сына своего друга, господин Порталис предложил Евгению работу в государственном аппарате с возможностью быстрого получения авансов. Но молодой де Мазенод категорически отказался, поскольку не хотел и не мог служить Наполеону.

В следующем 1806 году Наполеон заблокировал английские порты, вследствие чего ни одно английское судно не могло причалить к берегам Франции. А это означало одно: любая связь между Францией и Сицилией прекращается; это касалось и переписки граждан Республики с эмигрантами, нашедшими приют на этом монархическом острове. Рухнули все попытки Евгения де Мазенода улучшить финансовое положение родной семьи и самому добиться того положения в обществе, к которому его обязывало происхождение.

ПЕРЕМНЫ

В 1802 году, уже будучи 20-летним, Евгений перебрался из католическо-консервативной Италии в либеральную Францию, где никак не мог найти своего места. Мысль о том, чтобы стать священником, хотя и была заглушена другими планами и желаниями, все же не умерла.

Отношения Евгения с матерью и сестрой были натянутыми. Когда он вернулся в Марсель, то застал только письмо от матери, так как сама она его не ждала. Она была недовольна тем, что сын сравнивал жизнь в Палермо с жизнью в Эксе. В дальнейшем их отношения также не стали более близкими: все разговоры матери с сыном сводились к деньгам и сложностям в отношениях между супругами де Мазенод. В беседах не хватало обычных человеческих чувств. Все попытки сына заступиться за отца мать жестко пресекала. Сыну казалось, будто он безуспешно пытается разрушить незримую стену родительского отчуждения. Еще тогда, когда Евгений жил с отцом и его родственниками в Палермо, Мария-Роза-Евгения писала «дорогому супругу», что ему было бы лучше не возвращаться на родину. Во Франции, кроме кредиторов, которые спустят с него шкуру, графа Карла Антона де Мазенода никто не ждет. И еще: его приезд, кроме хлопот, семье ничего хорошего не сулит, а ей самой совсем не хочется слышать оскорбительные сплетни в свой адрес.

Евгения де Мазенода больно ранила холодность матери, поэтому ему не очень хотелось искать общий язык с ее родственниками, особенно с кузеном матери господином Йоанисом. Евгений не без оснований обвинял двоюродного дядюшку со стороны матери в том, что, склоняя кузину к разводу с мужем, тот преследовал какие-то свои, корыстные цели, а именно - хотел присвоить ее состояние.

Первые пять месяцев Евгений не выходил из дома, чтобы его не забрали в наполеоновскую армию. Этого он не мог допустить даже в мыслях, поскольку был убежден в том, что Наполеон мошенническим путем получил французский трон, а с мошенниками Евгений не хотел иметь ничего общего. Однако закон давал возможность заменить себя кем-нибудь другим для армейской службы. Но Евгений, поскольку ему нечем было заплатить, не мог найти в Эксе никого, кто пошел бы вместо него служить в армию. Обращаться же за помощью к матери он не хотел. Поэтому ему пришлось искать замену среди деревенских парней, живущих в окрестностях замка Сен-Лоран.

Евгений надеялся, что через несколько недель служба в армии Наполеона его минует. Однако пришлось застрять там на целых пять месяцев. Непредвиденное одиночество в деревне угнетало его и приводило к нервным стрессам. Он не хотел общаться с простыми парнями и рабочими, так как чувствовал себя аристократом. 21 ноября 1803 года он написал отцу: «...После трехмесячного пребывания в деревне чувствую себя как одинокий гриб. Деревенские надоедают мне. Одного только хочу - как можно быстрее отсюда уехать. Но не в моей это власти. Мое положение совсем скверно, потому что моему изгнанию не видно конца...» В письме же к матери

он писал: «...Если бы на Сицилии я мог предвидеть, что мое возвращение на родину будет означать для меня одинокое пребывание в горах, то никогда бы не вернулся и остался бы там, где был. Зачем я вернулся? Просто хотел быть ближе к тебе, жить с тобой рядом».

Когда наконец нашелся человек, который мог заменить его на военной службе, Евгений сразу же поспешил в Экс и уже через некоторое время снова вернулся к салонной жизни. Он тщательно заботился о своем внешнем виде, стремился, чтобы его одежда отвечала его положению, причем расходы его не волновали, поскольку он считал, что должен следовать моде. Его прическа, старательно уложенные баки, и вообще, весь его внешний вид свидетельствовали о его высоком родовом положении дворянина. Он жил только этой мыслью, это было для него единственной ценностью.

По истечении многих лет можно прочитать его заметки, которые он набросал во время реколлекций в 1812 году: «До чего же я дошел, если возненавидел своего Творца за то, что Он сотворил меня... отдался сатане... Никакое раскаяние не сможет сгладить моих преступлений».

Используя в своих записях определение «преступления», Евгений де Мазенод имел в виду конкретную политическую ситуацию, сложившуюся в тогдашней Франции. После проигранной войны с Россией Наполеону грозило окончательное поражение, что вызвало настойчивые выступления его сторонников во Франции. Постоянно увеличивалось число доносчиков. На стол «полицмейстера» попадали письма даже очень личного характера. С этими проблемами столкнулся также и Евгений. Если бы мое письмо попало в руки полиции, что случилось бы со мной, с моей семьей, моим душпастырем, да и в целом с Церковью? Потом Евгений прерывает начатое письмо таким замечанием: «Поскольку сегодня даже очень личные письма попадают в руки полиции, я хочу объяснить, что понятие «преступления» касается целиком отношений между мной и Богом, то есть, целиком является делом моей совести. Перед Богом я - грешник, перед миром – человек чести. Ничего не украл, никого не убивал, не уводил никакой женщины, ни у кого не забирал ни жены, ни матери... Поэтому призываю в свидетели всех тех, кто меня знает...» Так позже Евгений осудит себя. Он чувствовал себя виноватым только перед Богом. Внутри себя он видел грешника, по отношению же к ближним хотел быть справедливым.

Однако, его признания не принесли ему внутреннего покоя и не развеяли всех сомнений. Были минуты, когда Евгений чувствовал себя внутренне раздвоенным, тогда он писал: «Как же часто мое разорванное и изможденное сердце зывало к Тебе... но и тогда я был далеко от Тебя, мой Боже».

Примерно в 1806 году Евгений открылся на все, что глубоко в душе его тревожило, написав: «Я отказался от того, что было. Однако, как же еще слабо мое обращение!» Эта отдача себя Богу оставалась еще пока в рамках его воли, в эмоциональном же плане еще оставались сомнения. Какое-то время он метался между волей и чувствами. Евгений считал, что несмотря на искренние намерения, он по-прежнему остается очень слабым, поэтому просил помощи у Бога.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

(27 марта 1807 г.)

Этот день стал переломным в жизни Евгения. Став перед образом Распятого, он пережил всю драму страданий и смерти Христа. В тот же день во время литургии Страстной Пятницы, после общей молитвы, когда священник обнажает и поднимает крест со словами: «Вот дерево креста, на котором распят Спаситель мира», Евгений пережил невыносимую боль, которая обожгла его подобно огню. Боль была так остра, что, казалось, открытую рану посыпали солью. И в то же время, эта боль вызывала радость и счастье, дремавшие где-то в глубине его души. Он чувствовал себя возвышенным до Бога, и в то же время брошенным в яму собственной немощи. Тогда у него было только одно желание: отважиться на все для Бога и для Церкви, полностью отдать себя в распоряжение Бога, чтобы выполнить задания, которые поставит перед ним Бог для служения ближнему, чтобы помочь ему достигнуть спасения. На глаза навернулись слезы, которые «...выходили прямо из сердца. Никакая сила не могла их удержать, ибо душа моя направлялась к Богу - своей окончательной цели. Он – единственное мое благо. Потеря Бога и была источником моих долгих страданий».

СТАТЬ СВЯЩЕННИКОМ

Переживания Страстной Пятницы еще не привели Евгения к окончательному решению стать священником. Его удручала мысль, что он не достоин этой чести, ведь получил он эту благодать еще ребенком. В этом убеждении укрепил его отец Бартолло. Сам Бог послал ему этого священника. Тогда Евгений привел своего дядю в недоумение: «Разве не будет огромной честью для нашего рода, если он закончится священником?» Разве княгиня Лардери, как заботливая мать, не пыталась помочь ему стать хорошим человеком? А он оставался неблагодарным. Не обращал внимания на Бога, желая сотворить себе счастье по-своему: искал почестей, власти и богатства в миру. Нет - размышлял Евгений - не достоин я быть священником.

И все же он вновь встречает на своем жизненном пути священника, который помогает ему в принятии окончательного решения. Отец Маги, иезуит, проживал в Марселе в церкви св. Ферреола. В его распоряжении была скромная небольшая комнатка над ризницей в церкви, а все имущество состояло из кровати, шкафа, трех стульев и нескольких книг. Он жил за счет денег, получаемых за службы, и гонораров за проповеди и поучения. Будучи верным сыном основателя своего ордена св. Игнатия, отец Маги многим помог в поиске жизненного пути. Познакомившись с ним, Евгений доверил ему свои сомнения и переживания, на что отец Маги очень просто ответил: «Я уверен в твоём призвании так же, как в том, что есть солнце на небе». Хотя Евгений и знал, что отец Маги был прав, но все же еще колебался. В свою очередь к окончательному решению его подтолкнула Церковь, сильно страдавшая в ту эпоху. И Евгений выбрал свое место рядом со страдающей Церковью.

ЦЕРКОВЬ СТРАДАЕТ

Год 1805 стал трагическим для Церкви. Наполеон Бонапарт нанес сокрушительный удар по Церковному Государству. Новый господин мира угрожал папе Пию VII, что отделит от Рима французскую, итальянскую, немецкую и польскую Церкви. И в случае, если Папа не присоединится к наполеоновской блокаде против Англии и не закроет папские порты для английских кораблей, то Наполеон сам себя провозгласит Главой Церкви.

В 1808 году император захватил Рим и взял Папу в плен. Как когда-то давно, еще в детстве Евгений принес обнищавшей семье Ревест дрова для камина, так и теперь, уже будучи взрослым мужчиной, он решил стать на защиту преследуемой Церкви. Страдания Церкви окончательно побудили Евгения принять решение о своем служении. Об этом можно узнать из письма, написанного отцу в Палермо 7 декабря 1814года: «Вверяю свою жизнь в распоряжение Церкви, потому что сейчас, как никогда, Церковь особенно подвержена преследованиям и разорению. Сейчас эта Церковь, к которой еще 28 лет тому назад принадлежали самые известные семьи нашей страны, считавшие великой честью служить ей, держится только благодаря поддержке рабочих и крестьян.

Я собираюсь служить Церкви из-за опасения, что уже сегодня не хватает великодушных людей, готовых к служению. Не хватает людей, стремящихся служение Церкви поставить выше своих интересов. Не хватает людей, способных отказаться от того образа жизни, который явно противоречит христианской морали. Не хватает людей, которые строили бы свою жизнь согласно Евангелии Иисуса Христа, людей, жизнь которых не была бы искажена человеческими изобретениями и планами.

И я готов служить Церкви, потому что я убежден, что Бог не оставит меня, но будет поддерживать всегда и везде своей благодатью».

Еще раньше, 29 июня 1808 года, Евгений писал матери: «Бог требует от меня, чтобы я помог Ему заново оживить, заново разжечь в простых людях веру, которая еще тлеет искорками пламени в их душах, но вот-вот может угаснуть. Он требует от меня, чтобы я полностью отдал себя в Его распоряжение, чтобы Бог располагал мною во всем, что ближним может служить к спасению».

Фрагменты двух писем характеризуют Евгения как человека, жаждущего работать во славу Божию и помочь преследуемой Церкви, помочь всем людям и своим братьям понять смысл жизни и направлять их на путь, ведущий к Богу.

Характерны обстоятельства именно такого решения Евгения, ссылающегося на практический ум, но в конечном итоге идущего за голосом сердца. А для принятия какого-либо решения имеют значение как рациональный реализм, так и эмоциональный энтузиазм. И еще один важный аспект, повлиявший на принятие Евгением решений: он вслушивался в голос Божий и терпеливо ждал, когда голос этот будет настолько ясным, что окончательно сможет его убедить. После этого он начал искать средства и соответствующие пути для достижения цели, выраженной Божьей волей.

В первые дни октября 1808 года он покидает родной Экс и уезжает в Париж, чтобы начать там теологическое обучение в семинарии. Евгений прекрасно понимал, что подготовка в семинарии вряд ли будет соответствовать положенной учебной программе, потому что там не хватало тогда педагогических кадров. Французская революция и здесь оставила свой след. Революционные события во Франции имели негативное влияние на обучение в духовной семинарии, поскольку продолжались нападки Наполеона на Папу и всех тех, кто был верен Апостольскому Престолу. Поэтому, собираясь в Париж, Евгений на всякий случай захватил с собой и гражданские вещи, которые могли ему пригодиться.

ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ ИМ. СВЯТОГО СУЛЬПИЦИЯ

Духовная Семинария им. Святого Сульпиция в Париже конца первого десятилетия XIX века играла особенную роль. Это была внепархиальная семинария, предназначенная для сыновей французской аристократии. В будущем такие семинарии должны были принять во Франции положение неофициальных церковных структур. В XVII веке священник Олье - настоятель прихода св. Сульпиция, собрал вокруг себя клириков, чтобы подготовить их к новым душпастырским нуждам. Они обучались новым душпастырским методам с учетом требований своего времени. Со временем связи между клириками и их наставниками приняли форму институциональных отношений, которые легли в основу создания семинарии св. Сульпиция. В ее преподавательский состав вошли известные теологи и самые лучшие форматоры, какие только были в Париже.

Революция закрыла Семинарию, а Наполеон согласился на ее повторное открытие. Руководство же Семинарией было поручено сульпицианину Жаку-Андре Эмери. И уже в 1804 году Семинария св. Сульпиция возобновила свою деятельность в Париже, на улице Пот-де-Фер.

10 октября 1808 года Евгений де Мазенод начал там свое обучение. Обстановка в его комнате была поистине спартанская: шкафчик казарменного типа для белья и сутаны, кровать, 4 табурета и печь. В холодные зимние дни ему приходилось, выходя из комнаты, закрывать раскаленные угли пеплом, чтобы подольше сохранить тепло. Свою комнатку он убирал сам, так как денег на оплату слуги у него не было.

Кроме Евгения де Мазенода, в Семинарии св. Сульпиция обучались еще 100 клириков. Были это, в основном, поздние призвания: студенты, принявшие решения пойти в Семинарию либо из-за преследований Церкви, либо из-за трудностей эмиграции. Многие клирики стремились к священству не ради прибыли, а руководствуясь искренним желанием служить Церкви, поскольку в послереволюционной Семинарии была совершенно иная атмосфера. В духовные наставники Евгений де Мазенод выбрал разумного человека, священника Дюклё. Ему он рассказал о своей прежней жизни. Дюклё посоветовал семинаристу де Мазеноду начать писать свою автобиографию, ведь его жизнь была переполнена событиями.

ВНУТРЕННИЙ МИР ЕВГЕНИЯ

Евгений... - как становится понятно из воспоминаний – обладал очень живым, а порой даже бурным темпераментом. Бесчисленные желания и стремления должны были сразу же реализовываться. Он просто не допускал мысли, что могут существовать какие-то препятствия. Как бы велики ни были эти преграды, Евгений преодолевал их с легкостью. Дальше мы узнаем о нем как о «своевольном человеке», который не только признавал исключительно свою волю, но и пытался навязать ее другим. Сам он пишет о себе: «Чувствую в себе склонность унижить того, кто кичится, и, напротив, - поддержать и оценить заслуги того, кто остается в тени». Он переживал, порой негодуя и возмущаясь, если кто-то недооценивал его как личность, очень болезненно, до

нетерпимости реагировал на малейшие замечания в свой адрес, и, в то же время, как ребенок радовался каждому приветливому слову или незначительной услуге. Чужды были ему зависть и ревность. Евгений пытался остерегаться поспешных суждений.

Евгений был сильно привязан к своей семье. Он высоко ценил свое аристократическое происхождение и не мог жить как заурядный человек, который довольствуется хлебом насущным. «Он чувствовал в себе потребность в любви. Тосковал по идеальной, совершенной любви, и потому не мог удовлетвориться обычной дружбой, хотя во многом она и радовала его, но для него этого было недостаточно».

В сентябре 1808 года Евгений безоговорочно открыл свою душу священнику Дюклё. В первый раз в своей жизни он участвовал в реколлекциях, которые укрепили его в принятии решения без остатка отдаться служению Богу и ближнему.

ВМЕШАТЕЛЬСТВО МАТЕРИ

В первые годы обучения в Семинарии св. Сульпиция в Париже Евгений получил большое количество писем от своей матери. Она пыталась погасить в нем стремление быть священником, побуждая его вернуться обратно в Экс. Причем мотивировка матери во многом совпадала с той, которую когда-то высказывал ей сын. Главным аргументом было то, что вместе со священником Евгением вымрет род де Мазенодов. Однако, Евгений был уже другим и признал этот аргумент несостоятельным. Скорее, матери следовало больше задуматься над тем, сколько истинного и внутреннего счастья можно испытать, видя своего сына-священника у алтаря, отправляющего Евхаристию и просящего у Бога милосердия для всего мира. Если бы она могла осознать и представить себе огромную потребность Церкви в призваниях. «Может наступить такое время, когда некому будет поручить заботу о спасении душ». Евгений был хорошим сыном, очень любил свою мать, хотел помочь ей, чтобы хотя бы в конце своей жизни она могла понять его позицию.

В другом письме г-жа де Мазенод жалуется, что плата за учебу в Семинарии св. Сульпиция слишком высокая. На что сын отвечает ей, что эта оплата не заставит их голодать, а также остроумно замечает, что стоимость пребывания в Семинарии намного ниже той, какую матери пришлось бы платить за его свадьбу.

И все же она не отступала. Желая отвлечь сына от мысли стать священником, она попыталась сыграть на чувствах, которые раньше их связывали: «Как я была бы счастлива, если бы ты ко мне вернулся». Это вызвало у Евгения внутреннюю борьбу и нетерпение: «Ты полагаешь, что я позволю до конца жизни закрыть себя где-то в деревне, чтобы выращивать там свеклу и капусту?» Он совершенно не ощущал себя в роли провинциального дворянина или офицера национальной армии. Уже тогда в нем проявлялась жажда быть рыцарем Христа. «Уж если и придется принимать в жизни раны, то не лучше ли будет принимать их служа Христу, не пожалевшему своей жизни ради нашего спасения?» К этой мысли он вернулся в другом письме: «Подумай только, что Бог, призвавший меня на свою службу, не желает, чтобы я причинял кому-либо боль, и, тем более, убивал. Он ждет от меня, чтобы я нес другим помощь и спасение».

В следующем письме г-жа де Мазенод выразила свои опасения: не торопится ли Евгений с таким важным решением и не следует ли подождать. На это Евгений ответил ей: «Я согласен с тобой, что это очень ответственное и важное решение, требующее размышлений и оценки собственных сил и возможностей, но эти размышления не могут растянуться на всю жизнь».

Со временем мать Евгения пошла на уступки. Она, наконец, поняла, что стремление быть священником не является какой-то навязчивой идеей, и что невозможно отвлечь сына от этого желания, используя такие надуманные аргументы.

ПРИЛЕЖНЫЙ СТУДЕНТ

С огромным энтузиазмом Евгений принялся за изучение теологии. В Семинарии св. Сульпиция не существовало строго установленного срока обучения. Как правило, после трех лет обучения студенты сдавали выпускные экзамены. Разумеется, этот срок для постижения теологии очень краток, и потому знания студенты получали поверхностные. Но в послереволюционной Франции слишком остро ощущалась нехватка священников. Церковные Мессы служили, в

основном, старые, больные или совсем немощные священнослужители, а численность молодых призваний была очень незначительна.

Отец Эмери хорошо знал потребности французских приходов, но не мог согласиться с неразумно ускоренной учебной программой в своей Семинарии св. Сульпиция, а, значит, - и с суррогатным обучением теологии. Поэтому он пытался использовать такой короткий срок обучения с максимальными возможностями.

Евгений не терял ни минуты. Он не выносил бездеятельности на лекциях, внимательно слушал их и даже частенько вступал в дискуссии с преподавателями. Как-то отец Буайе, читая лекцию, резко отозвался о Французской Церкви. Студент де Мазенод, очень интересовавшийся вопросами экклезиологии и истории Церкви, пылко ему возразил.

Ни для кого во Франции не было тайной, что напряженность в отношениях между Наполеоном Бонапартом и Папой Римским достигла наивысшей точки. Это означало, что государство и Церковь вновь оказались в острой конфронтации. Евгений де Мазенод был одним из немногих, кто осознавал это в полной мере.

ВЕРНОСТЬ ПАПЕ

17 мая 1809 года в своей штаб-квартире в Вене Наполеон Бонапарт подписал Декрет, согласно которому Церковное Государство объявлялось частью Французского Королевства. Через четыре недели с Замка Святого Ангела сорвали папский флаг, а на его место водрузили революционное трехцветное знамя Франции. Реакция Папы Пия VII на такое кощунство последовала незамедлительно – Его Святейшество отлучил императора от Католической Церкви за попрание своих суверенных прав. Булла об отлучении достигла Франции, как тогда говорили, «по подземной дороге», то есть нелегально. Отец Эмери, руководитель Семинария св. Сульпиция, получив копию этого вердикта Святого Престола, под строгим секретом поручил Евгению де Мазеноду распространить его в Северной провинции Франции - Бретани, хранившей верность Папе Пию VII. Поручение было нелегким и опасным: всю страну – от Парижа до самых окраин – опутала густая сеть тайной слежки и доносов, государственная цензура жестоко пресекала любое свободомыслие. И все же различными путями и способами решения Папы и его намерения в отношении Наполеона стали известны французским католикам, сохранившим преданность Церкви и Его Святейшеству, что значительно усилило антинаполеоновскую оппозицию в стране.

В личных архивах Евгения де Мазенода, относящихся к семинарскому периоду его жизни, сохранились точные копии 16 документов. Старание, с которым сделаны эти копии, убедительно доказывает, с каким трепетом и заботой относился будущий епископ Марселя к судьбе гонимой Наполеоном Церкви. В числе других документов есть письмо, из которого мы подробно узнаем о пребывании Папы Пия VII в Савойе, где Папа находился под домашним арестом в резиденции местного епископа. Следует отметить: условия содержания Папы под арестом были относительно неплохими. Четыре раза в день перед дворцом епископа собирался народ и скандировал до тех пор, пока Папа не выходил на балкон с благословением для всех. Один французский инвалид даже был допущен к Папе. Он приблизился, чтобы поцеловать стопу Его Святейшества, и, склонившись к ногам Пия VII, увидел, что они опухшие. Пораженный увиденным, он вопросительно посмотрел на Папу, на что тот ответил: «Докучают мне болезни и слабость, но мозг и сердце работают безупречно».

Часть архивных документов, начиная с июня 1811 года, проливает свет на деятельность Народного Синода. Из них мы узнаем, что папа Римский отказал в каноническом одобрении епископам, которых назначил Наполеон. Сопrotивление Папы-пленника вызвало ярость Бонапарта: император вторично созвал Синод, от которого потребовал полного подчинения своей воле.

Знание итальянского языка позволило Евгению де Мазеноду принять участие в качестве переводчика в переговорах между руководителем Семинарии св. Сульпиция отцом Эмери и итальянскими кардиналами. Это дало ему возможность общаться с компетентными и достойными доверия духовными особами, подробно изучить сложившуюся обстановку и собрать все серьезные документы, относящиеся к деятельности Синода. В своих комментариях будущий епископ Марселя с присущей ему прямоотой и резкостью выступил против императора Франции Наполеона Бонапарта и выразил свою безоговорочную поддержку Папе Римскому Пию VII и всем, кто

оставался верен главе Церкви. Верность Наместнику Святого Престола Евгений де Мазенод проявил и в 1810 году, когда во время свадебных торжеств по случаю бракосочетания Наполеона Бонапарта с австрийской принцессой Марией-Луизой император пригласил на церемонию венчания всех кардиналов, находящихся тогда в Париже. Тринадцать из них приглашение отклонили и отказались приехать в императорский дворец. В порыве бешенства Наполеон запретил этим высокопоставленным католическим священнослужителям дальнейшее пребывание в столице Франции, лишил их всех доходов и подверг «черных кардиналов», как их в то время называли, домашнему аресту.

Евгений де Мазенод восторженно отзывался о людях, не пожелавших подчиниться императору. Благодаря своим родственным и дружеским связям со знатными и богатыми парижскими родами, он сумел организовать финансовую поддержку опальным служителям Церкви. Антицерковная политика Наполеона не обошла стороной и Семинарию св. Сульпиция, вызвав решительное несогласие преподавателей и студентов с политикой императора и правительства Франции.

ОТЕЦ ЭМЕРИ

Душой антинаполеоновской оппозиции в парижской Семинарии св. Сульпиция был его ректор отец Эмери. Он был опытным дипломатом, но в принципиальных вопросах решительно вставал на сторону закона. Видя, как грубо император манипулирует церковными сановниками для достижения своих целей, Эмери не боялся противостоять Наполеону. Нетрудно предположить, что Евгений восхищался своим сульпицианским настоятелем, о чем часто писал в своих письмах: «Он близок мне, более всего потому, что был неизменно верен Католической Церкви и ее здравому учению. Он был единственным в своем роде, его уважали все. Даже император замолкал в его присутствии. Таким большим моральным и интеллектуальным авторитетом обладал отец Эмери».

Отец Эмери мог позволить себе сказать императору *“verba veritatis”* - слова правды, поскольку он входил в состав созданного императором Комитета по вопросам Церкви. 11 марта 1811 года на очередном заседании этого Комитета после резких нападок на Папу Наполеон обратился к отцу Эмери: «Что Вы думаете об авторитете Папы?» Отец Эмери ответил коротко: «Папа – Глава Церкви и Наместник Христа». Император продолжил: «Что же, я не отрицаю духовной власти, данной Папе Христом. Но на земле эту власть Его Святейшество получил из рук короля Карла Великого. Следовательно, я, будучи наследником Карла Великого, могу эту власть отобрать. Папа ее недостоин и использует эту власть против исполнения своей духовной миссии». Выслушав тираду императора, отец Эмери ответил: «Светская власть гарантировала Папе свободное проповедование Евангелия во всем мире». Помолчав с минуту, Наполеон запальчиво парировал: «Но это осталось в прошлом, когда Европой правили многие. Теперь же у Европы один властелин - Я!» Вспышка императорского гнева не смутила ректора Семинарии св. Сульпиция. Его ответ имел пророческий характер: «Сэр знает историю революции так же хорошо, как и я. Того, чем мы обладаем сегодня, завтра уже может не быть».

Тайная наполеоновская полиция обложила со всех сторон отца Эмери сворой нанятых шпионов. Контролировалась вся его корреспонденция, а когда представился случай обнаружить нечто «запрещенное», Наполеон не замедлил освободить отца Эмери от занимаемой должности.

Печально и трогательно прощались семинаристы со своим наставником. Прощальная речь отца Эмери походила на обращение Апостола Павла к христианам Эфеса и Милета: «Вы знаете, я не уклоняюсь ни от чего, что могло бы вам служить. Я передавал вам намерения Бога и ничего от вас не скрывал. Уверяю вас, никогда - ни днем, ни ночью я не переставал побуждать вас к верности Богу... И ныне предаю вас Богу и слову Его благодати, могущему назидать вас более и дать вам наследие со всеми освященными» (Ср. Деян 20, 20-23; 32).

От имени студентов с ректором прощался Евгений де Мазенод. Поблагодарив отстраненного от должности наставника, он попросил отца Эмери благословить учеников, готовящихся принять священство. В этот же вечер руководитель Семинарии св. Сульпиция покинул учебное заведение, которое он был вынужден оставить не по своей воле. Однако его комната за ним сохранилась. На следующий день Евгений де Мазенод подробно описал это грустное событие в письме к матери: «Это жестокий удар по христианству. Мы прекрасно знаем, чего хочет правительство.

Сулпицианов хотят уничтожить только за то, что они, как истинные католики, телом и душой преданы Папе и Римско-Католической Церкви».

Позже, оценивая влияние, оказанное на него отцом Эмери, будущий основатель Конгрегации Облатов Миссионеров Непорочной Марии в другом письме поделится с Марией-Розой-Евгенией де Мазенод: «Я никогда не забуду отца Эмери. Он стал для многих из нас и для меня лично примером духовной силы и прочности». Бывший ректор парижской Семинарии св. Сульпиция тоже до конца своих дней помнил одного из лучших своих воспитанников, с которым священника связывало глубокое духовное и интеллектуальное родство.

В личных архивах Евгения де Мазенода сохранилась записка, где он четко сформулировал свое отношение к правящей верхушке тогдашней Франции: «Если бы нам вернули свободу слова и свободу переписки – свободу, отобранную у нас из-за опасения, что мы говорим правду, невыгодную для правящих! Если бы ее вернули прежде всего Главе нашей Церкви Папе, мир узнал бы правду во всей полноте... Пусть император знает: в его власти - только одно – испугать человека, но его убеждения, мысли, его вера и совесть – свободны. Наполеон использует свою власть так, чтобы дух и сердце человека были отчужденными. Он сеет беспокойство и разногласие в общественной жизни, желая все подчинить своим непомерным амбициям, своей неумной жажде власти».

НА ПУТИ К СВЯЩЕНСТВУ

Политика Наполеона в вопросах религии, ощутимо повлиявшая на судьбу (функционирования) Семинарии св. Сульпиция, не только не смогла привести к единству государства, а напротив - способствовала его внутреннему распаду. Молодому Евгению тяжело было найти свое место в наполеоновском мире. Он не мог сконцентрироваться, чувствовал себя внутренне разбитым. Он глубоко переживал за «Церковь, так ужасно всеми оставленную, пренебрегаемую и растоптанную...».

Несмотря на все тяготы жизни, Евгений де Мазенод не потерял стремления к священству. В конце 1808 года он принял тонзуру, а уже в 1809 году он принял 4 низших рукоположения и субдиаконат. Рукоположение в дьяконы он принял через два года – 10 июня 1811 года, именно в тот день, когда по императорскому указанию отец Эмери был вынужден покинуть Семинарию св. Сульпиция. Когда стал приближаться день принятия таинства священства, Евгений решил немного отсрочить это событие. Он хотел лучше подготовиться к нему. Евгений и дальше охотно продолжал бы учебу, но в ситуации, в которой в то время находилась Французская Церковь, его намерения не нашли бы понимания. Франция в срочном порядке нуждалась в новых священнослужителях. Да и настоятели уже определили ему место служения. Евгению поручили заниматься евангелизацией взрослых.

Когда г-жа де Мазенод и другие члены семьи узнали, что Евгений хочет перенести день своего рукоположения в священники на более поздний срок, то решили, что Евгений сомневается в своем намерении. Они одобрили в письмах такое решение, мотивируя это неустойчивым временем. Ответ же Евгения не вызывал никаких сомнений: «Социально-политические отношения не имеют ничего общего с моим стремлением стать священником. Они не только не могут отбить у меня желание быть им, а скорее подтверждают мое окончательное решение. никоим образом эти отношения не повлияют на мое решение стать священником. То, что происходит в нашем государстве, лишний раз укрепляет меня в убеждении, что Церковь ждет моего служения, что я могу хоть в чем-то быть для нее полезным. Пусть все знают, что на сегодняшний день и навсегда мой единственный девиз в жизни - содействовать Славе Божьей и спасению душ, а также служить Церкви, и это является исходной точкой всех моих последующих решений. Кроме стремления служить Церкви, все остальное считаю недостойным христианина. Сейчас я дьякон - тот, кто непосредственно стоит перед священством, перед службой в Церкви. Любые другие стремления в жизни для меня чужды».

Тем временем сульпицианскую общину в Париже ожидали новые испытания; в начале очередного семестра Наполеон нанес ей новый удар, решив расформировать собрание сульпицианов, официально называемых “Societas Presbyterorum a Sancto Sulpitio” - «Общество священников им. Святого Сульпиция», а управление Семинарией передать кому-то другому.

Разумеется, все делалось по приказу самого императора Франции Наполеона Бонапарта, и потому никакому обсуждению и обжалованию не подлежало. Даже малейшие попытки спасти Семинарию при новом абсолютизме не принесли бы ей ничего, кроме вреда.

Вызвав к себе основателей Семинарии, министр по делам религии назвал им день их отставки. Но при этом заявил, что они не могут покинуть Париж, потому что преемники на их должности еще не найдены. Действия Правительства Франции противоречили всякой логике, но священнослужителям пришлось вытерпеть и это унижение. Отец Дюклё, духовник Евгения де Мазенода, должен был оставить Семинарию одним из первых. На место уволенных преподавателей назначались преемники, одним из которых стал и Евгений де Мазенод. В его обязанности входила забота о духовном направлении и принятии исповеди. Следовательно, медлить с рукоположением в священники уже было невозможно.

Тем не менее, будущий епископ Марселя решительно отказался принимать рукоположение от парижского архиепископа кардинала Жана-Сифрена-Мори - Члена учредительного собрания, фаворита Наполеона. Отец Мори стал епископом по милости Наполеона, и Папа отказал ему в каноническом одобрении.

Возобновив контакты с епископом из Амьена Демандром, давним другом семьи де Мазенодов, Евгений попросил его о поддержке. Епископ Демандроль, уроженец Марселя, не побоялся в Народном Синоде открыто заявить о своей верности Папе. Кроме того, епископ Амьенский знал об упреках Евгения в адрес парижского архиепископа и много слышал о верности младшего из представителей рода де Мазенодов Его Святейшеству, поэтому и решился помочь своему земляку и единомышленнику. Благо сделать это ему позволяли обычные служебные права. Епископ Демандроль имел право уделять Таинство священства аристократам и без ведома епархиального епископа. Кроме того, и референты парижского ординария полностью одобрили решение Евгения, а кардинал Мори так и не узнал, почему этот студент не пожелал принять рукоположение в священники из его рук.

В первую неделю декабря 1811 года молодой кандидат в священнослужители прибыл в Амьен и сообщил матери о причине своего столь поспешного рукоположения. Но, прежде чем покинуть Париж, Евгений завершил реколлекции в Семинарии. Эти духовные упражнения настолько укрепили его внутренне, что он выехал на место службы, без остатка положившись на Волю Божию, «...вверяя Ему свое здоровье, мнение людей о себе, материальное положение и всю честь и возможные унижения».

21 декабря 1811 года в великолепном Амьенском Соборе молодой граф Евгений де Мазенод преклонил колени перед епископом Демандромом, чтобы служить Богу до конца своих дней.

На рукоположении в священники никто из его семьи не присутствовал. Да и отец Евгения все это время находился в Палермо. Своей матери Евгений написал в этот знаменательный день: «Моя любимая Матушка, твой сын Евгений – священник Иисуса Христа. Эта фраза говорит обо всем, больше этого ничего сказать не смогу».

Перед тем, как уехать из Амьена, епископ Демандроль сделал ему неожиданное предложение: «Почему бы тебе не остаться у меня? Предлагаю тебе пост Генерального викария. Помогите мне достойно управлять епархией. Кроме того, предоставлю тебе полную свободу действий: можешь читать проповеди, где пожелаешь... Я чувствую тяжесть своего возраста. Во мне ты найдешь не только духовного отца, но и друга. Мне хотелось бы, чтобы именно ты когда-то закрыл мне глаза... По Божьей Воле ты станешь моим преемником в Амьене - епископской столице». Поблагодарив за оказанную честь, Евгений де Мазенод отказался, сославшись на обязанности форматора Семинарии св. Сульпиция. Но подлинная причина его отказа была иной: он не хотел связывать себя только с одним местом служения. Евгений хотел служить всем убогим там, где он встретил бы их на своем пути.

ФОРМАТОР СЕМИНАРИИ СВЯТОГО СУЛЬПИЦИЯ

Вернувшись из Парижа, Евгений приступил к работе над формацией клириков Семинарии св. Сульпиция, где и оставался в течение одного года. Доверенная ему функция лектора не подошла ему, так как он предпочитал духовную направленность воспитания клириков. Но все же больше

всего он хотел следовать призыву Иисуса Христа: пойти к убогим, оставленным, обездоленным, отброшенным на обочину жизни. С нетерпением он ждал этой минуты.

Евгений де Мазенод часто обсуждал со своим земляком и другом из Экса Шарлем де Форбен-Жансоном актуальные нужды Церкви. Пройдут годы, и Форбен-Жансон станет епископом, одним из основоположников Миссионерских Дел Святого Престола. Шарль всегда мечтал об открытии миссии в Китае, Евгения же больше тревожило религиозное положение на своей родине. Он часто думал о возрождении французской Церкви, разоренной революцией. Но как этого добиться? Конечно же, он мог остаться в Семинарии св. Сульпиция и формировать новых священников, способных реализовывать обновление Церкви. Но он жаждал большего. Жаждал быть подлинным учеником Христа, идти к убогим, служить им, потому что этого от него хочет Господь... Евгений де Мазенод оставляет Париж и приезжает в родной Экс. Оттуда он намеревается отправиться в Фонтенбло, где в это время задержался Папа, чтобы, преклонив колени, попросить у Его Святейшества благословения на служение самым убогим. Но из-за вмешательства полиции молодому священнику не удалось осуществить свое желание. В начале октября 1812 года Евгений де Мазенод возвращается в Экс и приступает к миссионерской деятельности.

III. НАЧАЛО СВЯЩЕННИЧЕСКОГО СЛУЖЕНИЯ - В ПОИСКАХ ЕДИНОМЫШЛЕННИКОВ

КАКОВА БЫ НИ БЫЛА РАДОСТЬ ЧЕЛОВЕКА,
ОБНАРУЖИВШЕГО СОКРОВИЩЕ, ОН НИКОГДА НЕ
ДОБЬЕТСЯ В ОДИНОЧКУ ТОГО, ЧЕГО ОН МОЖЕТ
ДОБИТЬСЯ С ГРУППОЙ ЛЮДЕЙ, СОТРУДНИЧАЮЩИХ С
НИМ И РАЗДЕЛЯЮЩИХ ЕГО ВЗГЛЯДЫ

«Как поступил Господь наш Иисус Христос, когда хотел возродить во всех людях веру? Он искал сотрудников, призвал Апостолов и учеников из простых людей, рыбаков ... Он сформировал в их душах и умах подлинную набожность, наполнив их сердца Своим Духом, и завещал им Свое Учение. А потом послал их ко всем людям, которых хотел привлечь для своей спасительной миссии».
(Евгений де Мазенод в предисловии к первым Правилам Конгрегации Облатов, написанным в 1818 году)

Во всех приходских церквях Экса прихожанам сообщили, что по воскресеньям в период Великого Поста в шесть часов утра отец Евгений де Мазенод будет читать проповеди для простых людей на местном, провансальском диалекте французского языка. Это стало сенсацией для жителей Экса. Аристократия же отнесла эту информацию по меньшей мере к разряду скандалов – наверное, священник потерял здравый рассудок и предал свою классовую принадлежность. Почему он не ограничился слушателями – людьми из приличного общества, к которому и сам же принадлежит?

Поведение нового священнослужителя вызвало недовольство не только аристократов. Духовенство города Экса также было против новшества. Однако Евгения де Мазенода это ничуть не смутило, поскольку он уже успел заручиться поддержкой кафедральной капитулы, представив им новаторское видение, направленное на оживление Церкви в Эксе. Капитула согласилась с тем, что у молодого священника нет определенного прихода. А если так, то и его апостольское служение не может быть ограничено. Целью Евгения де Мазенода было силою Слова, проповедуемого им, охватить всех слушающих, а особенно - людей, оказавшихся на маргине общества, которыми даже священник-настоятель особо не занимался. Среди них были бедняки, которые не могли участвовать в богослужениях из-за незнания французского языка. В основном они говорили на своем провансальском диалекте, которым в «благородном» обществе пренебрегалось. Однако, на провансальском наречии говорили многие знаменитые литераторы, например, Фредерик Мистраль, автор поэмы «Мирей».

Тяжелая жизнь в эмиграции была основной причиной, почему отец Евгений хотел быть душпастьрем именно для простых людей. Большинство приходских душпастьрей не заботились о бедном населении, которое просто не приходило в церковь. Лишь немногие появлялись на воскресных службах, поэтому практически мало кто использовал в проповедях примеры из жизни.

Евгений де Мазенод был до крайности поражен религиозным невежеством провансальцев. Но, с другой стороны, как могли эти забытые, измученные нуждой люди верить во Христа, если никто не проповедовал им Его? Ведь еще апостолы говорили, что без проповеди Евангелия Христа, вера сама по себе на пустом месте не возникает. Их первоопыт и стал для Евгения де Мазенода отправной точкой его священнического служения в Эксе. По истечении лет девизом епископа и лозунгом его Конгрегации он избрал слова: «Господь послал меня, чтобы нищим провозглашать Благую Весть» (ср. Лк 4,18). Отец Евгений не пытался снискать для себя одобрения у так называемых «хороших прихожан», а также признания своей социальной принадлежности. Он проповедовал послание о спасении тем, кто до сих пор ничего об этом не слышал.

ВЕЛИКОПОСТНЫЕ ПРОПОВЕДИ 1813 ГОДА

В первое воскресенье Великого Поста новая церковь св. Марии Магдалины в Эксе заполнилась прихожанами так, что яблоку негде было упасть. В основном, конечно, это был простой люд, но пришли также и некоторые знатные горожане.

К сожалению, полные тексты проповедей Евгения де Мазенода не сохранились. Обычно южане, легко поддающиеся минутному вдохновению, охотно начинают импровизировать, поэтому писались всего лишь наброски своей проповеди, несколько личных заметок себе в помощь. Таким образом, мы имеем только отдельные комментарии к проповедям отца Евгения, но и по ним можно представить себе живость и красочность всей проповеди.

Вот небольшой набросок проповеди, который отец Евгений читал 7 марта 1813 года для рабочих, служащих, крестьян и заброшенных людей из Экса: «Нищие Иисуса Христа! Измученные, несчастные, страдающие, больные ... Все те, кого угнетает нищета! Братья мои! Мои почтенные братья! Выслушайте меня...!» Говорил он необычайно тепло. Люди, не привыкшие к подобному обращению, имели возможность слушать Божью истину на понятном для них языке. Отец де Мазенод хотел придать им отваги и открыть им ценность так часто затаптываемого человеческого достоинства, напомнить им, что они – подобие Божие... «Рабочие, кто вы для мира? Простойка людей, обреченных всю жизнь исполнять тяжелейшую работу, одна мысль о которой приводит в содрогание. Но вы зависите от работодателей, и потому вынуждены терпеть все капризы, так называемых «приличных» людей.

...А вы, служащие? Все, кто выполняет унижающую человеческое достоинство работу... Вы тоже, наверное, знаете, кем вас считает мир. Рабами, чей удел – презрение, несправедливость; в лучшем случае – плохое обращение требовательных господ, а попросту – варваров, которые думают, что за свою ничтожную плату они купили право несправедливо эксплуатировать вас...

Крестьяне, кто вы в глазах мира? Ваш труд необходим для пропитания и выживания народа. Но ценят вас лишь за силу ваших мускулов. И если иногда, хотя и неохотно, принимают во внимание ваш пот, то только потому, что он орошает и удобряет землю.

А вы, наемные рабочие, беднейшие из всех. Вы терпите самую большую нужду и все несправедливости жестокой судьбы, выпадающие на вашу долю. Как же вы сможете прожить? Как вам обеспечить себя и свои семьи хлебом насущным, о котором вы молитесь ежедневно? Разве только нищенством, унижающим человеческое достоинство?! Люди, выдающие себя за добропорядочных, смотрят на вас как на «отбросы» общества, стараются не замечать вас, чтобы не пришлось сочувствовать вашей нищете.

Вот, что думает о вас мир. Вот, кем вы являетесь в глазах мира.

А теперь придите и посмотрите в свете веры, кем вы являетесь для Бога. Нищие Иисуса Христа! Измученные, несчастные, страдающие, больные, покрытые язвами... Вы, те, кого угнетает нищета. Братья мои! Мои любимые братья! Мои почтенные братья! Выслушайте меня.

Вы - дети Божьи, братья Иисуса Христа, наследники Его Царства, избранные частички Его наследия! Как сказал св. Петр, вы – святой народ. Вы - священники Иисуса Христа, имеющие удел в Его первосвященстве. Вы - сыны Божьи. «Богами являетесь и сынами Всевышнего». Вы все, без исключения! Поднимите ваши головы! Пусть возрадуются ваши сердца! Перестаньте, как черви, ползать по земле, ибо «Богами являетесь...» Поднимите свои головы к небу! Там ваше место! Навсегда! Навеки! Пусть очи ваши, в конце концов, увидят не только лохмотья, прикрывающие вашу наготу! Лохмотья – снаружи. А внутри каждого из вас – сокровище: это ваша бессмертная,

созданная Богом, по образу и подобию Его, душа, призванная обладать Его Истиной вечно... Душа, искупленная кровью Иисуса Христа. Нет на земле большего богатства, чем кровь Спасителя: Бог ревнует о наших душах, и эта ревность для Него важнее власти над всем миром. Вы достойны самого Бога! Любимые мои, только самого Бога!»

Его проповедь не оставила равнодушным ни одно сердце. Не было никаких сомнений, что слушатели захотят вернуться в храм еще раз. Так и было. Во второе воскресенье Великого Поста церковь святой Марии Магдалины уже не смогла вместить всех, пришедших на Мессу. Отец Евгений говорил об основных истинах веры. Это был период времени, когда люди сомневались в существовании Бога из-за господствующей несправедливости в мире. А людей, верящих в Него, несмотря ни на что, считали до крайности наивными. Очень простым, доступным языком, отец Евгений говорил своим слушателям, почему сегодня, именно сегодня, он верит в Бога.

В третье воскресенье Великого Поста отец Евгений говорил о грехе, а в четвертое воскресенье - об исповеди. На каждую из следующих служб, которые он вел, людей приходило все больше и больше. Сердце отца Евгения переполняла благодарность Богу за эту благодать. По окончании великопостных проповедей, Евгений де Мазенод поблагодарил всех участников за их усердие. В то время он написал своему другу, позднее ставшему епископом и одним из основателей Папского дела Святого Детства Господа Иисуса, Шарлю де Форбен-Жансону: «Я имею обоснованную надежду, что во время всех этих богослужений Бог был прославлен».

РАЗНОСТОРОННИЕ ОБЯЗАННОСТИ

Отец Евгений де Мазенод имел огромное сердце, открытое для бедных. Бедными были все - не только те, кто не имел материальных средств, но и те, кто отдалился от Бога и уже не знал Его. Отец Евгений был в распоряжении всего города Экса. Он спешил повсюду, туда, где звали священника - слушал исповеди, навещал больных и окружал душпастырской опекой заброшенные всеми села. Евгений де Мазенод начал проводить реколлеции для приходского духовенства. На конференциях он пытался разрешить назревшие душпастырские проблемы. Особенно он помогал тем, кто в своем сердце чувствовал призвание ко священству. Евгений разыскал многих друзей из Семинарии Святого Сульпиция, рассеявшихся по всей стране. Он старался навещать самых бедных, заброшенных, заключенных. Было время, когда он ежедневно посещал заключенных в Эксе. Он беседовал с ними, утешал их, воодушевлял и укреплял их надежду, что они однажды выйдут на волю. Встречаясь со многими людьми доброй воли, Евгений обсуждал с ними их жизненные планы, спрашивал, чем будут заниматься, когда выйдут из тюрьмы.

ДУШПАСТЫРЬ МОЛОДЕЖИ

Отец Евгений всегда интересовался молодежью, замечая равнодушие молодых к вопросам веры. В школах не преподавалась наука о религии. В колледже Бурбонов для молодежи в возрасте от 12 до 18 лет религии обучал учитель, который, как правило, преподавал другие предметы, и часто просто насмеялся над Богом и Церковью. Такая же ситуация была и в других школах города Экса. Кто мог обеспечить молодежи религиозное воспитание? Родители, увы, не смогли этого сделать, поскольку они сами нуждались в основательном религиозном возрождении. Приходы данными вопросами также не занимались. Тогда Евгений решил, что займется этим сам.

Но в каких структурах? Ведь он не имел доступа к приходской церкви. Религию в школах преподавали только учителя-миряне. Католические молодежные общества государственным законом были строго запрещены. И все же в 1799 году в Марселе было основано «Общество католической молодежи». Тут же последовала реакция императора, декретом которого была запрещена деятельность этого Общества. Тогда отец Евгений решил, «что всеми силами он должен противостоять данному постановлению правительства». Он считал Наполеона тираном, а его правительство - «достойным презрения». Корсиканец был для него узурпатором, который вел «сатанинскую политику», «совратителем народа», «самозванным божком». Евгений иронично называл его также «самозванным провидением».

25 апреля 1813 года после окончания проповедей Страстной Недели, отец Евгений основал «Союз Христианской Молодежи», в дальнейшем называемый «Обществом молодежи». Сначала в

него входило 7 человек. Но эта семерка стала центром группы Общества. Она намеревалась стать евангельской солью или закваской, которая должна была преобразить свое окружение изнутри. Целью данного Союза было такое формирование христиан, чтобы они стали достойными Христа и не боялись в общественной жизни смело свидетельствовать о своей вере. Принадлежность к Обществу накладывала на молодежь определенные обязанности: им не следовало читать бульварные романы и участвовать в представлениях, противоречащих правилам хорошего тона. По собственной воле они должны были принимать участие в Св. Мессе, не только по воскресеньям, но и в будние дни, а во время встреч быть готовыми к принятию критических замечаний со стороны своего окружения. Некоторые требования могут показаться нам преувеличенными, но они соответствовали молодежи того времени. В Эксе они принесли хорошие плоды.

К Обществу принадлежал Йосиф Марку, 15-летний юноша, отдавший обществу всю душу, сумевший заечь в своих друзьях саму идею создания Общества. Как-то он оказался в кругу своих ровесников, которые смеялись и подшучивали над его религиозностью. Почувствовав угрозу, Йосиф разогнал противников кием, а позже объяснял отцу Евгению, что этим «негодьям еще мало досталось». С трудом отцу Евгению удалось отговорить Йосифа от возвращения на поле битвы. Позднее, Йосиф Марку стал «миссионером Прованса». Он был очень усердным, никогда не заботился о своем здоровье, и умер в 27-летнем возрасте.

Общество Молодых Христиан дало о себе знать общественности города Экса. Если кто-то говорил о молодом человеке: «Он ходит к отцу Евгению» - это означало, что он работает над собой, углубляет свою религиозную жизнь и что он не камыш, который ветер гнет во все стороны. Чтобы не иметь проблем со специальными службами, Общество выдавало себя за спортивный клуб. Но это не совсем противоречило действительности, поскольку два раза в неделю молодые люди занимались гимнастикой на снарядах или делали свободные упражнения, а когда уставали, возвращались в раздевалку, где обменивались своими наблюдениями по поводу того, как вести себя на спортивной площадке, а потом обсуждали, какую помощь оказать другу или размышляли над апостольской деятельностью. Спорт для отца Евгения был не только прикрытием для душпастьерской работы, но и важным средством в работе над характером, над выработкой личности.

Нас, людей конца XX века, могут сбить с толку некоторые пункты, записанные в положении Общества: «Мы охотно используем любой вид развлечения. Бегаем, прыгаем или поем, поскольку убеждены в том, что мы являемся вернейшими членами Общества, а потому тренировки дают нам еще больше радости».

Работа с молодежью до такой степени увлекала отца Евгения, что он писал своему другу отцу Карлу де Форбен-Жансону, другу, жившему на одной улице с Евгением в Эксе: «Боюсь, что моя любимая молодежь займёт все мое время. Но как противиться этому, ведь я чувствую, что через меня Бог действует в их кругу». Отец Евгений был для молодежи как ведущее колесо, вдохновлял их, помогал им в стремлении к добру. Не жалел времени быть личным духовником для каждого желающего, не довольствовался институциональными доктринами или массовыми руководствами. Его интересовали домашние дела ребят, он гордился тем, что все проходили аттестацию для перехода в следующие классы, а еще больше тем, что первой награды удостоились именно его воспитанники. Но он был огорчен тем, что другие отцы не только не последовали его примеру, а даже вредили его работе. Тогда он ясно понял, что не может дальше действовать в одиночку, что нуждается в общине. Но как решить эту проблему? Может, создать новое Общество священников?

Через год работа с молодежью пользовалась таким одобрением родителей, что это побудило отца Евгения отважиться на то, чтобы устранить еще один барьер. По традиции он вместе со своей молодежью, организованной группой, участвовал в процессии Божьего Тела. Власти не противились тому, что в процессии принимало участие Спортивное Общество.

Молодежь была увлечена своим священником и готова была носить его на руках. Однако, вскоре случилось несчастье. Отец Евгений смертельно заболел. После народной битвы под Лейпцигом с 16 по 19 октября 1813 года во Францию вступили войска антинаполеоновской коалиции. В Эксе расположилось множество австрийских военных юнцов. В лагере для военнопленных не хватало элементарных предметов санитарии и гигиены. Не лучше обстояло дело и в местных казармах. Вспыхнула эпидемия тифа, что вызвало многочисленные жертвы. Отец

Евгений получил от властей города разрешение на посещение больных. Было понятно, что существовал риск заражения. Мы не знаем точных подробностей этого служения, известно только, что 6 марта 1814 года о. Евгений заболел, и у него поднялась высокая температура. 10 марта его положили в больницу, и 14 марта всерьез считали, что смерть неминуема. Ему было уделено таинство больных, а рядом находились его молодые друзья. Священник дал ему Св. Причастие, но тяжелобольной не мог повторять молитв, назначенных служителем последнего таинства. Спустя два часа Евгений потерял сознание.

Его ежедневно посещали ребята и справлялись о состоянии здоровья. Вместе они молились за выздоровление своего священника. Борьба за жизнь продолжалась три недели. Потом настал переломный момент в болезни, больной возвращался к здоровью. 1 мая в церкви св. Магдалины он служил св. Мессу благодарения за свое выздоровление.

Все члены Общества присутствовали на св. Мессе. У алтаря стоял отец Евгений, бледный, исхудавший, слабый, но преисполненный радости, что снова встретился со своей молодежью и вернулся к своему служению, чтобы снова служить 24 часа в сутки.

БОГ УКАЗЫВАЕТ БУДУЩЕЕ

В душпастьерских вопросах отец Евгений охотно консультировался со своим другом отцом Карлом де Форбен-Жансоном. Тема касалась возрождения Церкви во Франции. Карл еще не решил, отправляться ли ему в Китай как миссионер или оставаться во Франции. Когда отец Карл отправился в путешествие в Рим, отец Евгений попросил его похлопотать об аудиенции у Святейшего Отца, чтобы представить положение Церкви тогдашней Франции. Отец Карл де Форбен-Жансон встретился с Папой, и тот сказал ему: «Это прекрасно, что ты хочешь ехать в Китай, но Франция тоже нуждается в особенном священническом служении, реколлекциях и приходских миссиях для возрождения религиозной жизни». Тогда отец Карл де Форбен-Жансон изменил свой первоначальный план. Вместе с двумя священниками он создал Общество Миссионеров Франции. В его задачу входило проведение реколлекций и приходских миссий, как уже испытанного средства религиозного возрождения. Отец Карл искал единомышленников, священников, охваченных тем же духом. Он обратился с предложением к отцу Евгению де Мазеноду, но тот колебался в принятии решения, и не только по причине, что без остатка увлекся душпастьерством молодежи в Эксе. Был и другой серьезный повод: о. Евгений хотел понять Божью Волю, необходимо было молиться, а на это требовалось определенное время. У него не хватало времени на проведение встреч и реколлекций из-за бурной деятельности в Обществе Молодежи. Много времени он проводил в исповедальне. Исповедальня была показателем успехов на амбоне. 12 сентября 1814 года отец Евгений писал отцу Карлу: «Все время я занят. Сегодня утром, прежде чем приступить к алтарю, я был вызван в исповедальню. Когда в ризнице я снимаю мессальные одежды, меня снова зовут в исповедальню. Так было и вчера, до 13.00 не было времени, чтобы начать Литургию часов. После св. Мессы не было достаточно времени на благодарение, так как в дверях меня уже ждала молодежь. Я знаю, что это не самое верное – все для других, и ничего для спасения своей души».

Поэтому он часто задавал себе вопрос, не ожидает ли Бог от него чего-то другого. Его соблазняло одиночество, жизнь отшельника - жизнь, посвященная только созерцанию. В своих письмах он писал: «Кто знает, может, я закончу жизнь как траппист». Но Евгений был по своей натуре скорее человеком внешней активности. Перед ним не стояла цель стать отшельником, поскольку он видел распространяющееся в мире зло. Если он все же тосковал по созерцательной жизни, то только потому, что нуждался в обновлении, в своего рода, «подзарядке» как аккумулятор, после чего он мог бы снова вернуться к активной жизни. Его призванием было проповедование Евангелия.

Дружба с отцом Карлом, безусловно, имела влияние на созревание окончательного решения отца Евгения. Отец Карл основал Конгрегацию Миссионеров для возрождения парижской епархии; не следовало ли отцу Евгению основать подобную конгрегацию для возрождения епархии в Эксе? Отец Дюклё посоветовал ему вместе с несколькими священниками епархии Экса присоединиться к Миссионерам Франции, основанным отцом Карлом, но отец Евгений не принял это предложение. Своему другу, отцу Карлу де Форбен-Жансону он писал: «Что меня удерживает, чтобы к Тебе

присоединиться? Собственные интересы. Моя провансальская епархия лишена всякой помощи, мне нельзя оставить ее на произвол судьбы. Я хотел бы помочь тебе и развивать твои идеи, но мне нельзя забросить свою епархию. Сюда никто другой не придет, потому что никто не знает провансальского наречия, кроме нас, провансальцев».

В то же время отец Евгений уже думал об основании конгрегации миссионеров для религиозного возрождения в Провансе, и это намерение не пугало его. Он был очень привязан к своей родной земле, а также к своей местной Церкви. Прежде всего, он хотел ей добра. Но что дальше? Пока что он имел точный проект правил для общества провансальских епархиальных священников.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕНЫ – ПАДЕНИЕ НАПОЛЕОНА

Политические перемены ускорили реализацию планов отца Евгения. Казалось бы, непобедимая армия Наполеона, насчитывающая 450 тысяч солдат, в октябре 1813 года была разбита под Лейпцигом войсками антинаполеоновской коалиции под командованием князя Карла Филиппа Шварценберга и его отважного генерала штаба Йосифа Вацлава Радецкого. Войска Наполеона должны были отпустить немцев и итальянцев. Войска коалиции преследовали остатки армии Наполеона и настигли их зимой под Базелем. 30 мая 1814 года Наполеон должен был подписать парижский договор, отказаться от императорской короны и согласиться на изгнание на остров Эльбу.

Французские католики праздновали свою победу. Праздновал, также, только что выздоровевший отец Евгений де Мазенот. Его радость стала еще больше, когда 21 января 1814 года Наполеон был вынужден разрешить Папе Пию VII оставить Савону. Возвращаясь в Рим, 7 февраля Папа задержался в Эксе. Хотя постреволюционные власти и умолчали об этом событии, Папу встречали тысячи провансальцев, среди которых был и отец Евгений. Он сопровождал папский кортеж до самого Турва, где Папа задержался на ночлег. Несмотря на то, что Папа очень устал, он все же смог увидеть, что провансальцы сохранили свою глубокую привязанность к Апостольскому Престолу.

После поражения под Лейпцигом Франция пребывала в состоянии большого беспокойства вплоть до мая 1814 года. В Эксе и других городах фанатичные сторонники императора не желали верить в его поражение. Они пытались принудить измученный народ к повиновению сверженному императору, на что полиция никак не реагировала. Политическое положение было нестабильным. На улицах выкрикивали лозунги верности императору. Были попытки спровоцировать и отца Евгения, но его не пугали вооруженные группы; он спокойно ожидал развития событий. Однако, когда «разбойники» побили его друга, он все же не выдержал, отважно вмешался и освободил его. Во время богослужения он вслух молился за Людовика XVIII, которому, по мнению отца Евгения, по праву принадлежал французский трон. В порыве своей верности он даже был готов взять на себя обязанности капеллана в королевской армии.

Кому-то позиция отца Евгения может показаться экзальтированной или даже фанатичной. Но сам он рассуждал так: «Я считаю, что моя твердая антинаполеоновская позиция имеет пользу для общества, для простых людей, замученных правлением наполеоновского аппарата, который стремился использовать веру для своих целей: уже никого не нужно бояться, Наполеон пал! Призываем к совести тех трусливых духовных особ, которые ради карьеры изменили Папе и присягнули на верность узурпатору. Теперь пусть снимут с себя обязанности участия в местном совете или в университете!» У отца Евгения вызывали отвращение: раболепие, челобитие и унижение перед властями, он ценил только лояльность.

Хотя Наполеон и был свержен, но наполеоновские идеи все еще продолжали жить. Для окончательной победы над Наполеоном требовалось еще много отваги, поскольку Наполеон оставался идолом, ведь он еще жил. В начале 1815 года он бежал с острова Эльба и собрал значительную армию. Почти на 100 дней Европа затаила дыхание. Но 18 июня 1815 года в битве под Ватерлоо в теперешней Бельгии войска под руководством генералов Гебхарда фон Блюхера Нейтхарда фон Гнайзенау и Артура Веллингтона окончательно разбили «бога войны». Он умер в изгнании в 1821 году на острове св. Елены. 7 июля 1815 г. Евгений написал своему отцу в Палермо:

«Прибыли два курьера, известившие нас, что 4 июля король вернулся в Париж. Да здравствует король!»

ОТЕЦ ТАМПЬЕР

Когда страсти, связанные с политическими переменами, начали постепенно утихать, и народ Франции вернулся к своим повседневным делам и заботам, отец Евгений начал подыскивать себе группу отцов-единомышленников, с которыми он бы мог реализовать все конкретные намеченные планы религиозного возрождения Прованса.

10 октября 1815 года отец Тампьер, викарий из Арля, получил письмо, сильно удивившее его. Он раскрыл конверт, чтобы найти адрес отправителя и не нашел его. Чем больше он углублялся в чтение, тем более росло его недоумение. Письмо начиналось словами:

«Мой дорогой друг! Прочти это письмо у подножия креста и приготовься слушать только Бога и то, что Бог и душа ожидают от священника, а, значит, от тебя. Подави в себе всякие человеческие пристрастия к достатку и выгоде. Подумай серьезно над религиозным положением деревенских жителей, подумай, как с каждым днем усиливается в деревнях отступничество, приводящее к ужасному опустошению. Подумай о нищете средств, с помощью которых до сих пор стремились противостоять распространяющемуся злу. Спроси свое сердце: что бы оно желало сделать, чтобы противостоять этой сложной обстановке, – а потом ответь на мое письмо.

Так вот, друг мой, не останавливаясь на деталях, говорю тебе, что ты нужен делу, начать которое побуждает нас Бог. Папе известно, что в ситуации, в которой находится Франция, только миссионерское служение позволит вновь привести людей к вере, которая практически утрачена. Большая часть духовенства некоторых епархий желает объединиться в поддержку планов Наивысшего Пастыря.

Я также чувствую неотложность такого начинания на наших землях, и, уповая на Божие Провидение, я уже начал дело, цель которого – высылать миссионеров по нашим деревням и городкам.

Далее в письме говорится обо всем; в основе лежит жизнь в общине, которую детально определяют принятые всеми правила, не предусматривающие монашеских обетов. Одна часть года отводится на проведение миссий в Провансе, другая часть – на сосредоточение, молитву и обучение в общине.

Но почему письмо было не подписано? Сначала отец Тампьер думал, что кто-то над ним пошутил, но вскоре узнал, что письмо было написано Евгением де Мазенодом, и тот просто забыл его подписать. Тампьер ответил: «Если бы я знал раньше о планах отца, то первым попросился бы принять меня в такую общину». Тогда Тампьеру было 28 лет, и он уже год был священником. Тампьер был невысокого роста, но крепкого телосложения. В его живом взгляде сквозили доброта и большая мудрость. Но, в отличие от Евгения, ему было очень трудно устанавливать контакты с людьми. Письма он писал только в случае крайней необходимости. Евгений иногда укорял Тампьера, что получал от него очень мало вестей, но он всегда мог на него положиться. В силу того, что разница темпераментов между ними не имела большего значения, мягкий характер о. Тампьера позволял очень быстро успокоить взрывной характер Евгения. Тампьер был подарком судьбы для Евгения: как для него самого, так и для начинающей общины. Когда Евгений выиграл этот подарок судьбы, то понял, что может начинать свое дело.

Оставалась проблема, как освободить отца Тампьера от его тогдашних обязанностей? Он был викарием в Арле и уже был назначен духовным отцом для семинарии в Эксе. Но все равно Евгению удалось убедить генерального викария в необходимости проведения миссии и основания общины священников, на что отец Гигу согласился. 26 декабря 1815 года. Отец Тампьер отправился в Экс и выразил на кафедральной капитуле свое желание как можно скорее присоединиться к делу народных миссий. Рассмотрев дело, капитула пришла к выводу, что от нового дела будет больше пользы, чем от его нынешних обязанностей на посту викария, и дело решилось положительно.

Евгений горел желанием быстро начать эту работу, хотя и не имел еще в своем распоряжении четырех священников, которые выразили бы готовность сотрудничать с ним. 25

января 1816 года вместе с о. Тампьером они начали жить в одной части старого Кармеля в Эксе, который Евгений получил в своё распоряжение 2 октября 1815 года – и так родилась новая община.

МИССИОНЕРЫ ПРОВАНСА

Таким образом, появились «Миссионеры Прованса»! На первый взгляд, кажется, что это очень просто. Что особенного в том, что священники живут вместе для проведения народных миссий? Особенным был дух, ожививший это начинание. Если мы хоть немного поняли дух, которым жил Евгений, то это начинание еще больше раскроет нам личный характер и характер служения молодого священника. Письма, которыми мы располагаем, показывают нам священника, изо всех сил стремившегося жить созерцательно, и которому позже Бог указал другую дорогу. Во время зарождения Конгрегации Евгений, быть может, сам всего еще не понимал. «Что со мной происходит?» - спрашивает он 23 октября 1815 года. «До сих пор я не мог решиться, чтобы отдаться этому делу – и тут неожиданно вижу, что запускаю всю эту махину в движение и с риском посвящаю ей весь мой тогдашний покой и все то, чем располагаю – для дела, смысл которого хорошо понимаю, но что до сих пор было только в помыслах, и которому совершенно противоречили другие мои намерения. Это для меня – проблема. Уже второй раз в своей жизни я чувствую, что я был под сильным внешним давлением, которое и привело меня к такому серьезному решению».

Первый раз Евгений почувствовал это, когда в Семинарии Святого Сульпиция он решил отказаться от аристократической жизни и стать священником для нищих. Чем больше он думал теперь о начатом, тем больше он убеждался, что снова Бог имеет в этом свой замысел. Евгений чувствовал, что начинает дело, превышающее его человеческие возможности. Но во все это включился Бог, и Он ему поможет справиться с тысячью проблем, которые встанут перед ним.

«Загруженный заботами и работой, - пишет он 19 декабря, – я веду, вопреки противоречиям сердца, эту борьбу. Во всех этих трудностях удерживает меня на ногах только одна сверхъестественная мотивация – действительно, удерживает меня, но вместе с тем и не щадит, чтобы дать мне почувствовать всю серьезность этой ситуации, и мне тем более неприятно, что ни на что не пригодятся мои нежелания: кажется, что они идут в совершенно другом направлении....»

Но несмотря ни на что, Евгений де Мазенод все же основал свое общество «Миссионеры Прованса». Нам может показаться, что основатель нового монашеского общества был настолько готов к своей деятельности, что с самого начала четко определил его название и цель. Все было иначе. Даже если бы мы исключили действие Святого Духа, неизменным остается тот факт, что Бог действует в жизни выбранного Им человека и Сам ведет его дальше. Мы уверены, что отец де Мазенод не с той целью принял рукоположение в священники, чтобы стать основателем нового ордена. Он вернулся из Амьена в Экс только для того, чтобы не быть связанным исключительно с одним приходом, но сохранить свободное служение для всей Церкви, оказывать помощь всем, кто в ней нуждается. Он стал душпаستырем для нищих и людей, так называемых отбросов общества, находящихся вне официальных структур приходских служений. Пошел служить молодежи, заключенным. Не присоединился к Миссионерам Франции, основанным отцом Карлом де Форбен-Жансоном. Бог управлял намерениями отца Евгения и дал благодать призвания священникам, которые думали так же, как и он. Когда Бог призвал его к жизни в новой монашеской общине, которая должна была стать элитной группой в самоотверженном процессе обновления Церкви, Евгений, полный покорности, ответил как слуга Божий: «Да будет мне по слову Твоему».

IV. НАРОДНАЯ МИССИЯ В ПРОВАНСЕ - ВСТРЕЧНЫЕ ВЕТРЫ СО ВСЕХ СТОРОН

ВРАЧ ПО ПРИЗВАНИЮ ПОСВЯЩАЕТ СВОЕ ВРЕМЯ И СВОИ
ЗНАНИЯ ВСЕМ ТЕМ, КОМУ ТРЕБУЕТСЯ ЕГО ПОМОЩЬ,
ЖЕЛАЕТ ПОМОГАТЬ БОЛЬНЫМ И РАДУЕТСЯ, ЕСЛИ ЕМУ
ТО УДАТСЯ. КРИЗИСНАЯ СИТУАЦИЯ УДВАИВАЕТ ЕГО
УСЕРДИЕ

«Церковь, чудесное наследство Спасителя, добытое Им ценой собственной крови, в наше время жестоко разорена. Любимая Невеста Сына Божьего оплакивает позорное отступничество своих детей, которым дала жизнь ... На самом деле можно сказать, что множество современных христиан, в силу своей коварности и моральной испорченности, оказалось в положении, угрожающем вечному спасению; остается сожалеть о судьбах людей этого мира, где возврат к язычеству поломал кресты Христа».

(Евгений де Мазенод в *Предисловии к первым Правилам* Конгрегации 1818 г.)

ПРОВАНС

Когда о ком-то говорят, что он выходец из провинции, это означает примерно следующее: «Он из другого мира, почти с Луны». Есть все же такой регион во Франции, «Прованс», название которого происходит от слова «провинция», чьи жители гордятся своим происхождением. Первоначально это была римская «*Provincia Gallia Narbonensis*». К Франции она была присоединена только в XV веке, однако, сохранила культуру и, прежде всего, собственный язык. Провансальцы и по сей день гордятся своим происхождением, хорошо знают свою историю.

Красота Прованса увенчалась в произведениях искусства. В них воспеваются ее лазурное небо, пахнущие плантации лаванды, сухое тепло летних дней и ночей, поля и живописные цепи не очень высоких гор. Выходец из Экс-ан-Прованса Поль Сезан в своих картинах увековечил бессмертный Прованс. Фредерик Мистраль писал, что о Провансе невозможно забыть.

Но чем же обладали бедные и заброшенные провансальские крестьяне, что смогли удержать у себя Миссионеров Прованса, проводивших там приходскую миссию, на протяжении 4 – 6 недель? Над низкими халупами глиняных стен возвышались не менее нищие башенки сельских церквушек, не обновлявшихся десятилетиями. На церковном кладбище покосившиеся надгробные кресты достигали почти стен церквушки и стен кладбища. В заброшенных церквях также распадались надгробные кресты – вот символ падения религиозной жизни, времен секуляризации. Городки, на первый взгляд, выглядели лучше, можно было иметь впечатление, что кто-то заботится о них, но внутреннее моральное разложение в маленьких городах было зачастую ужаснее, чем религиозное падение в деревне.

ДУХОВНОСТЬ МИССИОНЕРОВ ПРОВАНСА

Миссионеры Прованса с большим энтузиазмом приступили к работе. Осенью, после сбора винограда, когда у земледельцев было больше свободного времени, миссионеры в группах по два или по три человека приезжали в Прованс и проводили там приходские миссии. В Экс возвращались только в конце апреля.

Самым усердным был отец де Мазенод, он принимал приглашения от настоятелей, определял с ними сроки приходских миссий, составлял план работы и посылал миссионеров. Часто он не мог выполнить всех их пожеланий. Если какой-то деревенский настоятель упрямо настаивал на своих сроках, то получал ответ: «Дорогой настоятель, либо Вы принимаете сроки, мною предложенные, либо миссии не будет». В основном настоятели принимали ответ о. Евгения без противоречий. И уже после проведенной миссии никогда об этом не сожалели.

Записи первых приходских миссий дают нам интересную характеристику основателя Миссионеров Прованса. Его глаза выражали решительность, он был человеком сильной воли, знал, чего хочет. Он был душой приходской миссии, человеком чести, воодушевленным апостолом, без остатка отданным служению - нести спасение всем людям. Он заботился о правильности богословия, но больше его интересовали дела практического решения душпастырских вопросов. Миссионерам, которые готовились к выезду на место, он напоминал, чтобы те заботились о глубоких теологических знаниях; не хотел болтунов, а лишь тех, кто действительно проповедовал слово Божье. Он даже основал Миссийную Семинарию, в которой кандидаты на народные миссии получали соответствующую формацию. Бездушные теоретические дискуссии надоедали о. Евгению. Написание книг было для него роскошью, на которую не могли рассчитывать его миссионеры. Они должны были быть проповедниками, и не каждый проповедник может быть

литератором. О. Евгений имел прискорбный опыт своей эпохи: величайшие интеллектуалы и писатели, такие как Йосиф де Местр или Фелицит де Ламене, не вели своих читателей к перемене жизни, к обращению. Вот, что писал о. Евгений своему собрату: «Книжками мы не добьемся, чтобы многие люди пришли к вере в Иисуса Христа, может одного или двух и приведем к ней». Нужно устно проповедовать людям Евангелие, нужно свидетельство жизни того, кто его проповедует. Провозглашаемое слово должно быть вероугодным свидетельством жизни провозглашающего его. Мало обращений в библиотеке, больше у амвона.

О. Евгений де Мазенод чувствовал себя посланным к людям, служение людям было его жизненным призванием. Он хотел вести людей ко Христу и знал, что может сказать им только то, что сам пережил и испытал. Такое требование он ставил не только перед собой, но и перед братьями. При подготовке своих проповедей о. Евгений учитывал обычаи местной среды, интеллектуальный уровень своих слушателей. По мере роста миссии он поднимал уровень, но не высоко, так как подходили новые слушатели, которые впервые встречались с проповедующими Евангелие. Были ли готовы углубить свою религиозную жизнь все, приходящие на проповедь? Этими опасениями о. Евгений поделился с о. Франциском Тампьером: «Я хотел бы иметь рядом только тех мужчин, которые были бы готовы пойти по следам апостолов». Он часто к этому возвращался, постоянно повторял, что нельзя удовлетворяться привычными знаками набожности. «Ты думаешь, что я доволен таким товаром?» писал как-то раз, и добавил: «Не знаю другой дороги в небо, как умерщвление плоти, самоотверженность, бедность и мозольный труд». Если кто-то из его братьев пытался призвать нестарательного миссионера словами из Священного Писания: «..нельзя погасить еще тлеющий светильник», - то о. Евгений отвечал: «Я не нуждаюсь в едва тлеющих светильниках. Светильник горит и светит, в другом случае он не нужен». Этот очень радикальный ответ свидетельствует о внутреннем рвении о. Евгения. С рвением нельзя обходиться как с золотом, проверять на несоответствия, измерять караты: либо оно есть, либо нет.

ПРИХОДСКАЯ МИССИЯ

О. Евгений решил, что день накануне начала миссии миссионеры должны провести в молитве и покаянии. Перед отправлением все собирались в часовне, у каждого в руках были Часослов и дорожная трость. Из часовни посылал их Христос как своих учеников.

Трудно себе представить, какими в то время были дороги. На дальних трассах курсировали почтовые дилижансы. На немощенных деревенских дорогах всех путешественников ожидала сильная тряска. Путешествие продолжалось долго, оно было разделено на много этапов. Когда попадалась возвышенность, людям приходилось выходить из дилижанса и толкать его. Грязные и измученные добирались до пункта назначения. Зимой миссионеры шли по дорогам, увязая по грудь в снегу.

Приезд миссионеров был большим событием. Весь народ приходил посмотреть на гостей, одетых в сутаны с крестом, заткнутым за пояс. В основном их принимали с гостеприимством, почти везде еще были католики. Даже в период революции люди приходили на воскресные Св. Мессы. Но таких людей было мало. В основном это были равнодушные люди, которые ни на что не надеялись и с обычным интересом приглядывались к происходящему, даже в те моменты, когда благодать Божья приводила их в исповедальню. Не раз миссионеров ожидал холодный прием. По выражению лиц людей встречающих миссионеров можно было понять, что в этом месте миссия не удалась. Даже в деревнях были сторонники Вольтера, издевавшиеся над крестьянами, которые, как говорили первые, давали сбить себя с толку приезжим «папашам».

В таких ситуациях о. Евгений всегда вдохновлял своих миссионеров. К о. Мий, который проводил миссию в Малиже в департаменте Нижних Альп, он писал: «...Я не могу с тобой согласиться, не могу с тобой хандрить. Если ты поразмышляешь над своим расположением духа, то, вероятно, поймешь, что пострадало твоё самолюбие». После такого, возможно, несколько жесткого диагноза, о. Евгений порадовал о. Мий и напомнил ему, что Господь послал его сеять и ухаживать за прорастающими растениями, но не посылал его на жатву. Пожинать плоды будет Бог на Последнем Суде.

В то же время миссионерам не на что было жаловаться. Провансальцы старательно принимали участие в миссиях. Маленькие сельские церквушки не вмещали всех желающих. Так было в 1820 году во время проводимой миссии для всего города Экса. О. Евгений просил епископа разрешения, чтобы верующие могли входить в пресвитерий. Епископ согласился, но каноники, бывшие во время проповеди вместе с людьми, высказались против.

СТИЛЬ ПРОПОВЕДЕЙ

В основном миссионеры проповедовали два раза в день, утром до начала работы и вечером перед наступлением ночи. О. Евгений рассматривал эти проповеди, как основную часть запланированной миссии. Он требовал серьезной подготовки от своих миссионеров. В отличие от преобладающей в проповедях моды, о. Евгений не допускал чрезмерного красноречия или бурного выражения чувств. Миссионеры должны были быть скорее рационалистами, использовать убедительные аргументы, избегать всякой театральности, которая, на самом деле больше завоевывает всеобщее одобрение, чем ведет к обращению. В монашеских правилах 1818 года он писал: «Я определенно сопротивляюсь духу времени, в соответствии с которым в проповедях предпочтительнее произвести эффект и не предавать значения их содержанию. Наши усилия должны направляться на то, чтобы приводить слушателей к познанию истины, а также к последовательному углублению веры и соединению их с Богом... Мы должны не только преломлять хлеб слова Божьего и подавать его им, но и помогать этот хлеб разжевать. Не следует щекотать словом уши наших слушателей, но необходимо поучать их, помогать им изменить их жизнь и открываться на слова, которые они слышали во время проповеди. Тогда после этого они смогут пересказать их тем, кто не был на этой проповеди». Слова эти вторили эхом тому, что писал к Коринфянам св. Павел: «Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах» (1Кор. 3,2). Как-то о. Евгению передали, что о. Онорат, стоя на амвоне, громко высказал свое сомнение по какому-то поводу, поскольку, по-видимому, глубоко переживал это в тот момент. О. Евгений сказал: «Зачем он так восклицает, почему силу аргументов хочет заменить мощью голосовых связок?»

Сам же он проповедовал в необычайно простой, но затрагивающей сердце, манере. На самом деле был он плодом своей эпохи, не раз слушал патетические проповеди и сам подсознательно иногда впадал в такой же тон в своих проповедях. Но вскоре он освобождался от этого. Чтобы все его понимали, он охотно говорил по-провансальски. Не любил того, в чем упрекал в упомянутом письме о. Онората, который в угоду господам из общества говорил то по-французски, то по-провансальски, что вызывало определенные эмоции и было сенсацией. «Пусть отец противится соблазну произвести впечатление в окружении дам, и пусть не лишает простых людей возможности следовать проповедуемой отцом науке. Если в церкви находятся только франко-язычные слушатели, то пусть он говорит на французском. Я сам так иногда поступал. Но пусть отец старается избежать того, чтобы для дешевых выступлений и снискания популярности у тех, кто часто только из интереса посещает церковь, не лишить простых людей слова Божьего».

МИССИЙНЫЕ ТОРЖЕСТВА

На миссиях планировались не только проповеди, но и проведение различных торжеств. Особенно по сердцу было торжество посвящения себя Пресвятой Деве Марии. На главном алтаре устанавливалась статуя Марии, украшенная цветами и свечами. Одетые в белые платья девушки в процессии подходили к алтарю и клали цветы у Ее ног. Глаза матерей и бабушек наполнялись слезами от гордости за своих детей, стоящих в процессии. В соборе в Арле торжество посвящения себя Марии переживали свыше шести тысяч участников миссии.

В программу миссии входили также богослужения к Пресвятому Сердцу Иисуса, носившие характер умиловствования за грехи с процессией на кладбище, где происходило обновление обетов святого Крещения.

В заключительной части миссии перед церковью устанавливали памятный миссийный крест, что было большим событием для всей деревни или города. Украшались окна, над улицами развешивались гирлянды, и даже воздвигались триумфальные арки как когда-то в давние времена.

Когда проходило шествие, в котором несли крест по улицам города или деревни на церковную площадь собирались все: и старые и молодые.

В такой же процессии в 1820 году в Марселе принимало участие более 30 тысяч жителей, не считая тех, кто только из любопытства присоединился к процессии. Принимали участие важные лица и власти города в праздничных фраках, а также высокие чины в мундирах с орденами на груди. Самые сильные несли на плечах, к порту, крест большого размера. На портовой набережной матросы приняли крест и под звуки артиллерийских залпов перенесли его на палубу военного корабля, на который также пригласили епископа и соборный капитул, после чего корабль направился по портовому каналу к ратуше. На балконе ратуши стоял о. Евгений и прочитал соответствующую проповедь. Затем крест торжественно поставили возле церкви под крики: «Крест Святой, ты знак нашего спасения!» Такое торжество позволяло миссионерам забыть обо всех перенесенных трудностях.

ИСПОВЕДАЛЬНЯ

Главное служение приходской миссии было, однако, не на амвоне, а в исповедальни, где миссионеров ожидал самой большой труд. Принятие исповедей было непростым. Большинство кающихся попадали в исповедальню спустя не один десяток лет и не знали, с чего начинать и как исповедоваться. Приходили старушки, для которых после принятия Первого Причастия это была вторая исповедь в их жизни. О. Евгений строго напоминал своим миссионерам: «Не будьте механизмом для выражения формулы разрешительной молитвы, посвятите каждому кающемуся столько времени, сколько он потребует. Миссийная исповедь - это не массовка, а, может, уже последняя возможность примирения с Богом. Не теряйте этой возможности, не сокращайте времени».

Миссия в Грансе проходила в зимний период, было холодно, и церковь не отапливалась. О. Евгений писал тогда: «Мы были в исповедальни уже в 3 часа утра, конца очереди не было видно. Поверьте мне, мы находились в исповедальне без перерыва 28 часов. Повторяю: 28 часов. Уверен, что мало кто в это может поверить, такого еще не случалось. Не думайте, что в своем письме я ошибся, так действительно было!» В другом письме о. Евгений писал: «В Мариньяне, горной деревушке, каждый житель приходил на беседу с миссионером по крайней мере три раза». В следующем письме он писал: «Почти нет времени на трапезу. Не имеем даже часа на отдых». Работы для миссионеров было много, но и это было лишь каплей в море местных потребностей. Миссионеры должны были оставаться там, по крайней мере, несколько месяцев, чтобы попытаться исправить негативное положение, сложившееся в процессе революции и запущенности в дореволюционный период. В Южной Франции постоянно вспыхивали конфликты между семьями. Чтобы примирить семьи, требовалось время. Многие семьи, что жили дружно, были разъединены революцией. Революция привела ко взаимному недоверию, к тому, чтобы шпионить за соседями и доносить на них революционным комитетам. Бедные становились смертельными врагами тех, кто еще что-то имел для своего содержания; работники, живущие за счет дневного заработка, нападали на владения своих работодателей. Суды функционировали очень вяло, не все виновные были осуждены. Но много невинных, лишенных правовой защиты, попадали в тюрьму. В такой отравленной атмосфере тяжело было жить. Чтобы вернуть единство и покой в семьях, а также в общинах, миссионеры во время своего пребывания организовывали «Бюро по примирению», приглашали сюда людей, невинно осужденных и обвиняемых без приговора суда, и занимались их судьбой, стараясь им помочь.

Тяжелая была работа у исповедников. Нелегко было возбудить в кающемся чувство вины, сокрушения за свои грехи и побудить к решению исправиться. Когда миссионерам это не удавалось, то они просили людей еще раз вернуться в исповедальню, в ином случае отпущение грехов было невозможно. Между тем, у людей складывалось о них хорошее мнение, люди говорили: «На амвоне лев, а в исповедальни – овечка». О. Евгений неоднократно напоминал своим миссионерам, что они пришли для того, чтобы лечить раны, а не для того, чтобы пугать своих слушателей. Представленный Христом в евангельской притче добрый пастырь ищет заблудшую овцу и радуется, когда находит ее. Добрый отец не закрывает свой дом перед вернувшимся блудным сыном, но широко открывает двери и обнимает его, ведет его к праздничному столу.

Такой позиции по отношению к грешнику учил отец Бартолло. В те времена во Франции господствовал строгий ригоризм; избежать таких методов удавалось миссионерам Прованса, а обязаны этим они были о. Евгению.

РИГОРИЗМ

На основе сегодняшних исследований мы можем утверждать, что Апостольский Престол был против чрезмерно усердствующих священников, которые своими проповедями скорее отбивали охоту у верующих, чем вдохновляли их на хорошие поступки. Золотой середины между строгостью и кротостью учил когда-то св. Альфонс Лигуори, которого наследовал о. Евгений де Мазенод. В тогдашней Франции учитывались два пастырских направления. Одно из них представляло янсенизм, который требовал неумолимой строгости по отношению к грешнику и накладывал на него тяжелую епитимью. Янсенистов называли в то время ригористами. Второе направление, которое призывало к милосердию, представлял Апостольский Престол, отчего его приверженцев называют «ультрамонтанистами», придерживающимися взглядов «из-за гор», из далекого Рима.

Ригористы имели несколько своих крепостей во Французских Альпах. Когда искренне кающиеся люди просили об отпущении грехов, то им накладывалась практически невыполнимая епитимья, и грехи не отпускались до тех пор, пока не исполнялась назначенная епитимья. Случалось, что кающиеся, спустя много лет, вновь возвращались к исповеди, и каждый раз им отказывали в отпущении грехов. Никто не проповедовал им о Божьей любви. На амвоне и в исповедальни доминировал образ ветхозаветного Грозного Бога, который только следил за тем, чтобы уличить человека в грехе. Миссионеры Прованса проповедовали также и во французских Альпах, где местные душпастыри и жители создавали им всяческие препятствия. Нужно было доказать, что то, что ранее проповедовалось им во имя Евангелия, на самом деле Евангелию не соответствовало.

Епархиальный епископ из Динь, отец Миолис, в сущности порядочный человек, был сторонником ригоризма. О. Иосиф Гиберт, в дальнейшем кардинал архиепископ Парижа, со своими миссионерами намеревался провести приходскую миссию в маленьком селении в епархии Динь. Прием миссионеров был сердечным. Отец-настоятель передал о. Гиберту «полномочия миссионера», в котором в противоречии к духу Евангелия перечислялись грехи, отпущение которых было закреплено за епархиальными священниками, и которые не могли отпускать миссионеры. На это о. Иосиф Гиберт ответил: «Мы прибыли не для того, чтобы говорить комплименты благородным прихожанам. Если нам запрещено принимать грешников и примирять их с Богом, то наш приезд к вам был недоразумением и дальнейшее наше присутствие в этом приходе бессмысленно, а потому мы садимся на наших лошадей и возвращаемся в монастырь. Миссия закончена». Такие открытые слова заставили благочестивого настоятеля спуститься с облаков на землю. Он послал своего vicar к епископу в Динь с петицией о расширении полномочий для миссионеров. Ответ епископа был короток: «Нет!» На счастье, vicarий прежде встретился с генеральным vicarием, который, минуя епископа, передал миссионерам расширенные полномочия.

Более неприятная борьба произошла у миссионеров с ригористами в епархии Гап, где управлял епископ Арбо. Он назвал миссионеров «моллюсками» и публично осудил их за «чрезмерную кротость». Его нежелание к миссионерам возросло, когда они сослались на Апостольскую Столицу и Святейшего Отца. Тогда многие относились к «ультрамонтонистам» с презрением. О. Евгений отважно защищал своих миссионеров. Он говорил, «что они остаются верными инструкциям Рима, авторитету Учительства Церкви», а с этим не всегда соглашался мелочный епархиальный инструктаж. Слава Богу, эти дискуссии происходили «за кулисами», и простой народ не мог о них ничего знать. Для простых людей Миссионеры Прованса были подлинными глашатаями слова Божьего, слугами Божьими, которые давали людям шанс примирения с Богом. Они открывали для людей свои сердца.

Когда пришло время прощаться, люди не скрывали слез. Им хотелось навсегда оставить таких проповедников слова Божьего у себя. Мужчины из Арля еще раз хотели увидеть миссионеров, пожать им руки, и просто крепко их обнять.

НАПРЯЖЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МИССИОНЕРАМИ И ЕПАРХИАЛЬНЫМ ДУХОВЕНСТВОМ

Отношения стали напряженными в тот день, когда Миссионеры Прованса открыли для широкого круга верующих церковь, примыкающую к старому Кармелю в Эксе, приватизированную во время французской революции. Миссионеры Прованса начали там богослужения к Сердцу Иисуса, марийные богослужения, совместные молитвы, как утренние, так и вечерние, цикл проповедей перед первым Святым Причастием и перед Таинством Миропомазания, - мероприятия, незнакомые в приходской практике. Все это вызвало решительное противостояние настоятеля, но и энтузиазм верующих. Миссионеры Прованса, в своей выкупленной у государства церкви, ежедневно уделяли Святое Причастие, что возмущало епархиальный клир.

Наиболее страстным противником Миссионеров Прованса был настоятель прихода св. Иоанна, на территории которого находилась выкупленная бывшая кармелитская церковь. Этот настоятель во время революции даже два раза присягнул на верность революции, чем особенно изменил Святой Церкви, отрекся от Папы. Он резко выступил против Миссионеров Прованса, когда в приходской церкви св. Иоанна они представили к Таинству миропомазания кандидатов подготовленных ими из среды «Общества Молодых Христиан» из Экса и его окрестностей. О. Евгений выстроил своих воспитанников отдельной группой, просто для того, чтобы «лояльные» их не высмеяли, потому что «в группе – сила». Настоятель решительно воспротивился этому и перед всеми прихожанами, собравшимися на торжестве, заклеил о. Евгения, назвав его посторонним, вмешивающимся в дела прихода. Затем воспитанники о. Евгения должны были построиться в одну шеренгу в пресвитерии вместе с молодежью настоятеля. Дальнейшее развитие событий лишь подтвердило мудрость о. Евгения, который хотел поставить своих подопечных отдельно. Когда епископ начал обряд миропомазания, воспитанникам настоятеля стало скучно, они принялись смеяться и толкаться, чем вызвали беспорядок в церкви. Отец-епископ, рассердившись, вызвал к себе приходского vicaria и спросил его: «Что, тут нет никого, кто мог бы навести порядок?»

Мелочные споры с епархиальным клиром не утихомиривались, и о. Евгений обратился за помощью в Париж, желая там найти одобрение для деятельности Миссионеров Прованса. В Париже он узнал, что серьезные представители местной церковной иерархии хлопотали об уменьшении размаха деятельности Миссионеров Прованса. Со стороны иерархии была сильная оппозиция и о. Евгений еще не знал, какие препятствия угрожают ему со стороны государственных властей. Казалось, о. Евгений может спокойно вздохнуть. Экс получил нового епископа в лице отца Босата Рокфора. О. Евгений мог радоваться, поскольку знал его. Однако, пребывая в Париже, отец Босат Рокфор с самого начала отказал о. Евгению в одобрении. Итак, о. Евгений опасался, что под влиянием Парижа, Общество Миссионеров Прованса вскоре будет распущено. Отец Франциск Тампьер утешил тогда о. Евгения: «Бог с нами, раз Он позволил нам сострадать на Его Кресте. Пусть отец не падает духом. Это неприятные слова, но мне кажется, что они направлены лишь против Вас, отец».

ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблемы со стороны епархиального духовенства ослабили здоровье и силы о. Евгения. Но это не все, еще большие трудности создавали ему сами же миссионеры. В 1823 году значительная часть Общества Миссионеров Прованса грозила покинуть орден. Что стало причиной? Миссионеры возражали против того, чтобы о. Евгений и о. Франциск Тампьер приняли должность генерального vicaria, восстановленную в 1822 году марсельской епархией, первым ординарием которой стал Фортюнат де Мазенод, дядя о. Евгения. Должность генерального vicaria значительно поднимала престиж Общества Миссионеров Прованса, но в то же время вредила внутренним отношениям Общества. Два руководителя этого Общества, принимая должность генерального vicaria, должны были отказаться от евангельской бедности, которую до сих пор так усердно проповедовали своим подчиненным. Что о таком решении могли сказать нищие, которые обожали обоих миссионеров? Обязанности генеральных vicariев в только что восстановленной епархии могли так увлечь их, что у них уже не хватило бы времени на приходские миссии. Как в таком случае они могли стоять во главе Миссионеров Прованса? Ведь, управляя в Марселе, они редко смогли бы бывать в Эксе, и об

участии в приходских миссиях, вероятно, уже не может быть и речи. Некоторые, узнав об этом, покинули Общество.

Была еще и другая причина, угрожавшая дальнейшему существованию Общества. О. Евгений хотел ввести обеты. На это особенно резко отреагировали епископы: епископ из Фрежюса, а также епископ из Экса сказали, что такие обеты будут недействительными. Они отозвали своих священников обратно в свои материнские епархии. Особенно агрессивным был епископ из Экса, он обвинил священника Евгения де Мазенода в обмане. Публично назвал его «лицемером», «недостойным Царства Божьего», «гробом скрытым». О. Евгений к этому времени был настолько зрелым христианином, что на такие оскорбления вообще не отвечал. Он также не принимал во внимание оскорбления со стороны епископов, но больше расстроился из-за того, что четыре миссионера оставили Общество Миссионеров Прованса, не соглашаясь на принятие монашеских обетов. Это был удар для Общества, которое тогда насчитывало всего лишь 13 человек. Разве можно было приниматься за дальнейшую работу. Ведь все уже были на пределе физических возможностей. «Потух соломенный огонь», - так оценил эту ситуацию о. Евгений.

«РЕВНОСТЬ ПО ДОМУ ТВОЕМУ СНЕДАЕТ МЕНЯ»

Кто больше любит, тот больше и страдает. О. Евгений любил своих миссионеров больше всего. Особенно близки были его сердцу те, кто всю свою жизнь посвятил службе человеку. Их количество стало уменьшаться, за последние годы несколько человек умерло, как раз самые молодые и подающие большие надежды. Он знал по собственному опыту, что это истощение. Речь не идет об усталости, которую чувствует человек после хорошо выполненной обязанности, но о том человеческом состоянии, в котором, даже чувствуя голод, отказываешься принимать пищу и приговариваешь себя на бессонные ночи. О. Евгений пережил это после миссии в Гранс в 1816 году. Для него было счастьем иметь рядом с собой о. Франциска Тампьера, который запрещал ему переутомляться и заставлял его отдыхать. У о. Евгения были проблемы с кровообращением, поэтому он вынужден был поехать в деревню на отдых. Там он был очень нетерпеливым, считал, что уже здоров и может возвратиться на обновление миссии в Гранс. Однако, острые боли в сердце были для него предостережением. Он был вынужден вернуться в деревню. В то же время, будучи человеком дела, о. Евгений не мог выносить безделья в деревне. Ведь его собратья были переутомлены, как он может отдыхать? Эта мысль доводила его почти до безумия. В последующие годы стало немного лучше. Когда, однако, в 1823 году он отправился со своими собратьями на миссию в Высокие Альпы в Талларде, сердце отказалось слушаться. Отец был вынужден отложить работу и уйти на отдых.

Он хорошо знал, что такое истощение. Предостерегал об этом своих молодых братьев, которые неосторожно бросались в водоворот работы. «Берегите себя, ради любви Бога! Берегите себя». Так наставлял, но особенно любил тех, кто не берег себя. В первых монашеских правилах записал такое предложение: «Пусть в вашей жизни осуществляется святое усердие, чтобы вы были готовы для любви Христа и спасения душ все пожертвовать Богу: ваше материальное имущество, ваши способности, удовольствия вашей жизни, больше – саму вашу жизнь».

С 1823 года почти ежегодно умирал один из миссионеров от истощения. Первой жертвой апостольского усердия был о. Иаков Журдан, умерший в Эксе в 1823 году. Следующим был о. Онорат, который умер в возрасте 30 лет, истощенный до такой степени, что кашлял кровью. В 1827 году смерть пришла в Марселе и к о. Мариусу Сюзанн. Ухудшилось здоровье и о. Дюпи. Во время торжества Успения Пресвятой Девы Марии заболел о. Марку. Когда о. Евгений присутствовал на понтификальной мессе своего дяди в соборе в Марселе, ему незаметно передали записку: «Отец Марку потерял сознание». Он немедленно оставил собор и направился в Экс, где уделил больному другу последние таинства. Каждый день о. Евгений приходил к умирающему, и начиная с 20 августа уже не покидал его кровати вплоть до смерти.

Ангел смерти унес следующую жертву в середине июля 1828 года. «Наш ангел, как истинный святой, испустил свой последний дух», - так писал о. Евгений о смерти о. Виктора Арну в 1828 году. Молодой 24-летний парень сумел очаровать все окружение своей кротостью и мягким характером. Располагала его простота. Когда о. Евгений узнал о его смерти, то не мог успокоиться и долго стоял на коленях в одиночестве перед дарохранительницей. Там он искал утешения своей

боли. Слишком много он потерял молодых сотрудников, слишком много отошло к Господу. «Из них можно было бы сформировать большую общину. У нас уже есть дом Миссионеров Прованса на небесах, живущих в доме Отца».

Зимой, в конце 1828 года, и в начале 1829 года о. Йосиф Гибер и о. Жанкар после очень утомительной миссии в Бург д'Уасан, возвращались в Марсель. Было очень холодно, и по дороге отец Жанкар вдруг потеряв сознание. Отец Гибер расстелил на снегу свой широкий плащ и положил на него истощенного о. Жанкара. Взяв по-братски его голову в свои руки, он молился к Небесной матери, пока о. Жанкар не пришел в сознание.

В 1829 году умер о. Мариус Сюзанн. Основатель Миссионеров Прованса был безутешен. Они очень хорошо понимали друг друга, были братскими душами. О. Сюзанн был прекрасным проповедником, ценным исповедником и духовным советником, а также талантливым организатором и любимым собратом. Несмотря на дружеские отношения, связывавшие Основателя и о. Сюзанна, о. Евгений де Мазенод освободил его от должности настоятеля, когда его община с пренебрежением отнеслась к исполнению монашеских правил. Чего это стоило о. Евгению, можно только догадываться. Но он был неумолим: «Когда речь идет о выполнении своих обязанностей, я ни на что не буду закрывать глаза». Он любил всех, но в отношении дисциплины оставался последовательным и неумолимым.

Может быть о. Евгений чувствовал, что о. Сюзанн умрет в молодом возрасте. В его письмах часто повторяется предложение: «Заботьтесь о его здоровье! Он не выносит холода, ухаживайте за ним... Читай проповеди, и следи, чтобы не было одышки, чтобы не перехватывало дыхание!... Ради Бога, заботься о себе! Я люблю тебя больше, чем самого себя. Не делай ничего, что могло бы сократить твою жизнь! Если я первый умру, умру только раз, но, если ты умрешь прежде меня, то мне придется умирать два раза!» Когда о. Сюзанн начал кашлять кровью, о. Евгений сразу же отправился к нему. Он горячо молился за него и всех призывал молиться о его выздоровлении. Благодать Божья дала ему примириться с тем, что происходило. Он примирился с волей Божьей. Это был самый важный плод его молитвы. Но все же отец не прекращал молиться о выздоровлении своего собрата и друга. Во время Святой Мессы он просил Бога: «Господи, тот, кого я любил, – болеет». О. Евгений радовался, когда появилось небольшое изменение к лучшему, небольшая надежда на выздоровление. Но болезнь вернулась с новой силой, и это уже полностью перечеркнуло всякие человеческие надежды. После посещения больного о. Евгений писал: «Я никогда так не переживал скорбей Пресвятой Девы Марии возле креста, как теперь, когда стоял у смертного ложа моего друга. Я умираю, наверное, сто раз в течение дня. Мою боль невозможно передать, она безмерна. Мое сердце разодрано болью, но через силу я говорю ему о милосердии Божьем. Все, что ему говорю, он принимает с подчинением. Однако, когда отойду от него, чувствую себя опустошенным и бессильным.... Переживаю постоянный страх, как Господь Иисус в Гефсиманском Саду». В середине ноября смерть казалась неизбежной. Борьба с ней продолжалась до 31 января 1829 года. Наконец, решительно вмешался о. Франциск Тампьер и заставил о. Евгения пойти отдохнуть, поспать хотя бы одну ночь. О. Сюзанн умер в 30-летнем возрасте.

Спустя три месяца после смерти о. Сюзанна о. Евгения настиг новый удар. Сильно заболел о. Иполит Куртес. О. Евгений сразу же отправился в Экс. О. Куртес почувствовал себя лучше, но в свою очередь сильно заболел о. Евгений. Череда болезней и смерть его ближайших сотрудников так потрясли его, что он потерял много сил. Забота о епархии, генеральным викарием которой он был, а также забота об Обществе Миссионеров Прованса, основателем и настоятелем которого он был, к сожалению, превосходили его силы. С момента смерти о. Сюзанна, о. Евгений чувствовал себя особенно истощенным. Повторялись надоедающие боли в сердце, были трудности с дыханием. Врачи ставили однозначный диагноз: полное истощение. Собратья искали помощи в сверхъестественной сфере и отправились в паломничество в Марсельский санктuariй Нотр Дам де ла Гард. У подножия пригорка они сняли обувь и шли босыми до вершины. Предполагалось, что 14 июля 1829 года о. Евгений умрет. Ему было уделено таинство больных. Прежде чем принять это таинство, он сделал то, что свидетельствовало о его верности монашеским правилам, а также свидетельствовало о заботе сохранения правил и со стороны миссионеров. Ночью прибыл в Экс молодой миссионер, обвиненный в том, что изменил монашеским правилам. О. Евгений созвал генеральный совет Общества, где был рассмотрен случай молодого миссионера. Совет признал его виновным по поставленному ему обвинению. Дрожащей рукой о. Евгений подписал декрет,

отпускающий этого миссионера из Конгрегации. Перед лицом смерти он знал, что оставаться верным монашеским правилам важнее, чем сохранить численность Конгрегации. Положение его здоровья хотя и стало улучшаться, но в 1836 году вернулись кровотечения. Спустя несколько месяцев уже не было никаких улучшений, и ему стоило больших усилий, чтобы произнести хоть несколько слов.

ОТЕЦ АЛЬБИНИ

Потеря и приобретение, скорбь и радость часто в жизни человека идут рядом. После личных потерь, ухода еще молодых миссионеров, последовали многочисленные и хорошие призвания. Одним из них был о. Карл Альбини, сегодня Слуга Божий, беатификация которого успешно продвигается. О. Евгений познакомился с ним в Ницце. Местный епископ, отец Колонна д'Истриа поручил о. Евгению в 1823 году душпастырскую заботу над узниками в своей епархии. Тогда ему очень помогал отец Альбини. Он преподавал моральную теологию в местной духовной семинарии. Отец Альбини был восхищен о. Евгением, его манерой обращения к священникам и вскоре вступил в Общество Миссионеров Прованса. В 1824 году он начал новициат. Будучи послушником, он уже был священником, и в его священническом служении уже тогда ему сопутствовали чудесные события. Одно из них произошло на Корсике.

Корсика, родина Наполеона, требует от своих жителей труда и пота, потому что земля там неподатливая, не дает легкий урожай. Борьба с природой формировала корсиканцев. Революция и правление Наполеона оставили на острове много неизгладимых следов. Распространился антиклерикализм, на острове не хватало священников. Епископ Касанель из Аяччо обратился к о. Евгению, генеральному викарию марсельской епархии, чтобы тот дал ему хотя бы трех Миссионеров Прованса в качестве преподавателей и форматоров, среди которых был и о. Альбини. Как раз было время каникул, о. Альбини воспользовался ими для проповедования приходских миссий. Эта была трудная работа, поскольку религиозное запущение корсиканцев было особенно глубоким. Первую приходскую миссию он провел в местечке Муата. Пришли верующие со всего округа, повсюду разлетелась весть о том, что набожный священник Карл Альбини проповедует учение. Его обязательно нужно послушать! Как всегда, миссия закончилась возведением миссийного креста. Тогда и произошло чудо, которое подтвердили несколько тысяч научных свидетельств. Рабочие старательно работали, чтобы поместить крест в предварительно выкопанную яму и воздвигнуть его. Внезапно, тяжелый крест вышел из-под контроля работающих и грозил раздавить их. Неожиданно вмешался о. Альбини, схватил крест и вознес его как перышко. Все присутствующие посчитали это чудом. Еще большее чудо совершилось в самих корсиканцах. Люди, враждовавшие многие поколения, обнимались со слезами на глазах, просили прощения и присягали друг другу в дружбе до смерти. По всей округе было слышно: «мир и прощение». Это был переворот на острове, где месть имела наибольшие права. О. Альбини умер в молодом возрасте. Усердный молодой священник слишком полагался на свои силы, отказывался от каникул и отдыха и закончил свою жизнь в раннем возрасте. Когда о. Евгений узнал о болезни о. Альбини, то пожертвовал Богу свою жизнь, чтобы Бог спас апостола Корсики. Однако, намерения Бога были другие. О. Альбини умер в мае 1739 года. О. Евгений писал тогда своему другу: «Богу было угодно призвать к вечности своих любимых, самых лучших, тех, кого Он признал созревшими для царства небесного».

Такие потери могли разочаровать человека, но могли также укрепить доверие к Богу, в надежде на то, что Бог не покинет своих слуг. В простой тетрадке о. Евгений писал: «Боже мой, я хочу молчать, покорно принимая Твою волю. Эту благодать я имею благодаря Тебе. Если бы я доверял только себе и человеческим меркам жизни, то я должен был бы во всем усомниться. Но я доверяю Тебе, да будет воля Твоя. Дай мне свет, чтобы понимать, что Твоя воля ведет меня прямо к той цели, которую я перед собой поставил. Дай мне силы, чтобы ничто не могло меня оттолкнуть от настойчивого стремления к Тебе. Ты призываешь работников в свой виноградник. Мы отвечаем на этот призыв и идем в этот виноградник. Каждый из нас хочет выполнить доверенное Тобой задание, в своей работе умножить данные нам таланты, ибо жатва предстоит великая. Просим Тебя о благословении наших намерений. Ты даешь нам его, и дело наше возрастает просто чудесным образом, но тут же следует удар, как если бы Ты лишал нас средств, необходимых для

осуществления нашей цели. Кто же может тогда достичь этой цели? Цель, как мы убеждены в этом, Ты нам наметил. Это и есть тайна нашей веры. Умоляю Тебя, Боже, сокрытый от нас в непостижимой тайне Святой Троицы, Единый в Троице, дарующий нам свою любовь в тайне Евхаристии. Если когда-то Ты считаешь меня препятствием для реализации Твоих предвечных планов спасения всех людей, тогда, прошу Тебя, удали это препятствие. Уже не первый раз повторяю Тебе, Боже, поступи со мной по Твоей святой воле».

V. ОТ МИССИОНЕРОВ ПРОВАНСА К ОБЛАТАМ НЕПОРОЧНОЙ МАРИИ

КОРОТКА ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА. ТО, ЧТО ОН ЧУВСТВУЕТ, ЧТО ЗАПЛАНИРОВАЛ СЕБЕ, ЧЕГО В СВОЕЙ ЖИЗНИ ДОСТИГ, ВСЕ ЭТО БУДЕТ ИМЕТЬ ПОСТОЯННУЮ ЦЕННОСТЬ ТОЛЬКО В ТОМ СЛУЧАЕ, ЕСЛИ ДРУГИЕ ЭТО ОДОБРЯТ И ДАЛЬШЕ БУДУТ РАЗВИВАТЬ. НАИЛУЧШИЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ЭТОГО СОЗДАЕТ ОБЩИНА.

Может ли быть цель, более возвышенная, чем цель их Института? Их Основатель - Иисус Христос, Сын самого Бога; их первые отцы – апостолы. Они призваны быть сотрудниками Спасителя, соискупителями человеческого рода, хотя, в настоящее время, принимая во внимание их чрезвычайную малочисленность, а также острые потребности окружающих их людей, они вынуждены пока умерить свой пыл в том, что касается помощи деревенской и городской бедноте. Тем не менее, их святое усердие и рвение должны достигнуть всех уголков земли.

(Евгений де Мазенот, Первые Правила Конгрегации Облатов 1818 г.)

Когда 25 января 1816 г. о. Евгений де Мазенот вместе с о. Франциском Тампьером начали свою жизнь в общине в старом Кармеле в Эксе, Евгений думал о немногочисленной группе соратников, священников, которым предстояло с проповедями исколесить чудесные окрестности Прованса и помочь его жителям вернуться к истокам веры во Христа, оживить их семейную и общественную жизнь в духе Евангелия. Он хотел иметь в распоряжении такие кадры, на которые мог бы рассчитывать, когда намеревался предложить им принять монашеские обеты. Но ему пришлось отказаться от этого, увидев, сколько трудностей встречают его намерения. Почти никто из работающих с ним священников не хотел серьезно связывать себя с Обществом посредством принятия монашеских обетов. Одним исключением был о. Франциск Тампьер. Он вместе с о. Евгением де Мазенотом в ночь со Страстного четверга на Страстную Пятницу в 1816 г. принял обеты взаимного послушания. Это действие носило исключительно личный характер и никак не отражалось на отношениях настоятель - подчиненный для остальных Миссионеров Прованса. В тот день Евгений де Мазенот еще не думал об основании монашеского общества. Эти мысли пришли к нему в 1817 г., когда он написал: «Как бы я хотел, чтобы наше малое стадо приняло традицию рвения старых орден и обществ».

МОНАСТЫРЬ ПРЕСВЯТОЙ ДЕВЫ ИЗ ЛО

Поворотным моментом в истории Общества Миссионеров Прованса стало письмо о. Ардода – генерального викария епархии в Динь, который от имени своего епископа пожертвовал Миссионерам самую большую часть марийного санктуария Нотр Дам де Ло во французских Альпах.

Основатель несколько раз перечитывал это письмо и не знал, что ответить. В нем писалось: «Я бы хотел, чтобы добро, которое Общество Миссионеров Прованса приносит в епархии Динь, могло распространяться и на соседние епархии».

Однако это означало отклонение от первоначальных целей Общества, называвшегося Обществом Миссионеров Прованса. Сначала Основатель думал о том, чтобы создать один монашеский дом в Провансе. Если бы теперь на правах епископа он открыл там новое представительство, Общество перестало бы быть епархиальной конгрегацией. В этом случае,

пришлось бы связать членов Общества более тесными узами, что означало бы преобразовать его в монашескую конгрегацию.

Решение было серьезным, чреватым последствиями, поскольку должно было изменить тогдашний характер Конгрегации: из епархиального, с правами епископа, оно стало бы общецерковным с правами папы. О. Евгений де Мазенод пригласил к себе всех членов Общества, зачитав им письмо генерального vicария епархии из Динь, и попросил высказать свое мнение. Дискуссия проходила в сердечной обстановке, открыто и по-братски. Все единогласно согласились на принятие известного марийного санктуария в Нотр-Дам-де-Ло. Их не смущала мысль, что можно переступить порог своей материнской епархии и пойти «на край света».

Эта идея охватила и молодых клириков, которые в Эксе готовились к принятию священства и ко вступлению в Общество Миссионеров Прованса. Всем коллективом постановили, что о. Евгений де Мазенод должен принять предложение генерального vicария и разработать проект Правил, призванных изменить условия работы.

ПРОЕКТ МОНАШЕСКИХ ПРАВИЛ

В конце сентября 1818 г. о. Евгений отправился, как когда-то Иисус из Назарета перед своей общественной деятельностью, в уединенное место, чтобы там разработать новые Правила. Для этого он выбрал замок Сен-Лоран-дю-Вердон во французских Альпах, где и написал за три недели первые Правила для своей Конгрегации.

Делал он это сам, не раз писал Правила, стоя на коленях. В то время в замке жила его мать, полноправная владелица замка, а также старая баронесса Регюс, которая помогала г-же де Мазенод на кухне и в уборке комнат. Там же с ними были клирик Сюзанн и дьякон Муро, готовившиеся к миссионерскому служению. Благодаря их присутствию, замок носил характер монашеского дома, где можно было в общине проводить литургию часов и тем самым сохранять монастырский режим, как в Эксе.

МОНАШЕСКАЯ ОБЩИНА НА ЕПАРХИАЛЬНЫХ ПРАВАХ

Во время ежегодных реколлекций в октябре 1818 г. о. Евгений де Мазенод каждый день читал и комментировал определенную часть своей рукописи. Когда он дошел до раздела «монашеские обеты», то заметил волнение, и даже протест своих миссионеров. В пользу принятия обетов высказались только о. Тампьер и клирик Муро, другие же были решительно против. Миссионеры говорили, что обеты навязывают им слишком институциональную форму, и что достаточно только присяги. После обсуждения Евгений уже был готов пойти на компромисс, он отказался от обета бедности, оставив обеты целомудрия, послушания и верности, полагая, что обеты должны обеспечить Конгрегации прочность и постоянство в выполнении своей миссии.

Что же должен был делать о. Евгений, когда 4 из 7 его собратьев высказались против принятия обетов? Он продолжительное время молился о свете Духа Святого. Потом он даже поинтересовался мнением новичиев, которые вскоре должны были стать полноправными членами Общества, стало быть, справедливо было знать их мнение. Оставшиеся трое ответили в пользу принятия обетов, что и изменило результаты голосования. За принятие обетов проголосовали 6 против 4, после чего было введено принятие обетов при разработке новых Правил. Еще во время реколлекций два миссионера присоединились к большинству, третий же, после долгих размышлений попросил о принятии обетов только на год. И к концу реколлекций против принятия обетов оставался только один о. Деблье.

1 ноября 1818 г. – 8 миссионеров Прованса принесли перед алтарем вечные обеты послушания, чистоты и верности в конгрегации. О. Деблье, не принеший обетов, также присутствовал в храме; собратья видели слезы на его глазах. Он не принес обетов, но и не был исключен из Конгрегации, даже напротив, во время первого генерального капитула он был выбран первым ассистентом, что свидетельствовало о глубоком уважении к нему, а также о его заслугах перед Обществом.

Понятно, что о. Евгений де Мазенод стал генеральным настоятелем новой Конгрегации. В своем дневнике он написал: «От моей верности Божьей благодати будет зависеть спасение многих

людей. Если я буду усердным, будет так же усердна и община, во главе которой я стою, и обширная территория, где мы провозглашаем слово Божие, от этого только выиграет. Если же я буду трусом, пострадает община и много других людей».

С этого момента миссионеры Прованса начали служение в монашеской конгрегации, общине, в которой были введены монашеские обеты. Викарий капитулы из Экса утвердил ее как епархиальную конгрегацию.

ОБЕТ БЕДНОСТИ

В 1820 г. отец Евгений де Мазенод передал новициат из Экса в подчинение Нотр Дам де Ло. Наставником послушников, его “alter ego”, стал о. Франциск Тампьер, который имел под своей опекой 5 новициев. Лучшего выбора о. Евгений не мог сделать. Опекун был строг как к самому себе, так и к послушникам. Он требовал аккуратной духовной формации. В то же время, верный монашеским правилам, о. Тампьер не был их рабом. Он пытался образумить своих новициев, хотел, чтобы они были свободными и по своему собственному выбору работали в винограднике Господа. Был он законником, но, между тем, мог различить то, в основе чего лежит воля Божья, и то, что может дополнить своим усердием человек. Он учил новициев видеть это различие.

Новиции считали, что обет бедности является интегральным элементом в монашеской жизни, его конституционным фактором. С этой инициативой о. Тампьер обратился к Основателю, чтобы включить данный обет в монашеские Правила. Предложение попало на заседание генерального Капитула, на котором в 1821 г. в Конгрегации был введен обет бедности. В сущности, миссионеры могли не приносить обета бедности, так как они все время жили в убожестве. Монастырь в Эксе был по-спартански убогим. Их столовая находилась в прихожей, где на двух бочках была перекинута доска, оставшаяся после строительных работ. «Печь в кухне так коптила, что все помещения монастыря: комната, прихожая и маленькая лестничная клетка были погружены в туман. И все же, несмотря на это, все съедалось с большим аппетитом, так как все попросту были голодными», - вспоминал позже марсельский епископ.

Почему до сих пор о. Евгений колебался предложить своим собратьям обет бедности? Дело в том, что Конгрегация была создана людьми, которые до сих пор жили бедно, но обладали какой-либо собственностью. Средневековый идеал требовал отказаться от всякой частной собственности. Разве этот идеал был еще актуален в XIX в., разве понимаемая таким образом нищета не будет грузом, способным разрушить только что созданную Конгрегацию? В средневековье монастырь был субъектом права, хозяином всего имущества. После революции как Церковь, так и ордена во Франции не имели правоспособности и, согласно действующим законам, хозяином могло быть только физическое лицо. Затем последовало изменение понятия бедности. Кто-то мог быть бедным в евангельском значении этого слова, и в то же время с точки зрения действующего государственного закона быть хозяином владений, являющихся собственностью Конгрегации: по этому поводу был достигнут «консенсус». Как совместить эти два названия собственности, моральное и юридическое, должен был решить Генеральный Капитул.

ОБЩИНА БРАТЬЕВ

Пока Общество Миссионеров Прованса становилось обществом епархиальных священников, о. Евгений де Мазенод не думал о братьях-монахах, которые не были священниками. Все изменилось в 1818 г., когда он писал Правила. Тогда у него не было никаких сомнений, что новая Конгрегация должна состоять не только из священников, но и из братьев-монахов. В замыслах Основателя облатская община или монастырь должен был состоять из 12 священников и 7 братьев. Так как в Обществе тогда еще не было братьев, эта часть Правил осталась только в замысле Основателя и не была еще описана. До сих пор еще не было кандидатов на братьев-монахов.

12 июля 1820 г. в калитку монастыря в Нотр Дам дю Ло постучался г-н Игнатий Витот, бывший солдат, который хотел стать братом-монахом в новой Конгрегации. Основатель обязал о. Тампьера, ответственного за новициат, дописать к Правилам раздел о братьях-монахах. Основатель считал, что формулировка была слишком сухой, он сам же потом дополнил их, чтобы братья могли

чувствовать себя полноправными членами Конгрегации. В 1821 г. этот раздел был представлен Генеральному Капитулу на утверждение.

Игнатий Витот не дошел до конца. Первым монашеским братом, который принял обеты и остался в конгрегации, был Жан Бернард Ферранд. С момента облачения в монашеское одеяние и до самой смерти он пребывал в монастыре в Эксе в качестве привратника, опекуна больных, а также ответственного за порядок в монашеском доме. В старости он заболел ревматизмом и уже не мог продолжать заниматься домашним хозяйством.

Призвания братьев-монахов во Франции были достаточно редки. Когда Основатель в 1825-26 гг. пребывал в Риме, по вопросам утверждения Правил для своей Конгрегации, то жил тогда в генеральном доме лазаристов, называемых миссионерами св. Викентия де Поль. Там он повстречал многих братьев-монахов, разговаривающих в основном по-немецки, и удивился их бурной деятельности. С большим сожалением он писал тогда своим собратям во Францию: «Почему у французов нет таких деятельных братьев-монахов как немцы?».

СОМНЕНИЯ

Много было трудностей как внешних, так и внутренних, повлиявших на то, что о. Евгений начал думать о поездке в Рим, чтобы там добиться папского утверждения монашеских Правил, и тем самым преобразовать епархиальную конгрегацию в конгрегацию на правах папы. Внутренним препятствием явилось назначение Фортюната де Мазенода, дяди Евгения, епископом марсельской епархии, которая в 1817 г. была восстановлена властями Парижа. О. Фортюнат вернулся из Палермо, где проводил время в изгнании, и в течение шести лет должен был ждать легализации марсельской епархии. Когда это произошло, враги семьи де Мазенодов начали борьбу. Они думали, что Фортюнат де Мазенод, 75-летний старец, не будет избран на должность епископа епархии после ее возрождения. Благодаря стараниям Евгения трудности были удалены, и о. Фортюнат де Мазенод 19 января 1823 г торжественно приступил в Марселе к новой должности, а о. Евгений де Мазенод и о. Франциск Тампьер были назначены генеральными vikarиями. Это назначение, хотя и оправдывало интересы Конгрегации, вызвало, однако, протест миссионеров: «Мы отказались от позиций наших материнских епархий, чтобы служить общему благу Конгрегации, а настоятели Конгрегации приняли высокие епархиальные должности». О. Евгений не принимал этой должности ради удовлетворения собственных амбиций, но для эффективной защиты от происков различных сотрудников Епископской Курии. Он постарался объяснить это своим собратям, и страсти поутихли. Почти одновременно последовали атаки на Конгрегацию со стороны епископов из Фрежью и из Экса. Возможно, епископы руководствовались разумными, хотя и очень недальновидными побуждениями, – они хотели вернуть священников обратно в свои епархии. Итак, епископ из Фрежью направил через своего генерального vikария уведомление, что никто не обязывает их приносить обеты, и требовал их возвращения. Так же поступил и епископ из Экса.

В такой неприятной, и даже трагичной ситуации для новой Конгрегации, проявилась зрелая духовность о. Евгения. В первую пятницу ноября он постился со своими миссионерами на хлебе и воде. Вечером после короткой эгзорты, уже погасив свет, о. Евгений бичевал себя до крови. Потом все должны были выйти из комнаты. О. Евгений лег на порог и велел всем, возвращаясь в зал, наступать на него. На следующий день он попросил аудиенции у епископа из Экса. Разговор проходил в хорошей атмосфере. Епископ просил о. Евгения, чтобы он продолжал начатое дело и чтобы забыл о неприятных недоразумениях с епископом. Он получил письмо от епископа из Фрежью, в котором особенно важным представляется такая фраза: «Я высоко ценю заслуги Миссионеров Прованса и не собираюсь ограничивать их работу».

Первые проблемы были преодолены, но о. Евгений не обольщался мыслью, что подобные сложности больше не повторятся, и, даже напротив, атаки могут быть еще более серьезными. Тогда он начал предпринимать меры, чтобы получить папское одобрение и тем самым не зависеть от епископов.

ПУТЕШЕСТВИЕ В РИМ

Эту же мысль выразили и собратья о. Евгения, на что он ответил: «Нет, об этом еще пока не может быть и речи. Это настолько дерзкое намерение, что как мы можем с ним обратиться к Апостольскому Престолу? Кто мы такие? Неизвестное и ничего не значащее маленькое стадо, нас всего 14 миссионеров и несколько новичков, только что вылупившихся из яйца. Разве это не высокомерие встать наравне со старыми заслуженными орденами?». Но собратья не уступали, ссылаясь на ту пользу, которую папское одобрение принесет Конгрегации. О. Евгений не дал себя убедить. Он не видел себя в роли основателя нового ордена, хотел быть одним из слуг Церкви, работником Господнего виноградника, больше оставаться в тени. Он не проявлял никаких желаний, чтобы поехать в Рим и просить Святейшего Отца об утверждении Правил Конгрегации. О. Евгений боялся, что неудача римской миссии окончательно потопит молодую Конгрегацию. В Риме он надеялся получить одобрение и поощрение для дальнейшей работы, но не утверждение Правил. Одобрения недостаточно, чтобы обезопасить себя от различных притязаний со стороны епископской курии. Если бы у него был в Риме кто-нибудь, кто мог бы за него заступиться! Кардиналы, которым он когда-то помогал в Париже, уже давно умерли, а те немногие, кто был еще жив, вряд ли помнят скромного клирика, который во время Французского Народного Синода в 1811 г. встал на сторону кардиналов, назначенных Папой.

Но все же Основатель изменил мнение, когда понял, что путешествие в Рим не только полезно для его Конгрегации, но и неизбежно для дальнейшего его существования. Он писал о. Тампьеру: «Собираюсь в путешествие из-за любви к Конгрегации, хотя и вопреки голосу сердца». Сестер из Экса и Марселя, которым он служил в качестве душпаستыря, о. Евгений просил о молитвенной поддержке. Капуцинки, кларистки, кармелитки и визитки, а также сестры св. Карла Боромео, обещали ему молитву. Обещали молитву и его миссионеры.

Последнее время о. Евгений проводил над тщательным изучением Правил, и последних к ним правок, чтобы экземпляр, который он хотел предложить Святейшему Отцу, не вызвал никаких замечаний. Эта работа заняла у него 3 месяца. Он выхлопотал рекомендательные письма у симпатизировавших ему епископов и 30 октября 1825 г. собрался в дорогу в Рим. О. Тампьер писал одному из братьев: «Он собрался ехать в Рим исключительно из желания помочь Конгрегации, принести жертву своей Конгрегации, чего никогда бы не сделал по собственной инициативе».

По дороге в Рим к о. Евгению вернулся его давний юмор и уверенность в себе. В своих письмах он, например, писал: «Я был сердечно принят настоятелем в Каннах, который после Св. Мессы в ризнице быстро попрощался с каким-то своим гостем, чтобы не опоздать на утренний кофе и угостить миссионера из Экса». Он описывал прекрасные виды Лазурного побережья, но у него были и некоторые трудности. Переехав границу и оказавшись в Италии, он почувствовал себя свободнее. На протяжении всего путешествия отец строго выполнял все монашеские упражнения. Все дни он вовремя служил Св. Мессу, и только в последний день ему это не удалось, поскольку вплоть до полудня он сохранял пост (после полудня уже нельзя было служить Св. Мессу).

26 ноября 1825 г. он прибыл в Рим: «Прекрасный Рим! Бессмертный Рим! Христианская Столица!» - повторял отец. За 5 месяцев своего пребывания в Риме он посетил его знаменитые церкви, великие базилики св. Петра, св. Павла за Стенами, св. Иоанна на Латеране и Санта Мария Маджиоре – самую прекрасную церковь в мире, которая всегда пробуждала в нем восторг. Когда в четвертый раз он вошёл в нее, то провел там целый час.

Но Рим для Евгения - это не только прекрасные храмы, но прежде всего личность Святейшего Отца, папы Льва XII (1822-1829), которого первый раз он увидел во время торжества канонизации. 20 декабря 1825 г. во время частной аудиенции он мог довольно долго беседовать с Папой. Папа с большим интересом слушал о работе, проводимой Миссионерами Прованса. В то же время деликатно он дал понять отцу Евгению, что новая монашеская конгрегация утверждается различными Конгрегациями Апостольского Престола, а для этого необходимо время на изучение и улаживание бесчисленных формальностей. В конце аудиенции он дал о. Евгению практические указания: «Секретарь Конгрегации по Делах Орденов в ближайшее время представит отчет о деятельности твоей Конгрегации. Потом я назначу кардинала, который изучит этот отчет. Он же представит свое мнение Конгрегации, члены Конгрегации обсудят его и проведут голосование. Не знаю, когда это произойдет, так как у нас много заявлений из Франции и мы должны соблюдать

правила рассмотрения документов. Я считаю, что для первого раза ты можешь довольствоваться тем, что твоя конгрегация достойна похвалы, но одобрения придется ждать долго».

О. Евгений не дал сбить себя с толку. Он заявил Папе, что надеется на папское одобрение, а не только на похвалу. «Святейший Отец, похвалы для меня недостаточно, это означает расформирование моей Конгрегации: ведь французские епископы узнают о том, что я поехал в Рим с целью просить Святейшего Отца об одобрении». В конце аудиенции о. Евгений еще спросил: «Согласится ли Ваше Святейшество, чтобы моя Конгрегация приняла название Облаты Непорочной Марии?» Папа в дипломатичной манере заверил отца Евгения, что примет во внимание его просьбу.

Отец Евгений оценил слова Папы как Божий знак и отправился к прелату Адинольфи подсекретаря Конгрегации по Делах Епископов и Монахов и представил ему рукопись Правил. Прелат учтиво принял его, но по делу формального утверждения Правил лишил его каких-либо иллюзий: «Уже сегодня вечером я прочитаю текст Правил, а к пятнице успею написать рапорт и в этот же день представлю его папе. Но откровенно предупреждаю ... я внесу предложение только о похвале Правил. Это обычный процесс делопроизводства в Апостольском Престоле».

Можем представить себе, как возгордился прелат Адинольфи, когда в пятницу Папа Лев XII сказал ему: «Эта Конгрегация мне очень нравится. Знаю, какую пользу она приносит....Желаю оказать ей свое расположение. Пусть отец прелат выберет из членов Конгрегации самого снисходительного кардинала и доверит ему отчет относительно предложения на ближайшем заседании Конгрегации. Пусть отец прелат посетит этого кардинала и от моего имени представит ему мое пожелание, чтобы эти Правила были не только одобрены, но и утверждены силой апостольского правления».

Прелат Адинольфи пригласил к себе о. Евгения де Мазенода и уведомил его о решении Папы. Это задание было поручено кардиналу Педичини на пленарной сессии Конгрегации. Кардинал был добродушным человеком. Он уведомил о. Евгения, что процедура оформления этого дела может, согласно правилам, значительно затянуться. Прошло несколько недель, время неуверенности и обоснованных опасений, время, проведенное в разных приемных и комнатах ожидания. О. Евгений оценил это время как время «особенного покаяния», которое дал ему Бог. К сожалению, тогда еще не было телефонов, и оформление дел нельзя было ускорить. Основатель писал из Рима: «Уверяю тебя, что в Риме можно больше устать, чем в Париже», - и с юмором добавил: «Я так разгорячился в этом жарком городе, что по возвращении нужно будет принять холодную ванну».

В начале 1826 г. странное письмо французского епископа из Гапа вызвало сомнения в дискуссии об утверждении Правил. Ранее он дал о. Евгению рекомендательное письмо. Теперь же он неожиданно заявил, что написал это заверение под давлением, опасаясь, что Миссионеры Прованса откажутся от дальнейшего служения в его епархии. Теперь он советовал Конгрегации не утверждать Правила Миссионеров Прованса. «Это подлая измена», - только и смог сказать о. Евгений. Епископ из Гапа был ярым приверженцем галликанства – о. Евгений был верным подданным Папы. Папское одобрение для французской конгрегации галликанскими епископами расценивалось как бесправное вмешательство в права французских епископов. Секретарь Конгрегации архиепископ Маркетти написал ответ епископу из Гапа, и это дало о. Евгению надежду, что после нервной недели дела снова урегулируются. 20 января о. Евгения ждала большая радость. Ему передали, что Святой Отец хочет сократить процедуру одобрения и вместо этого поручить это дело комиссии из восьми кардиналов. Кардинал Пакка должен был собрать в своей резиденции коллегий из трех кардиналов, которым в свою очередь предстояло еще раз изучить Правила и представить свое мнение Святому Отцу.

Папа решился на значительное сокращение обычных процедур. Можно было надеяться на быстрое окончание. Утром 15 февраля у кардинала Пакка собрались три римских кардинала. Это время о. Евгений провел в расположенной напротив церкви Санта Мария ин Кампителли и неустанно молился. Ему пообещали сообщить результат сразу после окончания заседания, но об этом забыли. Много часов о. Евгений провел в церкви и вышел оттуда только после 13.00. Тогда он и узнал, что все решено в его пользу. Конгрегация утвердила Правила его Конгрегации, но требовалось несколько поправок. Спустя 2 дня, 17 февраля 1826 г., Папа Лев XII утвердил решение кардиналов, утвердил новую монашескую конгрегацию, которую назвал «Миссионеры

Облаты Пресвятой и Непорочной Девы Марии». «Церковь дала нам это прекрасное имя», - писал впоследствии о. Евгений своим братьям, - «Мы принимаем его с уважением, любовью и признательностью. Мы гордимся этим названием, теми достоинствами и правами перед Божиим престолом, которые дает нам это имя. Доверяем опеке Непорочной Деве, которая все может выпросить для нас у Бога».

Написание бреве заняло больше времени, чем ожидал о. Евгений. 15 апреля 1826 г. он попрощался со Святейшим Отцом, принял благословение для себя и всей Конгрегации. Как истинный южанин, о. Евгений схватил руку Папы, поцеловал ее и прижал к своему лбу.

4 мая он выехал из Рима и уже через месяц добрался до Экса, где его с энтузиазмом приветствовали миссионеры.

ПРАВИЛА

11 июля 1826 г. в монашеском доме «Кальварии» в Марселе о. Евгений открыл заседание Генерального Капитула, где представил собравшимся Правила, утвержденные Папой. На Капитуле присутствовали 12 участников, которыми было принято решение составить благодарственное письмо Папе. Также было постановлено считать 17 февраля праздником для Конгрегации, так как в этот день Папа своим авторитетом утвердил монашеские Правила и поручил особую миссию в деле спасения всех людей.

Особенность облатской миссии, утвержденной Святым Отцом, которую о. Евгений старался объяснить и донести своим миссионерам, сформулирована в Правилах облатов. Как уже часто об этом говорилось, о. Евгений глубоко переживал по поводу пренебрежения священниками своими душпастырскими обязанностями во французской Церкви.

Он хотел оживить эту Церковь, реформировать её. Церковь для него была мистическим, продолжающим жить Телом Христа, а не только иерархией. Он говорил о Церкви всегда с большим уважением, называл ее своей «Матерью», «великолепным наследием Спасителя», «любимейшей Невестой Единородного Сына Божьего». Свое уважение к Церкви он выразил в предисловии к Правилам, где также искренне пожелал стремиться к обновлению и возрождению Церкви.

В силу св. таинства Крещения, каждый ученик Христа особенным образом принимает спасительное призвание, которое должен выполнить в Церкви и при помощи Церкви, призвание, берущее начало в природных способностях каждого человека. О. Евгений равно как от природы, так и по благодати был сотворен для того, чтобы стать апостолом Иисуса Христа. К его Конгрегации притягивались те, кто подобно Евгению, хотел быть апостолом в современном мире. Поэтому Правила отражают апостольский дух.

Что может побудить человека присоединиться к Конгрегации Облатов Непорочной? Он должен почувствовать в себе внутренние силы, склоняющие его к посвящению себя целиком делу спасения человеческих душ. Такой человек должен четко слышать голос Христа, призывающий его пойти за ним, для выполнения Его спасительной миссии, чтобы во все концы мира словом и делом провозглашать людям послание о спасении.

Чтобы работа миссионеров была истинно апостольской, во второй части своих правил о. Евгений дал им конкретные, практические советы по поводу того, как осуществлять облатскую спасительную миссию в мире. Например, то, что облаты должны избегать заурядности, эгоизма, механического бездушного провозглашения принятых призывов. Миссионер должен быть как по природе, так и по благодати совершенным, зрелым, постоянно обновляющим свое призвание. Его жизнь должна носить общинный характер: ни себя ни других он не сможет спасти без помощи своих монашеских братьев. В работе над своим освящением облат должен ценить молитву, особенно молитву созерцательную, в беседе с Богом наедине.

В третьей части Правил говорится об управлении и обязанностях в деле развития Конгрегации.

Правила облатов имеют универсальное значение, они показывают дорогу к совершенству, к освящению себя и мира. Папским одобрением эта дорога официально признана Церковью. Путь этот прост и доступен каждому. Чтобы спасти себя и мир, прежде всего, необходимо любить Иисуса Христа и во имя этой любви служить каждому ближнему.

VI. НА ПУТИ К ЕПИСКОПСТВУ

МНОГИЕ СТРЕМЯТСЯ ЗАНЯТЬ КАКУЮ-ТО ДОЛЖНОСТЬ, КТО-ТО УЖЕ ЗАНИМАЕТ ПОСТЫ, ДРУГИХ ЕЩЕ НУЖНО УГОВАРИВАТЬ И ВЗЫВАТЬ К ИХ ЧУВСТВУ ДОЛГА, ЧТОБЫ ОНИ ПРИНЯЛИ ВВЕРЕННУЮ ИМ ДОЛЖНОСТЬ И СЛУЖИЛИ ЦЕРКВИ

«Боже, приди ко мне с помощью, Господи, поспеши меня спасти... у меня скудное представление о том, какие новые обязанности возлагаются на меня в принятии поста епископа. У меня мало достоинств, а выполнение епископского служения требует, чтобы их было больше. Хоть я и слаб, но я доверился Тебе, Боже. Я нуждаюсь в Твоей помощи и знаю, что Ты меня не обманешь. Моя слабость унижает меня, боюсь, что я не следую за Тобой, не осуществляю Твоих намерений, что не смогу оправдать надежд Церкви. Я хотел бы быть с первого дня моего служения на посту епископа таким Твоим слугой, Господи, который Тебя не обманет. Вообще, я хочу успешно работать для освящения и спасения доверенного мне стада. Не хочу обмануть Тебя, Боже. Принимаю и желаю исполнить спасительную миссию, которую Ты мне доверил».

(Евгений де Мазенот, *Дневник*, вечером 15 мая 1837 года)

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ФРАНЦИЯ

После падения Наполеона французская Церковь пережила множество потрясений. Большинство французских католиков радовались возвращению Бурбонов на королевский трон, довольно наивно они приписывали монархии действенную силу для возрождения во Франции христианской жизни. Монархисты не замечали того, что большое число французов отошли от христианского идеала жизни, и даже хуже – миллионы французов не интересовались возрождением Церкви во Франции. Продолжалось это долго, и правящая верхушка поняла это далеко не сразу.

Поначалу все развивалось успешно. Король Людовик XVIII (1814-1824 гг.) позволил назвать себя «монархом всех христиан». Во время его правления были восстановлены привилегии, которые Церковь имела до революции. Были отменены разводы, утверждено верховенство церковного брака над гражданским, а князья, ранее связавшие себя гражданскими узами, лишались права на получение государственной пенсии. За грабеж церковного имущества наказывали пожизненной каторгой, а за воровство литургических сосудов и их осквернение наказывали так же, как и за покушение на короля; была введена цензура прессы. Но такие распоряжения могли иметь только одно последствие: углубить ненависть людей ко всему, что касалось Церкви. Государственная коллегия была рассадником антиклерикализма, антицерковного духа, в средствах массовой информации распространялось безнаказанное высмеивание всего, что имело связь с Богом. Это приводило к постоянным бунтам, и даже к революции учеников и студентов против законных властей. Такие же события проходили и в Марселе. Публично высмеивали и избивали тех учеников, кто по воскресеньям ходил на св. Мессу. Церковные песни высмеивались, а их переделанные богохульные варианты популяризовались.

Если проанализировать королевскую прессу тех лет, то можно легко убедиться в том, как стремительно углублялась пропасть, разделяющая католическо-королевское правление и либеральное антиклерикальное мещанство. Особенно ненавидели иезуитов и все католические монашеские конгрегации. Политические взгляды неумолимо склонялись к левым.

В октябре 1827 г. назрел открытый конфликт между правительством и либералами. Пал кабинет Йосифа Вилеля, вернувший контроль Церкви над школами, позволивший вернуться иезуитам, распустивший народную армию, а также назначивший компенсацию политическим эмигрантам. В 1828 г. либеральный союз с Жаном Батистом Гей де Мартиняком набрал большинство голосов в парламенте. Он всеми силами стремился к ослаблению влияния Церкви, к лишению её тогдашних привилегий. Было ограничено влияние Церкви на школы. Воспитание молодого поколения носило светский характер. И о. Евгений, и его дядя, епархиальный епископ Фортюнат де Мазенот, всей душой вовлеклись в борьбу за присутствие Церкви в школах. Церковь проиграла эту борьбу, но она была лишь прелюдией перед основной битвой. Июльская революция

1830 г. еще раз изменила облик Франции. Король Карл X отрекся от престола и бежал в Англию. Его наследник Луи Филипп I (1830-1848) в отношении к Церкви занял позицию далекой дистанции.

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ВИКАРИЙ И ЕПИСКОП – ПОМОЩНИК МАРСЕЛЯ

В это бурное время о. Евгений был генеральным викарием марсельской епархии, а в дальнейшем епископом - помощником. В 1824 г. вместе с о. Тампьером он переселился в Марсель.

Главной проблемой этой епархии была нехватка священников. Половина епархиальных священников были старше 60 лет. Чтобы открыть представительства там, где уже не было ни одного священника, епископ потребовал 50 неопресвитеров. Но в духовной семинарии не было ни одного клирика. Население города быстро росло. Не хватало церквей. Не было ни одного местного монастыря, а женские общины состояли из сестер в уже очень преклонном возрасте.

Евгений де Мазенод приступил к работе с особым усердием. Когда в 1830 г. только появилась надежда на улучшение, вспыхнула июльская революция. Правительство, вероятно, правильно предчувствовало, что среди духовенства, а именно в епископской курии, притаились сторонники Бурбонов. В 1831 г. правительство приняло решение после смерти епископа Фортюната де Мазенода распустить марсельскую епархию.

Когда епископ Фортюнат узнал об этом, то начал предпринимать усиленные действия, стремясь, чтобы его племянник Евгений скорее принял хиротонию и стал его наследником. О. Франциск Тампьер привез в Рим соответствующее письмо епископа Фортюната, который представил Папе Григорию XVI трагичную ситуацию марсельской епархии и попросил его о назначении епископа коадьютора. На эту должность он рекомендовал своего племянника Евгения как священника, преданного делу Церкви и знающего положение дел марсельской епархии.

Папа согласился на это предложение с условием, что де Мазенод отправится в Рим и там примет хиротонию, чтобы не дразнить правительство в Париже. 14 октября 1832 г., без ведома французского правительства, о. Евгений принял хиротонию в римской церкви св. Сильвестра.

КОНФЛИКТ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Со спокойной совестью епископ Евгений де Мазенод вернулся во Францию. Он был убежден в том, что находится в распоряжении Церкви, защищая ее свободу. Эта эйфория продолжалась недолго, вскоре он мог убедиться в том, сколько хлопот себе прибавил, настроив против себя не только региональную администрацию в Марселе, но и центральные власти в Париже.

Сначала его обвиняли в заговоре против властей короля Луи Филиппа, упрекая его в том, что он возглавлял собрание бунтовщиков, намеревавшихся свергнуть короля. Позже его фамилия была связана с покушением на комиссара полиции. И одно, и другое обвинение епископ смог легко устранить. Но тогда было выдвинуто обвинение, против которого отцу было сложно бороться. Он был обвинен в стремлении к должности епископа из-за жажды власти, вот почему, дескать, он и не оповестил французское правительство.

Завязалась живая переписка между Римом и Парижем. Посол Королевства Франции при Апостольском Престоле заявил, что его правительство «решительно отказывается» от епископского назначения, которое Папа дал Евгению де Мазеноду. Официальным (тоном, присущим итальянским дипломатам) образом, в соответствии с тем, как всегда поступали итальянские дипломаты, епископ Евгений был вызван в Вечный Город. Внешне спокойный, но внутренне разочарованный, он изложил Папе отчет о своей новой деятельности на посту епископа. Папа признал, что французское правительство использовало «случай де Мазенода» для ослабления Церкви во Франции. Без согласия правительства он был посвящен в епископы без права на наследство. Такой шаг был бы возможным только с согласия правительства.

Епископ Евгений много выстрадал, но узнал, в чем конкретно его упрекает Париж. В подтверждение этому он получил из Парижа уведомление, что он не может исполнять в Марселе никаких епископских функций, и что правительство не будет выплачивать ему пенсию епископа. А если он осмелится возвратиться в Марсель, то тут же при помощи полиции будет выдворен из

города. Епископ Евгений не принимал этого близко к сердцу. Несмотря на протесты дипломатов, Папа позволил ему вернуться во Францию.

ПОСЛУШЕН РИМУ И БЕЗЗАЩИТЕН ПЕРЕД ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

В Марселе епископ Евгений обратился в суд с заявлением относительно судопроизводства против властей, стремясь отстоять свои права марсельского епископа; обвинил правительство в опорочивании католического священника. В качестве защитников были взяты наилучшие адвокаты Франции. Было ясно, что с точки зрения закона он был невиновен. Началось постепенное антимазенодовское наступление французской дипломатии. Правительство давило на Папу, чтобы тот просил епископа Евгения отказаться от дальнейшего процесса и не допустить обострения ситуации во францужско-церковных отношениях. Процесс был почти выигран. Евгений всегда был верен Папе, неужели Папа оставил бы его? Он забыл о себе, сохранив верность Папе, и ответил: «Я всегда буду верен Папе, даже в том случае, если Папа решит меня уничтожить». Либералы согласились на прекращение процесса. Тем самым Рим как бы признал вину епископа Евгения. В соответствии с этим решением правительство лишило епископа гражданских прав, но с этим о. Евгений не смог смириться. Не дожидаясь согласия Папы, он выразил решительный протест и подал в суд на апелляцию. Тогда «Случай де Мазенода» вернули на рассмотрение. Спустя несколько недель, его вновь попытались вынудить отказаться от дальнейшего процесса и не просить о восстановлении гражданских прав.

Это решение огорчило епископа Евгения больше, чем первое. Письмо Римской Курии было сформулировано в бюрократичном тоне и сильно его расстроило. Он всегда был французским патриотом. По какой причине и по какому праву его лишили гражданства? Разве он мог спокойно это принять? Почему Папа оставил его, почему он потерял расположение Папы? Григорий XVI совершил не одну политическую ошибку, но епископ Евгений остался послушен ему. Он писал: «Папа обязал меня прервать процесс, я же со своей стороны принимаю его волю, чтобы не осложнять ему проведение его политики. Поэтому я отказываюсь от апелляции, и все, что случится, вверяю Богу. Да будет Его воля».

Позднее епископ Евгений узнал, что канцелярия Римской Курии неверно передала слова Папы в своем письме к епископу. Он принял это спокойно: «Я должен верить в то, что письмо Апостольского Престола выражает волю Папы. Этого мне достаточно, поэтому я должен отказаться от защиты своих прав». Напряжение между епископом и властями продолжало нарастать. Министр по делам религий относился к французскому епископу как к иностранцу, и в конце позволил ему пребывать во Франции». Но при условии, что, если он осмелится критиковать правительство, то будет безоговорочно выдворен из Франции.

ПРИМИРЕНИЕ С ПРАВИТЕЛЬСТВОМ

Епископ Евгений и в дальнейшем продолжал оставаться генеральным настоятелем облатов, а также марсельским генеральным викарием, поэтому рано или поздно его отношения с властями снова могли обостриться. Пытаясь смягчить их, подключился о. Йосиф Иполит Гиберт.

Он был любимым учеником Основателя, ректором духовной семинарии в Ажасио, а позже кардиналом-архиепископом Парижа. Во второй половине июля 1835 г. он гостил в Париже. По доверенности Основателя он пытался узнать в Париже мнение правительственных сфер о епископе Евгении.

Король принял 33-летнего о. Гиберта в присутствии нунция, посла Франции при Апостольском Престоле и нескольких министров. О. Гиберт был прирожденным дипломатом, тогда он смог прозондировать взгляды своих собеседников. Сложнее обстояло дело с Министром по делам религии Шмитцем, но и эта беседа закончилась для облата удачно. Министр настойчиво возвращался к одному: правительство может реабилитировать епископа Евгения с гарантией, что он не будет восставать против властей. Тогда отец Гиберт предложил следующее: правительство может легко убедиться в лояльности епископа Евгения, назначив его марсельским коадьютором с правом наследия, тогда епископ Евгений будет обязан принять присягу на верность Конституции.

У Министра Шмитца округлились глаза: «Это было бы для епископа Евгения незаслуженной наградой!» - «Нет, это было бы для него наказанием, поскольку епископ Евгений расценивает епископский чин как ношу, которая осложнит ему жизнь». - «Какое впечатление сложится от такого назначения, каким будет общественное мнение?» - «Впечатление сложится только одно – принятие присяги будет означать то, что епископ сделал шаг в направлении правительства, а не правительство сблизилось с епископом».

Собеседники дали выход своему красноречию. О. Гиберт говорил быстро, как южный француз, но без раздражения. Вежливая улыбка не сходила с его лица. Казалось, что он скорее представляет правительство, чем епископа Евгения де Мазенода. Министр перешел от упреков к заявлению и дал понять отцу, что правительство готово закрыть конфликт, но первый шаг должен сделать епископ.

О. Гиберт понял, что для епископа Евгения пришло время «обратиться в Париж с небольшим письмом, в котором он бы представил королю и в министерство по вопросам религии свое желание урегулировать всякие споры». Это была бы обычной формальностью, маленьким жестом доброй воли. Епископ, однако, понял это иначе. Решительным тоном он отказался от написания такого письма, хотя всем сердцем желал, чтобы наконец-то спор с властями был закончен. Евгений боялся, что облаты могут истолковать такой шаг с его стороны, как примирительный жест с той целью, чтобы любой ценой остаться наследником своего дяди Фортюната в марсельской столице. Он не желал такого епископства ради славы, но принял эту должность от Папы, чтобы во Франции отстаивать права Папы как суверенного главы Вселенской Церкви. Поэтому Евгений колебался: стоит ли ему делать первый шаг или не стоит.

О. Тампьер торопил епископа с написанием такого письма, но тот отказался. О. Тампьер начал терять терпение: «Желает ли Ваше Преосвященство выбраться из сложившейся ситуации или же хочет в ней настойчиво оставаться? Если ответите «нет», хорошо, Ваша воля, но тогда Вы должны принять все последствия этого. Должны однозначно запретить о. Гиберту выступать где-либо в Вашу защиту. Должны спокойно сносить любые оскорбления, с которыми Вы столкнетесь, принять все обвинения, которые были раньше, есть сегодня и еще будут завтра, это значит, что Вы не сможете защищаться. Но если, все же желаете выбраться из этой каши, должны хотя бы немного способствовать этому, хоть немного довериться своим друзьям, которые высоко ценят Вашу честь. Мы никогда ничего не предпринимали такого, что могло бы бросить тень на Вашу честь. Поверьте, что мы не предлагаем Вам ничего такого, за что Вас могли бы пристыдить». Слова о. Тампьера попали в десятку. Епископ Евгений уступил. Письмо, которое он написал, было настолько формальным, написано в таком холодном тоне, и каждое слово было настолько взвешенно, что министр не захотел его принимать.

О. Гиберт уговорил Основателя написать еще одно письмо, на что тот не хотел соглашаться и писал о. Тампьеру: «Не сердись на меня... но я смогу написать только то, что соответствует моим убеждениям... я не буду писать сладких слов, которые можно принять за правду, но которые не соответствуют действительности... я никогда не откажусь от своих убеждений». Но позднее он все же уступил своему духовному руководителю, о. Тампьеру, и написал новое письмо, которое понравилось властям Парижа.

Когда, наконец, дела решились, старый епископ Фортюнат де Мазенод доставил своему племяннику новые хлопоты. Ни с кем не посоветовавшись, он написал министру по вопросам религии письмо, что оповещает о своей отставке и объявляет племянника наследником, марсельским епископом.

Прошло несколько месяцев, и 7 апреля 1837 г. епископ Фортюнат получил от Министра по вопросам религии ответ, в котором подтверждалось принятие отставки старого епископа и назначение Евгения де Мазенода новым марсельским епископом. Исполненный радости, епископ Фортюнат побежал с этой новостью в комнату племянника. Известие застало епископа Евгения врасплох, привело его в замешательство, и даже задело. 15 мая Апостольская Столица подтвердила решение Парижа, а 24 декабря 1837 г. епископ Евгений был утвержден на пост епископа марсельской епархии. Епископ-сеньор умер в 1840 г. в возрасте 91 года.

РАЗМЫШЛЕНИЯ И ХЛОПОТЫ ПОСЛЕДОВАВШИЕ ЗА НАЗНАЧЕНИЕМ

В дневнике епископа Евгения читаем: «Adsum! Вот я! Стою перед Тобой как архипастырь епархии, в которой было не много святых. Хочу со всей отдачей посвятить себя епархии, как отец своим детям. Мое существование, моя жизнь, все мои силы должны служить им. Ни о чем другом нельзя мне думать, только об их добре. Всё, чего я должен опасаться это перестать заботиться о их спасении. Ни о чем не буду так заботиться, как об их нуждах. Хочу быть всегда в их распоряжении, отрекаюсь от своего желания спокойной жизни, от моих любимых занятий, от моих прежних привычек».

Глазами веры он видел все слои своих епархиан: Врагов Церкви и людей, которые считали себя просвещенными и издевались над религией, и тех христиан, кто не считал Евгения своим пастырем, и тех, кто в Церкви не видел для себя поддержки, и безработных, и молодежь, и стариков без средств к существованию, а также больных, о которых никто не заботится. Он был епископом для всех, таким он видел свое задание.

Как бы он хотел рассчитывать на своих священников! Будут ли они подчиняться его распоряжениям? То, что называлось душпастырством, становилось бездушной рутинной. Душпастыри желали себе, чтобы никто не нарушал их благого покоя и не вводил никаких новшеств. Епископ Евгений был неисправимым мечтателем, мечтал о подлинном апостольстве. Он близко к сердцу принимал проблемы и моральную нищету простого народа. Как миссионер он мог им помогать, но как епископ он должен будет много времени проводить за письменным столом, обремененный административными обязанностями, перестанет быть душпастырем. Отношения отца с людьми не были поверхностными. Теперь же находясь с визитом в приходе, с целью совершения таинства миропомазания и желая начать там душпастырскую деятельность, он понимал, что люди могут ждать от него только одного, чтобы он вернулся в свою резиденцию в Марселе. Что входило в его обязанности? Он должен был представлять Церковь в своем в своей провинции, встречаться с политиками, участвовать в конференциях, устраивать аудиенции, напоминать нерадивым душпастырям об их обязанностях и призывать их к истинному усердию; укомплектовывать опустошенные приходы; воодушевлять простых верных; вводить в епархии монашеские общины; заботиться о призваниях ко священству, построить новый собор и улаживать еще очень много других вопросов.

Все эти заботы нашли своё выражение в ежедневных молитвах. В дневнике можно прочесть такую запись: «Боже, прибудь ко мне с помощью. Господи, поспеши спасти меня. Только Ты сможешь меня укрепить. Только Ты сможешь разжечь мою веру, мою любовь. Только тогда, когда в моей душе зажжется Твоя любовь, я смогу приступить к своему служению, служить тем, к кому Ты меня послал. Пока я имею слабое представление о своих обязанностях и планах, которые ждут меня на должности епископа. Я осознаю, что мои добродетели - это мои недостатки, и многими качествами я вообще не владею. Однако, я приступаю к своему делу, доверяя Тебе, уповаю на Тебя и знаю, что Ты не откажешь в помощи тем, кто в ней нуждается. Если бы я доверял себе, своей слабости, то я не мог бы удовлетворить ожиданий Церкви и выполнить Твои планы спасения мира. С первого дня я хотел бы быть хорошим епископом и успешно работать над спасением доверенного мне стада. В этом служении я хотел бы стать достойным Твоего призвания».

Он просил Святого Духа помочь ему услышать Его вдохновения, а то, что услышит, реализовать с Божьей помощью. Просил о смелости в принятии соответствующего решения. Просил помочь быть верным своей епархии и отвести от нее все угрожающие ей несчастья. «Если бы я показал свои страхи людям и руководствовался бы только человеческими чувствами, то изменил бы своему призванию к епископскому служению. Мне не следует искать покоя ценой пренебрежения своими обязанностями. Я должен решительно и последовательно выступать против всяких проявлений эгоизма, желаний, личных интересов. Я буду беспощадно и последовательно выступать против любых проявлений эгоизма, личных интересов, против нехватки требуемой нам усердности, против всякой рутины в религиозной жизни, против угодничества некоторых священников. Я посещу все приходы в епархии и буду заботиться о них должным образом. Знаю, что такое епископское служение встретит препятствия на своем пути. Не буду придерживаться принципа железной метлы, поскольку знаю, что достигну большего кротостью и снисходительностью. Но все в епархии должны понять, что я этой епархией управляю и несу за нее

ответственность перед Богом, поэтому я должен усиливать полезное и устранять все, что идет во зло. Отсутствие руководства может даже сильнее разрушить епархию, чем какие-то враги».

По опыту отец знал, что реформы никогда не встречали всеобщего одобрения. Поэтому он особенно ценил слова св. Тома Аквинского: «Если кто-то принимает решение, слушая только людей, то никогда не добьется истинного добра». До сих пор жизнь подтверждала, что ни лесть, ни осуждение или несправедливые обвинения не способны сбить отца с пути, который он расценивал как единственно верный.

VII. ЕПИСКОП

ЕСТЬ РИСК, ЧТО ЗАНИМАЮЩИЕ ВЫСОКИЕ ПОСТЫ ЛЮДИ МОГУТ СЧИТАТЬ СВОЁ ВЫСОКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОЙ ЗАСЛУГОЙ. ЧЕЛОВЕКА МОЖНО НАЗВАТЬ НАСТОЯЩИМ, А ЕПИСКОПА – ДОБРЫМ ПАСТЫРЕМ ТОГДА, КОГДА ПОСТ, ДОВЕРЕННЫЙ ЕМУ, ОН ПРИНИМАЕТ КАК СЛУЖЕНИЕ.

«Мне достаточно двух яиц или омлета... Пусть на столе не будет ничего изысканного, дорогого. Мне нравится все, что просто».

(Распоряжение епископа Евгения де Мазенода, относящееся к приходской визитации)

НОВЫЙ ОБРАЗ ПАПСТВА

По мере того, как с 1789 г. во Франции углублялся разрыв между революционным правлением и церковной иерархией, Папа начал выступать в защиту тех епископов, кто отказался присягать на верность Конституции. Наполеон интуитивно почувствовал усиление морального авторитета Папы, и потому предпочел вести переговоры с Папой, а не с французским епископатом. Совершенно ясно, что Наполеон не хотел усиления авторитета папства, ведь он сделал Папу Пия VII своим узником в Фонтенебло. Наполеон был прагматиком, но, несмотря на его намерения, политика по отношению к Церкви еще больше усилила связь французских католиков с «Отцом» в Риме. Ультрамонтанизм оставался доминирующим духовным течением и вытеснил на второй план галликанство, идею независимой французской народной Церкви. Усиление значения папства получило наибольшее выражение в учении Первого Ватиканского Собора, который в 1870 г. провозгласил догмат о непогрешимости Папы, когда тот “ex cathedra” провозглашает учение в области веры и морали. Эта наука обязывает всех католиков во всем мире следовать голосу совести.

Укрепление папства – лишь одна сторона медали перемен в Европе в середине XIX в. Другая сторона медали - это углубляющееся расхождение между Католической Церковью и тем, что мы называем «духом времени». Революция провозглашала лозунги о правах человека и его достоинстве, хотя именно эта революция нанесла существенные раны этим никогда не оспариваемым Церковью правам.

КОНГРЕГАЦИЯ ОБЛАТОВ И МАРСЕЛЬСКОЕ ЕПИСКОПСТВО

Основатель Облатов, епископ Евгений де Мазенод торжественно вошел в старый кафедральный собор и епископский дворец в Марселе. Это был поворотный момент для облатов. До сих пор Основатель являлся для них конкретным живым примером сохранения Правил Конгрегации. Теперь же он стал скорее моральным авторитетом для них. Уже много говорилось о мазенодовской духовности и меньше о мазенодовской жизни. Не было сомнения, что Основатель принадлежит к числу святых. Его личность излучала огромную силу и влияла на все области облатской общины. Для епархии период епископства де Мазенода был временем полного расцвета, а для облатов епископский дворец являлся символическим «окном в мир».

ЭПИДЕМИЯ ХОЛЕРЫ В 1837 Г.

В 1837 году, начиная с 15 мая, когда Рим подтвердил правительственное назначение Евгения де Мазенода на пост марсельского епископа, и до 24 декабря, дня вступления епископа в должность, по Марселю прокатилась эпидемия холеры.

Первые случаи заболевания холеры были замечены в Марселе в 1835 г. Облаты из монастыря на Кальварии, в частности, о. Евгений де Мазенод, день и ночь проводили с больными. О. Оберт, настоятель в Эксе, опасаясь за его здоровье, просил о. Евгения уехать из Марселя. Ответ о. Евгения был решительным: «Мое место здесь. Ты, вероятно, понимаешь, что от меня ждут примера отваги, я не могу оказаться трусом». При Марсельском соборе была установлена статуя Нотр-Дам-де-ла-Гард из мариинского санктуария. Она возвышалась на холме над марсельским портом, и к ней неустанно приходили люди как паломники к своей Матери. В конце года эпидемия холеры, казалось, утихла, и жители города облегченно вздохнули. Но в 1837 г. Болезнь вернулась, смерть безжалостно свирепствовала. Каждый день умирало около ста человек. Последовал паническое массовое бегство. Но куда бежать бедным? Несмотря на угрожающую опасность, Евгений де Мазенод отдал распоряжение своим облатам оставаться на месте со своим стадом. Жертвой эпидемии стал верный слуга в епископском дворце Дофен. Епископ Евгений очень высоко ценил его. «Кроме моей семьи и моих братьев-монахов я больше всего любил Дофена, которому я глубоко признателен. Он любил меня как собственного отца». Епископ часто посещал больного, пожимал ему руки, вытирал пот с его лица и старался утешить его добрым словом, говорил, что Бог всегда рядом с ним и никогда его не оставит. Дофен исповедовался и принял последнее напутствие из рук епископа. О. Евгений использовал каждую возможность, которая могла бы исцелить его слугу. Он даже принял одного терапевта, как бы мы сегодня его назвали, (а что, тогда терапевтов не было? Точно ли речь идет о терапевте?), но его лечение оказалось безуспешным. На следующий день рано утром больной умер.

Смерть глубоко тронула епископа Евгения. В его Дневнике в конце долгих размышлений читаем: «Мне было не легко примириться со смертью моего верного слуги». Епископ был обычным человеком, проявлял свои чувства, хотя в ту эпоху считалось неуместным, чтобы епископ был излишне чувствительным. В его Дневнике читаем: «Записи эти предназначены только для меня. Если же кто-то прочитает их, то пусть не думает, что мои чувства можно расценивать как признаки моей слабости. Я могу многое вынести, но я не стыжусь своих слез над гробом того, кто был мне близок, кого я любил. Не понимаю тех теологов, кто отделяет любовь Бога от любви к ближнему. Не понимаю также, почему нужно скрывать свои чувства, и то, что сердечные проявления мы должны преграждать разумом и так подавлять в себе все чувства, подобно тому, чему учит стоицизм. Такая позиция противоречит тому, чему учил Иисус и чему сам был примером. Примером этому был и св. Петр, а также учил этому в своем Евангелии св. Иоанн. Мы любим Бога, потому что Он бесконечно совершенен, и это хорошо, но любим Его также, потому что Он нас по-человечески возлюбил... Это слова Иисуса: «Кто не любит, не знает Бога, потому что Бог есть любовь». Любовь Бога не абстрактна, она конкретна и направлена на конкретного человека. Мы должны так любить, как Бог любит; подобно тому, как Бог всех людей охватил своим сердцем; в противном случае мы не любим Бога. Апостол передал: «Разве тот, кто не любит своего брата, которого видит, может любить Бога, которого не видит?» Эти две любви нельзя разделять. Кто любит Бога, должен и своего ближнего любить. Читаем письма св. Иоанна. Вслушиваемся в биение сердца св. Петра. Нужно познавать любовь, берущую начало в Сердце Иисуса. Тогда сложнее будет говорить о любви абстрактной, любви, которая не показывает ближнему своей привязанности, своих чувств».

В своем Дневнике Евгений де Мазенод записал все, что его волновало, что занимало его мысли. Дневник служил ему для самоочищения. Внешне он создавал впечатление человека твердого, непоколебимого, принципиального, руководствующего в жизни исключительно предписаниями. Дневник же представляет нам другого Евгения, подобного любящей матери, деликатного, преданного своим друзьям. Всю свою жизнь он был озабочен судьбами бедных и обездоленных, старался их понять, разделял их заботы, хотел лечить их раны. Несмотря на большую занятость, он всегда находил для них время.

В сентябре 1837 г. народ Марселя мог немного передохнуть, эпидемия уже не собирала такого обильного урожая. Епископ также мог передохнуть и, наконец, приступить к своим епископским делам. В последствии еще дважды ему придется бороться с холерой, в 1849 и 1854 годах. Бог сохранит ему жизнь. «Я не боюсь. В своем образе жизни я ничего не поменял в отличие от людей, которые боятся умереть от одного съеденного яйца или одной фасолины».

ВНЕШНЕЕ РАЗВИТИЕ ЕПАРХИИ

Евгения де Мазенода справедливо называют «новым основателем марсельской Церкви». Развитие этого важного для Франции портового города было особенно интенсивным в 1830 г., когда французские войска захватили Алжир. Уже в римские времена Марсель был торговым центром и важным центром рукоделия, а теперь стал промышленным городом, где преобладал судостроительный промысел. Численность населения выросла с 118 тысяч в 1842 г. до 350 тыс. в 1860 г. Как грибы после дождя выростали новые жилые районы. И у администрации города, и у епископа появились новые проблемы.

Было необходимо строить новые храмы. За период служения епископа Евгения образовались 22 прихода, были построены 26 приходские храмы, неисчислимое число часовен и другие приходские дома. Появилась потребность в строительстве нового, более значительного собора. Чтобы найти соответствующие финансовые средства, епископ Евгений должен был написать множество писем. Когда Луи Наполеон в 1852 г. нанес официальный визит в Марсель, епископ объяснял ему, что вынужден принимать его в старой, уже разваливающейся церкви и добавил: «Вид этих разваливающихся стен лучше всего скажет Вашему Королевскому величеству о горячих желаниях католиков этого города». Луи Наполеон в декабре 1852 г. был уже кесарем Наполеоном III, - он понял намерение епископа. И в тот же день был заложен краеугольный камень под строительство нового собора, а Луи Наполеон выделил государственный кредит в размере двух с половиной миллионов франков. Кредитор выделил для строительства участок рядом со старым собором возле старого порта. Епископ хотел бы видеть новый собор в центре города - там, где кипела жизнь.

Другим строительным предприятием стала реставрация санктуария Нотр Дам де ла Гард. Епископ написал множество писем с просьбой о помощи, имел множество встреч, устраивал лотереи, и, наконец, довел строительство до счастливого конца. С тех пор Церковь величествует над городом и портом, а присланная статуя Божьей Матери издалика приветствует всех прибывающих в город.

Епископ строил не только храмы, но и школы, пансионаты, дома для собраний, коллегии, а также духовную семинарию.

ВНУТРЕННЕЕ РАЗВИТИЕ ЕПАРХИИ

Строительство новых храмов создает много проблем, но легче уложить мертвый камень, чем соорудить духовный храм Святого Духа. Когда, однако, здание из камня почти готово, когда плотники и каменщики, кровельщики и инженеры сделали свое дело, тогда приходит время для строительства духовной святыни. И для того, чтобы это сделать, необходимо множество работников. Главными соратниками епископа - это священники. Но для того, чтобы они были, нужно основать духовную семинарию и позаботиться как о духовной, так и об интеллектуальной формации священников.

Епископ Евгений требовал от своих священников в равной степени, как набожности, так и хороших знаний теологии. Когда кто-то из них заболел, епископ Евгений особенно опекал его. Он глубоко переживал смерть каждого своего священника. Подтверждение этому видим в его записях в Дневнике. «Мы потеряли Божьего мужа, святого священника, бывшего примером для всех», - так отметил епископ смерть о. Флаоля. «Он был для меня верным другом, я уважал его и любил... Он заслужил того, чтобы обращение к нему вошло в литанию ко всем святым. Я лично веряю ему в молитве как мои личные нужды, так и нужды епархии».

Были, к сожалению, и священники, которые доставляли епископу большие хлопоты. Из-за нехватки священников епископ Фортюнат принимал каждого, кто просился в семинарию, и среди

них часто попадались и такие, от которых раньше избавились другие епископы. В основном это были беженцы, священники, которые вмешивались в дела политики в Испании, в Италии, на Корсике, в общем, плохо знавшие французский язык, говорившие на так называемом «ломаном языке». Епископа Евгения такое состояние дел глубоко беспокоило.

Каждый год он писал священникам письмо, в котором отражалась его пастырская забота о епархии. Из этих писем мы можем узнать о злоупотреблениях в епархии. Епископ запрещал своим священникам во время проведения литургии носить масонские знамена. Настоятелям он напоминал об обязанности читать проповеди во все воскресные дни и праздники. Клеймил тех священников, кто слишком быстро правил Св. Мессу: по мнению епископа, она должна занимать минимум 20 минут. В Правилах облатов читаем, что Евхаристия должна продолжаться в тишине 30 минут. Епископ настаивал на том, чтобы епархиальные священники не жили отдельно, а по мере возможности создавали общины, в которых помогали бы друг другу. Священники, которые по своему усмотрению изменяли нормы проведения литургии либо предписания сакраментальных ритуалов, подвергались суровому порицанию своего епископа.

Если дело касалось чего-то серьезного, то и реакция епископа была суровой. По отношению к тем, кто пренебрегал замечаниями, епископ использовал санкции, соответствующие церковному праву. «При больших злоупотреблениях могут быть применены суровые санкции. Наказание касалось тех, кто пренебрегал замечаниями». В таком духе поступал епископ. В одном письме он вспоминает, что только за одну неделю он освободил от обязанностей пятерых священников. «Бывает, что мягкие порицания не действуют, тогда для пользы верных и во имя ответственности за их спасение могут быть применены более строгие меры».

Епископ просил своих собратьев, священников-монахов, чтобы служением, будь то у амвона или в исповедальне, они помогали епархиальным священникам. Епископ, бывший миссионер Прованса, имел богатый опыт того, как обычное душпастырство епархиального священника может быть и должно быть дополнено и обогащено через обычные душпастырские обязанности священника-монаха. Епископ стремился к сотрудничеству с монашескими орденами. Когда в его епархии поселились иезуиты, он писал: « Это самый прекрасный день в моей жизни». Он радовался сотрудничеству с каждым орденом, особенную радость приносило ему сотрудничество со старыми и заслуженными орденами. «Я буду всегда поддерживать созерцательные ордена». За период его епископского служения в качестве основателя новой Конгрегации в городе были основаны 7 мужских и 28 женских монашеских конгрегаций. От всего сердца он приветствовал все монашеские общины, желавшие способствовать строительству духовной святыни Святого Духа. Разные были способы задействия этих общин в епархии, не ко всем обращался епископ, но принимал любые другие инициативы. Епископ доверял Божьему Провидению и ждал, какие конгрегации оправдают себя, а какие нет.

ВМЕСТЕ СО СВОИМ НАРОДОМ

Епископ Евгений никогда не путешествовал только для развлечения. Однако, часто он выбирался в путешествие, чтобы посмотреть на религиозную жизнь в своей епархии. Он посещал настоятелей и викариев, наносил визиты в госпитали и монастыри, принимал участие в торжествах по завершению приходских миссий, участвовал в паломничествах в марийные санктуарии. Часто он читал проповеди, не раз импровизировал, если проповедь была не предусмотрена, охотно использовал провансальский язык. Его речь всегда была ясна, всегда было понятно, о чем идет речь. Его причисляли к основным французским проповедникам той эпохи. Он был подлинным епископом, не чиновником, исполняющим свою должность, не бюрократором, не администратором, оторванным от людских судеб. Даже будучи в преклонном возрасте, он ходил по городу пешком, часто никем неузнаваемый. Задерживался с людьми, чтобы узнать, о чем они думают. Не боялся ходить в районы нищих Ла Съота, охотно разговаривал с портовыми работниками. Впоследствии он писал: «Этот день был для меня очень мучительным. Я встретил не нескольких бедных, а целые реки бедных людей, реки, грозящие выйти из берегов. Как им помочь? Дать им только денег? Им нужно больше, чем у меня есть. И этими крохами ничего не изменить в их судьбе. Как изменить их судьбу?» Эти слова он записал в Дневнике 5 сентября 1838 г., когда помог трем беднякам. Запись

оканчивается словами: «Как после всего того, что я сегодня видел, я могу сесть за стол и принимать пищу?»».

ВИЗИТЫ, ВИЗИТЫ

С самого начала епископского служения дом епископа был открытым домом. Двери его дворца оставались всегда открытыми для всех тех, кто искал помощи. Каждый имел к нему свободный доступ. Четыре часа в день епископ был в их распоряжении. Марсель считался важным коммуникационным центром и основным портом Франции, поэтому дом епископа почти каждый день принимал апостольских викариев и миссионеров со всех континентов. Не один вечер он проводил с такими гостями, и поэтому был хорошо осведомлен о миссионных проблемах. В письме к папе Пию IX в 1851 г. узнаем, что за 8 недель епископ Евгений принял 14 епископов, одного нунция и одного кардинала. Дом епископа стал своего рода гостиницей для миссионеров и был местом, где они делились опытом.

Его дом и его сердце были открыты для всех. Изгнанные из Испании священники нашли у него убежище, и иезуиты, депортированные из бывшего Церковного Государства, нашли у него приют.

Каждый понедельник епископ пребывал в своей личной часовне, где проводил Таинство Миропомазания. Еще в 1845 г. он уделял это Таинство 20 взрослым из всех социальных слоев. В дневнике он писал: «Сегодня совершали Таинство Миропомазания отцу и его 25-летнему сыну». В другой раз отметил, что к нему приблизился калека, передвигавшийся на руках и коленях, и просил о Таинстве Миропомазания. Миропомазание было плодом усердной работы душпастырей. Но это была капля в море. Душпастырская работа походила на работу в карьерах.

АГРЕССИВНАЯ ПРЕССА

Епископ Евгений особенно эмоционально относился к социальным проблемам своей эпохи и имел свою позицию по отношению к ним. В 1842 г. в Испании вспыхнула революция. Ее сторонники стремились к отделению от Рима и установлению народной Церкви. Парижское правительство тайно поддерживало революционеров. Парижский архиепископ старался защитить права Апостольского Престола. Епископ Евгений также последовал его примеру, но его епископское слово не раз имело более радикальный тон, чем слово из Парижа. Он успешно выступал против аргументов революционеров. Епископ Йосиф Иполит Гиберт ОМІ назвал пастырское послание епископа Евгения «шедевром логики и ораторского искусства». Кардинал Пакка из Рима поблагодарил епископа Евгения за эти слова. По его мнению, нельзя устоять перед аргументами этого епископа, подрывающими тезисы испанских схизматиков.

Острое перо епископ Евгений применил и в защиту католических школ. Он всегда выступал против, когда правительство хотело изменить существующее положение дел не в пользу Церкви. Он не обращался с письмами к разным министрам, но всегда писал пастырские письма к своим епархианам и просил по воскресеньям читать их от амвона. Особенно строгим был тон пастырского письма, когда в 1838 году правительство отказало выпускникам епископской гимназии в выдаче аттестатов зрелости. Его пастырское письмо на Великий Пост до такой степени разозлило правительство, что оно было вынуждено пойти в контрнаступление. Правительство хотело, чтобы епископ предстал перед судом, потому что он не представил письмо государственным властям для одобрения. Епископ последовательно защищался: нельзя ни у кого отбирать свободу слова.

В 1844 году епископ Евгений снова протестовал против решений правительства, которое пыталось ограничить Церковь в ее правах и хотело корректировать ее программу обучения. В то время епископ написал «Мемориал к королю», который был с одобрением принят по всей стране. Фронт антиклерикалов называл автора Мемориала «неразумным фанатиком».

В 1845 г. в новом пастырском письме епископ выступил не только в защиту свободы обучения, но и начал решительную полемику с теми журналистами и политиками, кто запрещал Церкви свободно выражать свое мнение в средствах массовой информации. По мнению епископа, религия - это не частное дело, исключенное из общественной жизни. Католик имеет все

гражданские права, а также право на общественное выражение своих взглядов. Особенно епископ взял под свою защиту иезуитов, которых ненавидели в либеральной Франции.

Пресса, вражески настроенная по отношению к Церкви, не могла простить епископу Евгению его выступления, постоянно атаковала его остро “per fas et nefas” (Дозволенными и запретными средствами), приписывала ему высказывания, которых он никогда не говорил. Епископ не боялся этих журналистов, и даже указывал им на их ложь, тем самым ослабляя силу воздействия антицерковной прессы на общество. Он никогда не позволял себя запугивать. Как епископ, он всегда чувствовал обязанность защищать Церковь, независимо от того, гарантируют ли ему успех одни политические группировки или другие лишают его чести. В этом можно с легкостью убедиться, если хотя бы бегло просмотреть огромное количество пастырских писем, а также текстов его проповедей. Безошибочно он истолковывал знаки времени; ни одна важная проблема не проходила незамеченной епископом. Если даже кто-то и не разделял с ним его взглядов, то ни в коем случае нельзя было обвинить епископа в том, что он трусливо молчал, когда следовало громко говорить.

ДУШПАСТЫРЬ С ВЕЛИКИМ СЕРДЦЕМ

Епископ Евгений отважно боролся за права Церкви. Для него не существовало трудностей. Но когда речь шла о человеке, он поступал иначе, был мягким и уступчивым. Вот пример этой черты его характера.

В тюрьме в Гапе сидел один преступник, приговоренный к смертной казни на эшафоте, и ждал исполнения приговора. Священнику Лаже, ректору духовной семинарии, удалось примирить его с Богом и людьми. Приговоренный хотел принять Св. Причастие, но о. Лаже не отважился на это, боясь своих сотрудников в семинарии, ярых янсенистов. Ни в коем случае нельзя было подавать Тело Христа преступнику! Епископ Евгений в то время был в Гапе и узнал об этом от о. Лаже. Этот случай глубоко потряс епископа. Ведь такое отношение к человеку противоречит учению Христа. Иисус Христос в Евангелии учил иному. Евгений тогда сказал: «Я претворю в жизнь учение Христа, пусть мой поступок будет примером для других». На следующий день он отправился в тюрьму и отслужил там Св. Евхаристию, в которой также принимал участие и приговоренный. С преступника сняли часть наручников, но часть цепей была на нём, и это обращало на него внимание других присутствующих. Епископ Евгений подошел к нему и уделил ему Святое Причастие. Потом он писал: «Это был самый важный день в жизни приговоренного, его большой праздник. Хоть и в наручниках, но все же он принял в гости Христа, Сына Божьего. Примирился с Богом, снова стал одним из Его детей. Бог простил ему большие грехи. Я был этим тронут. Бог сотворил ему великое. Возвысил его из нищеты этого мира. Выбрал его, гарантировал ему спасение: «Может, уже скоро будешь с Ним в раю». Я считал, что должен это сказать, другие пусть немного подождут. Эти слова вложил мне в уста Иисус, которого я держал в руках. Они глубоко тронули приговоренного, и он заплакал. Я тоже плакал». После Св. Евхаристии приговоренный смог еще раз встретиться с епископом и принять участие в Таинстве Миропомазания, Таинстве, дающем ему силы для последнего пути. Коротко он объяснил ему значение этого Таинства. Полный благодарности, епископ покинул тюрьму, а приговоренный покинул этот мир.

Этот случай гораздо лучше многих слов раскрывает нам программу жизни епископа Евгения: «Убогим провозглашать Благоую Весть о спасении во Христе, так как к ним послал меня Господь». Он переживал, когда грешников осуждали только по статьям уголовного кодекса и забывали о любви Иисуса из Назарета, друга мытарей и грешников (Мт 11,19).

ЛЮБОВЬ К СВЯТЕЙШЕМУ ОТЦУ

Один церковный сановник назвал когда-то епископа Евгения «самым большим римским французом и самым большим французским римлянином». Именно таким всегда был марсельский епископ. Еще в 1827 году, когда он был только генеральным викарием, его призвали служить в качестве судьи папского трибунала. Обосновывая такой выбор, папский нунций писал: «Священник Евгений де Мазенод всем сердцем и душой связан с Папой». Спустя 10 лет, когда он уже был

епископом, мнение это еще более укрепилось: «Епископ де Мазенод остается до конца верным и глубоко в сердце связан с Апостольским Престолом». В своей жизни он часто подтверждал свою привязанность к Святейшему Отцу. Это не только было надлежащим уважением, это была любовь, исходящая из глубины искреннего сердца. Она выражалась в довольно резких выступлениях епископа Евгения против итальянских политиков, стремившихся к образованию итальянского государства ценой отказа от единства с Папой. Когда Папа Пий IX был вынужден бежать в Гаэту, епископ Евгений написал ему письмо, в котором заверял того в своей преданности: если бы Папа нуждался в убежище во Франции, то мог бы быть гостем в доме марсельского епископа. Епископ был рад, когда Папа ответил ему лично. Все служение епископа Евгения де Мазенода характеризовалось верностью и лояльностью к Папе. В письме кардиналу Барнабо в 1859 г. читаем: «Разумеется, Папа ищет поддержки у епископов. Мы все живем его жизнью, и, если Папа страдает, то и вся Церковь сострадает вместе с ним. Ваше Преосвященство, передайте это Святейшему Отцу, чтобы хоть немного облегчить его страдания».

ДОСТОИНСТВО И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЕПИСКОПСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Все те, кто знал епископа де Мазенода, были очарованы его необычайной личностью. Он никому не уступал, имел свои убеждения и был им верен, но, в то же время, не был в тягость для других. Быть может, сегодня мы не согласимся со всеми его высказываниями, поскольку живем в другой эпохе, и время отделяет нас от проблем Франции XIX века. Однако, мы можем понять положение Марсельского епископа того времени, например, рассказать нам об этом может один эпизод из жизни епископа Евгения – его встреча с князем де Миром.

Князь был автором плана общества колонизации Алжира. Образовался комитет; епископ Евгений после разговора с князем принял его почетное руководство. Когда епископ получил устав комитета, то обратил внимание на то, что в его состав вошли также и протестанты. Епископ отстранился от руководства комитетом, заметив, что такой Устав может открыть дверь протестантской миссии в Северной Африке. В письме князю он писал: «Я понимаю благородные намерения Вашей Княжеской Милости, но прошу понять мою ситуацию как католического епископа. Я не могу допустить, чтобы правда Божия достигала умов и сердец людей в искаженном виде. Я - католический епископ, поэтому для меня существует одна апостольская Церковь, римско-католическая – хранительница полной истины Божией, и только ее Христос уполномочил эту истину проповедовать. Я не хочу быть двуличным, я никогда бы этого не вынес. Я считал бы себя предателем служебного долга, если бы согласился с делом, в котором роль Церкви была бы неоднозначной». Епископ отказался от этого почетного руководства, поскольку не хотел быть своего рода вывеской для общества, с программой которого не мог согласиться.

Епископ не скрывал своих убеждений перед сильными мира сего. В ноябре его посетил орлеанский князь, сын короля. По этому случаю Торговая Палата устроила торжественный обед, на который был приглашен и епископ Евгений де Мазенод. Случилось это в пятницу. Епископ мог догадаться, что либеральные французы не придерживаются постов. Как бы он чувствовал себя на таком приеме? Поэтому он любезно отказался, и приглашения не принял. Когда Торговая Палата высказала свое возмущение, заявив, что эти устаревшие взгляды не должны препятствовать епископу участвовать в приеме, епископ ответил: «Приспосабливаться к современному миру не так необходимо, но важно заботиться о сохранении своей личности, дабы не зависеть от модных взглядов, но пребывать в свободе детей Божьих. Про эту свободу говорили Апостолы, когда на Верховном Совете сказали евреям: «Посудите сами, кого следует слушать более, людей или Бога?»

В другой раз князь пригласил его на обед, и это тоже было в пятницу, когда Церковь обязывала соблюдать пост. Но в этот раз епископ не мог отказать и отправился к князю. Подали мясное блюдо. Епископ Евгений сидел напротив князя, разговаривал с ним свободно во время всей трапезы, однако ни к чему, что ему было подано, не притронулся, даже не развернул салфетки. Князь, конечно, заметил, что епископ ничего не ел. Однако ни о чем не спросил. Позднее епископ сказал: «Хорошо, что князь не спросил, а то я вынужден был бы дать такой ответ, который унизил бы князя».

Из этих и других эпизодов можно себе представить, как епископ Евгений де Мазенод понимал свой епископский долг. Задача епископа – это забота о том, чтобы в его епархии

соблюдались Божьи заповеди и сохранялась связь со Вселенской Церковью. Так понимал епископ Евгений свое свидетельство жизни перед миром. В этом отношении не могло быть его личных интересов и он стремился наилучшим образом соответствовать епископскому сану. Епископ умрет, но марсельское епископство останется. Таким образом, епископ Евгений хотел выполнить свой долг, чтобы будущие поколения не видели в нем церковного сотрудника, или, сохрани Боже, злого пастыря. В лице епископа местной Церкви действовал сам Христос, к такому убеждению епископ Евгений пришел, когда изучал историю епископского служения, начиная от св. Игнатия Антиохийского вплоть до своего времени. Только в таком контексте мы можем понять действия марсельского епископа, который позволял, чтобы отдавали честь его достоинству. Как-то он позволил пригласить себя на освящение водного канала реки Дюранс, проведенного к Марселю, а также он принимал участие в открытии марсельской биржи. По большим праздникам он ездил в повозке в торжественном епископском одеянии. Он нормально относился к тому, что светские власти не оставляли его в стороне как иерарха и приветствовали официально. Противники обвиняли его в высокомерии, надменности, заносчивости. Такое поведение епископ Евгений так объяснял своему поверенному о. Тампьеру: «Ты хорошо знаешь, что за участие в некоторых торжествах я должен платить ценой собственного достоинства».

Когда после официального торжества он возвращался в епископскую резиденцию, то возвращался и к своему скромному образу жизни. Его старый письменный стол был изъеден жуками-короедами. Посетители подтверждали, что в его личной комнате не было даже видимого комфорта. Не было печи, комната не обогревалась даже зимой. Часто епископ себя бичевал. На его кровати не было матраца, епископ спал на тюфяке. Его сутана была всегда чиста, но полна заплат. На его столе появлялась исключительно «пища бедных». Того же требовал он от приходских настоятелей, которых посещал. «Мне достаточно 2 яиц или омлета... Ничего изысканного, только простая еда, вот, что мне нравится». Евгений де Мазенод хотел бы жить незамеченным для мира, однако, он был марсельским епископом. Епископ Евгений радовался, когда почитали его епископское достоинство, но особенно хорошо он чувствовал себя среди простых людей. Любил простой народ, который весело распевал на улицах, бездельничал, но и в поте лица зарабатывал на ежедневный хлеб, не раз стонал под тяжестью ноши ежедневных забот и воспитания детей, народ, о котором помнили, пока нужны были рабочие руки, а потом быстро забывали. В молодости Евгений де Мазенод не был другом простого люда, он считал себя аристократом, придерживался интересов своего класса. Однако, жизнь его многому научила, он понял, кто представляет подлинные христианские ценности, кто живет Евангелием. Это были простые люди. Вот почему свою жизненную дорогу он видел в служении простому люду.

ДУХ МОЛИТВЫ

Несмотря на большую занятость, епископ Евгений ежедневно находил время на встречу с Иисусом в Пресвятах Дарах. Там он прочитывал свой Часослов, молился на розарии, ежедневно посвящал время размышлению, а также духовному чтению. Он молился за всех и обо всем.

Епископ считал, что душпастырь должен быть, прежде всего, человеком внутренней жизни. Своих священников он обязывал к тому, чтобы источником их деятельности, вообще, их жизни, была глубокая внутренняя жизнь. Средством к достижению этой цели должно было быть ежедневное размышление над Св. Писанием, а также знакомство с жизнью святых. В 1818 г. он записал в тексте первых облатских Правил: «Пусть миссионеры, насколько им позволяет человеческая слабость, во всем следуют примеру Иисуса Христа, истинного Основателя нашей Конгрегации, а также примеру апостолов, наших первых отцов. Следуя этим примерам, пусть они ценят время своей жизни, которое посвящают молитве, а также размышлению в тишине монашеского дома. Другую же часть времени пусть посвящают проповедованию».

В первые годы священства ему было трудно найти равновесие между молитвой и работой. Сначала он пробовал жить по правилам Семинарии св. Сульпиция. Но он уже был не клириком, но душпастырем, и потому ему нельзя было пренебрегать душпастырскими обязанностями. От этого пострадала молитвенная жизнь. Со временем такой жизненный уклад, где активность преобладала над созерцанием, он признавал ошибочным: «Я никогда не дам убедить себя, что служение ближнему может занять место ежедневного размышления или приготовления к Св. Мессе,

благодарения после Св. Мессы или посещения Иисуса в Пресвятых Дарах», - так писал епископ в своих заметках во время реколлекций в 1818 году. По мере того, как он укоренялся в жизни Иисуса Христа, его духовная жизнь становилась проще. Главной проблемой уже не являлось равновесие между молитвой и работой, но абсолютная верность воле Божьей. Незаменимым средством к решению этой проблемы была его тихая адорация перед дарохранильницей, а также размышление над жизнью Иисуса Христа.

Между тем, духовная жизнь епископа Евгения заключалась не только в выполнении монашеских упражнений. Он никогда не считал Литургию часов или молитву на розарии «молитвенной обязанностью», которую нужно «совершить» и поставить галочку. Они были для епископа Евгения выражением любви Бога и средством просьбы о помощи. Также он относился и к ежедневной работе, которая была для него возможностью изо дня на день оказывать Богу свою любовь, любовь Церкви и ближнего. С таким же внутренним равновесием и внутренним покоем он выносил такие нападки по отношению к своей личности, как участие в роскошных приемах. По натуре он был человеком увлекающимся и темпераментным, но сдерживал свой темперамент с помощью таких черт, как терпеливость и снисходительность. Поэтому один из собратьев в епископстве, посетивший его в Марселе, на вопрос, как поживает епископ Евгений де Мазенод, ответил: «Я видел перед собой святого Павла».

VIII. ОТКРЫТИЕ ВСЕМУ МИРУ

КАК ДЕТИ ОДНОГО ОТЦА МЫ ДОЛЖНЫ ВЗЯТЬ НА СЕБЯ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДЕЛАТЬ ДОБРО ПО ОТНОШЕНИЮ
ДРУГ КО ДРУГУ, ИЛИ ПОМОГАТЬ ДРУГ ДРУГУ
ОБОГАЩАТЬСЯ НАДЕЖДой, ПОЛУЧЕННОЙ ОТ ГОСПОДА

«Из-за своей небольшой численности, а также учитывая острые нужды окружающих их людей, Миссионеры Прованса пока вынуждены ограничивать свою деятельность среди бедных наших деревень и городов, но их усердие должно охватывать всю землю».

(Евгений де Мазенод, Правила 1818 г.)

ПО ВСЕМУ СВЕТУ

Хотя епископ Евгений и был без остатка поглощен работой в своей епархии, он не ограничивался только ее пределами, а беспокоился о нуждах всей Вселенской Церкви. Он вдохновлял своих облатов и провожал их «на край света», когда на это приходило «Божье время». Уже в первых Правилах 1818 г. читаем фразу, которая может нам многое объяснить: «Из-за своей небольшой численности, а также учитывая острые нужды окружающих их людей, Миссионеры Прованса пока вынуждены ограничивать свою деятельность среди бедных наших деревень и городов, но их усердие должно охватывать всю землю».

Когда Евгений де Мазенод в 1826 г. в Риме занимался процедурами, касающимися утверждения Правил для своей Конгрегации, кардинал-релатор сказал доверительно: «Пусть отец ограничится просьбой об утверждении Общества Миссионеров для Франции, что значительно облегчит процедуру утверждения Правил». Евгений де Мазенод не принял этого предложения. Уже тогда он знал, что придет время, и его облаты почувствуют необходимость перейти границы Франции.

Не только епископ Евгений, но и вся молодая Конгрегация всегда была открыта для евангелизации всех людей. В актах Генерального Капитула 1837 года читаем: «Множество членов нашей Конгрегации тоскуют по тому времени, когда смогут, согласно миссийному повелению Иисуса Христа, пойти с Благой Вестью о спасении в Иисусе Христе также и к тем, кто находится вне Церкви. Генеральный Капитул пошел навстречу этой инициативе и обязался реализовать ее, убежденный в том, что это усердие будет Богу на славу, а Конгрегации - на пользу».

Но куда идти миссионерам-облатам? Этого Основатель еще не знал. Однако он был открыт на голос Божий, на Божие призвание, и с покорностью ждал «Божьего часа».

АНГЛИЯ

Этот час пробил намного раньше, чем того ожидал Основатель. В 1837 г. в дверь монастыря на марсельской Кальварии постучался молодой ирландец и попросил принять его. Это был отец Уильям Дейли. Он уже слышал об облатах. Уильям очень хотел, чтобы члены англиканской Церкви вернулись к единству со Вселенской Церковью. В 1841г. Уильям, будучи тогда дьяконом, познакомился с одним англиканцем, возвращавшимся на родину. Тот предложил ему место в повозке, поскольку дорога ирландца проходила через Ливерпуль. «Я чувствую здесь вызов Божьего Провидения», - записал в этот день епископ Евгений в своем Дневнике. 2 мая епископ рукоположил ирландца в священники, и уже на следующий день неопресвитер отправился в Ирландию, где должен был определить, куда поселить облатов, где бы они могли проводить работу с кандидатами-ирландцами для Конгрегации.

Отец Уильям Дейли прекрасно справился со своим заданием. В Лондоне его принял епископ Вайсман, коадьютор и апостольский викарий центральной Англии. В Дублине он посетил архиепископа Марея, который помог ему представить ирландским епископам Конгрегацию Облатов Непорочной Марии. Архиепископ позволил молодому облату вербовать в Ирландии кандидатов для своей Конгрегации. Уже 7 декабря 1841 г. семеро молодых ирландцев начали новициат в Нотр Дам де Лозье. Они стали зародышем ирландской монашеской провинции. В 1843г. епископ Евгений послал о. Казимира Оберта в Англию, чтобы там основать первый облатский дом. После множества процедур в 1843 г. он открыл облатское представительство в Корнуоллесе.

Две причины склоняли епископа Евгения, чтобы Конгрегация открыла свои представительства в Ирландии и в Англии. Он хотел способствовать тому, чтобы англиканцы нашли свою обратную дорогу в Рим. Там он хотел найти англоязычных миссионеров для будущей миссионерской деятельности. По сегодняшний день англо-ирландская провинция сохранила свой миссионерский характер, определённый Основателем при ее образовании.

КАНАДА

Англия была первым этапом выхода в мир. За ним должен был последовать другой. Как только о. Уильям Дейли отправился в Англию, в Марселе появился епископ Бурже из Монреаля. По дороге в Рим он случайно задержался у епископа Евгения и рассказал ему о работе в Канаде. Он искал священников - душпаستырей для французских поселенцев в городах и для французских дровосеков в дремучих лесах Канады. Больше всего он пытался найти миссионеров для индейцев и эскимосов, проживающих в его епархии. Их евангелизация еще не началась, но больше уже нельзя было ждать. Канадский епископ прямо спросил епископа из Марселя: «Не могут ли твои облаты приехать в Монреаль?» Епископ из Канады с таким пылом и так убедительно представил свои нужды, что марсельский епископ загорелся желанием помочь ему в этом деле и пообещал дать ему окончательный ответ, когда епископ Бурже, возвращаясь из Рима, снова у него остановится.

Епископ Евгений посоветовался со своими облатами, тогда их было – 40 отцов и 5 братьев. Все проголосовали за то, чтобы миссионерская деятельность, провозглашение Евангелия язычникам в Конгрегации трактовалось так же, как приходская миссия. С энтузиазмом они приняли перспективы расширения горизонтов работы, особенно молодые облаты. Основатель получил большое количество писем от своих облатов, и все они выражали готовность «пойти на край света» в служении любви всем людям, верного служения Церкви и расширения поля деятельности Конгрегации. Основатель провел не одну ночь перед Святыми Дарами. Наконец, все пришли к единому мнению, что больше ему нельзя медлить. Он не стал ждать возвращения епископа Бурже и сам написал ему в Рим, что согласен с его предложением. И уже 22 октября 1841 г. четверо отцов и двое братьев облатов отправились в Канаду.

Таким образом, началась облатская миссия во всем мире. Началом такой облатской деятельности стал Монреаль.

В 1844 г. облаты поселились в Байтауне, который позже стал Оттавой. Отсюда множество тысяч французских дровосеков отправлялось по речной дороге на работы в бескрайние пуши. Создавались группы численностью до 500 человек, которые в зимний период оставались в лесах, чтобы работать дальше и больше заработать. Весной, когда трогался лед, поселенцы перевозили

свою выработку по течению реки в Оттаву, а потом дальше на юг, по водам реки св. Лаврентия. В зимние месяцы облаты искали поселенцев в их лагерях. Весной они ждали их на великих «древесных озерах». Время ожидания для дальнейшего путешествия миссионеры использовали, чтобы проводить беседы с поселенцами-дровосеками и служить душпастырски тем, кто об этом просил. Иногда облатам случалось даже устраивать приходские миссии по французскому образцу.

Душпастырское служение для дровосеков приблизило облатов к миссии среди индейцев и эскимосов, поскольку те жили рядом. В 1844 г. облаты развернули регулярные миссионерские экспедиции к монтанезам на правом берегу реки св. Лаврентия и к ирокезам, находившимся на юге от Монреаля. Исполненный святой гордостью, епископ Евгений склонился над картой, которую в августе 1844 г. ему прислали его миссионеры. В письме от них он прочел: «На лодке, сооруженной из говяжьих шкур, мы плыли по горной речке Гатино. У нас есть одеяла и палатки, удочки и сети для ловли рыб, карабины для защиты от диких зверей, вообще, у нас есть все, чтобы пережить это путешествие. С католиками, которых встречаем по дороге, мы проводим службы, но в дальнейшем, видимо, мы будем путешествовать одни, хотя вероятно, что, сойдя на берег, мы найдем там только индейцев». Таким образом, облаты установили контакт с индейцами, которых называли «круглоголовыми».

СЕН БОНИФАС

В этот год облатам открылось новое поле для миссионерской деятельности в северо-западной части Канады. В бескрайних прериях и пущах редко можно было встретить белого человека; там жили индейцы и метисы. Среди них и для них работал отец Йосиф Прованше. Свою миссионерскую базу он устроил в Сен Бонифас над озером Виннипег. С 1820 г. он был коадьютором епископа Квебека в северо-западной Канаде. Во время своего 25-летнего служения он стремился найти новых священников для своей епархии, но нашел тогда только четверых. В 1843 году он отважился на трудное двухмесячное путешествие в Монреаль, чтобы просить помощи у епископа Бурже, но в его епархии было мало священников, и тогда он отправил епископа Прованше к облатам. Там он встретился с о. Евгением Гиг, позже ставшим епископом Оттавы, которого Основатель назначил визитатором для Канады. О. Гиг знал о нечеловеческих условиях труда облатов и поэтому отклонил просьбу епископа Прованше. Тогда Прованше, как нищий, которого выставили за дверь, обратился прямо к епископу Евгению де Мазеноду. Основатель с открытым сердцем прочитал письмо. Просьба епископа Прованше тронула его до глубины сердца, и он не смог ему отказать. Основатель попросил о. Гиг, чтобы тот дал облатов в распоряжение епископа Прованше. Епископ Оттавы ответил, что трудности настолько большие, что никто не сможет их преодолеть. Ответ Основателя был написан в мазенодовском стиле: он не просил его обсуждать этот план, это было распоряжение в духе послушания. Начальником миссионерской экспедиции Основатель назначил о. Оберта. Его помощником должен был стать только что принятый канадский облат Александр Таше. 24 июня 1845 г. отцы Оберт и Таше, а также две сестры монахини, ступили на палубу примитивного корабля и направились в дорогу «к язычникам» “ad gentes”. Их сопровождал вождь низшего ранга из племени Ирокезов. Тяжелое путешествие продолжалось 63 дня. Скорее мертвые, чем живые, 25 августа путешественники достигли цели. Их встретил и сердечно обнял епископ Прованше. Итак, Сен Бонифас стал вторым центром облатской миссии в Канаде.

САНТА РОЗА

В 1847 г. облаты начали деятельность еще в одном месте, которое стало для них третьим по счету: в районе Орегон, простиравшимся тогда от Скалистых Гор до Тихого океана, от северной Калифорнии до Аляски. Епископ Евгений не хотел сначала принимать эту миссию. Однако, он изменил свое мнение, когда о. Гиг заключил договор с епископом Бланше из Валья-Валья. Этот контракт предусматривал евангелизацию индейцев. «Итак, во имя Божие», - сказал Основатель; в этом договоре он видел знак Божьего Провидения. Руководителем экспедиции стал о. Пашалис Рикард, в то время настоятель в Нотр-Дам-де-Люмьер. Решение встретило всеобщее неодобрение собратьев. Они считали, что он для этого не годится. В самом деле, он был очень одаренным, но

болезненным, его здоровье серьезно ослабилось из-за нескольких проведенных миссий. Сам кандидат был убежден, что не доберется живым даже до Нью-Йорка. Но можно было восхищаться его послушанием. Как монах, он выполнял приказ своего генерального настоятеля, полагался на его волю. С декретом епископа Евгения в руке он отправился в церковный склеп и там доверил Богу свою жизнь. На палубе парусника «Цюрих» водоизмещением в 300 тонн он отправился в 55-дневное путешествие через Атлантику. Этот слабый здоровьем кандидат в миссионеры был единственным пассажиром, который не страдал морской болезнью. Из Нью-Йорка где на дилижансе, где на лодке он добрался до Сент Луиса, а потом продолжил путь через 7 штатов на повозке, запряженной волами добирался. Наконец, 11 октября 1847 г. он прибыл к цели. С момента входа на палубу в Гавр до прибытия в Санта Роза прошло 8 месяцев. Тот, кто не должен был добраться живым до Нью-Йорка, хорошо выдержал как холодные ночи, так и знойные дни; ни голод, ни жажда не одолели его, он был здоров, и у него не было даже насморка.

ПРИЗВАНИЙ НЕ ХВАТАЕТ

Епископ Евгений радовался, что его облаты осели в Канаде. Однако их было очень мало. Забота о призваниях не давала Евгению спокойно спать. Он не мог всех послать в Канаду, тогда бы не хватало людей в монашеских домах во Франции, а ведь и там облатов ждала работа. В 1845 г. вся Конгрегация насчитывала 50 членов: 15 работало в Канаде, 10 в Англии, остальные в пяти монашеских домах в северо-восточной Франции.

Заседание Генерального Совета 12 мая 1845 г. было посвящено вопросу о призваниях. О. Тампьер представил проект создания дома для привлечения призваний в южной Франции или даже в Бельгии, где в то время уже было много кандидатов для монашеской жизни. Когда заседали генеральные депутаты Совета, о. Леонард Баве вошел на палубу «Княжны Орлеанской» в Нью-Йорке, чтобы во Франции в духовных семинариях искать миссионерские призвания. Одаренный рассказчик, не лишенный чувства юмора, он легко снискал себе слушателей. Они были очарованы им, когда он рассказывал о миссии в Канаде. Отец был оптимистом и верил в успех своего дела.

Сначала Основатель смотрел на это скептически, но после первой встречи с отцом Леонардом полностью поддержал его усилия.

О. Тампьер, который в то время был генеральным экономом, занял выжидательную позицию, и даже посчитал о. Леонарда мошенником, когда тот ему сказал: «Я добуду столько кандидатов на миссию, что отец не сможет их всех одеть и прокормить». Спустя 2 месяца о. Леонард раздобыл 10 кандидатов в новициат. Спустя 4 месяца их уже было 24. Когда он своим приятным баритоном рассказывал о жизни Ирокезов, показывал их орудия, предметы культа, оружие, когда говорил, что индейцы глубоко верят в «Наивысшее Существо», «Доброго», что они открыты на принятие Евангелия Иисуса Христа, молодых слушателей охватил энтузиазм. До этого желающие хотели быть только епархиальными священниками во Франции, теперь же они хотели стать миссионерами.

Епископ Евгений был поражен успехам о. Леонарда. «Что ты за человек, - писал он ему, - что с маху ломаешь барьеры, что перед тобой открываются ворота, что с победой ты занимаешь все площади». Урожая практически не было, облаты умоляли Основателя, чтобы он сдержал пыл о. Леонарда, но Основатель не обращал на это внимания. Он писал о. Леонарду: «Меня не беспокоят проблемы, связанные с избытком призваний ...закидывай и дальше спокойно свои сети». Епископ Евгений был уверен, что для Конгрегации настало время благодати, и нельзя было его терять. Нельзя было упустить ни одно призвание. Конгрегация вскоре имела уже 60 новициев. Возникла необходимость открытия второго новициата в Нанси.

Конечно же, не все кандидаты остались. Но Основатель не был огорчен этим, так как придерживался принципа: «Равно как в священстве, так и в миссионерском служении требуется соблюдать правила отбора. Мы не можем принимать каждого, изъявившего желание... Важно иметь хорошие, а не массовые призвания». Среди тех, кого нашел о. Леонард, и кто остался, были прекрасные миссионеры, позже великие миссионеры-епископы; среди них можем упомянуть Людовика Хербомеса, Карла Жоливе или Павла Дюрье. Их кругу принадлежал и о. Людовик Сулье, третий по очередности генеральный настоятель конгрегации. Среди них был также прекрасный миссионер о. Генрик Гролье, который в 1859 г. первым из европейцев пересек полярный круг.

В богатстве призваний епископ Евгений видел особое Божье вмешательство, «Божий перст». Позднее он писал Наставнику послушников: «Воля Божья открылась нам с такой силой, что с полным доверием мы можем на нее ответить. Бог призвал нас к евангелизации людей на бескрайних канадских землях, и дал нам также дар призваний, сам призвал работников в свой виноградник. От нас же Он требует, чтобы мы приняли его волю и ответили: «Да будет Воля Твоя». Хотя человеческая мудрость видит в этих событиях даже угрозу для Конгрегации, опасность утраты или даже несостоятельность, я верю Богу всей моей душой».

ЦЕЙЛОН

В августе 1847 г. в Марсель прибыл епископ Орацио Беттакини, ораторианец, коадьютор апостольского викария Цейлона. Он детально представил Основателю ситуацию в Церкви на этом острове. В конце беседы он задал конкретный вопрос: «Готовы ли облаты помочь нам в проповедовании Евангелия на Цейлоне?» Так как в те дни в новициате было много кандидатов, Основатель принял новую миссию. И уже 21 октября он послал четырех облатов, среди них брата Гаспара де Стефаниса, одного из первых братьев-монахов в конгрегации. Начальником этой экспедиции стал о. Стефан Семерия, позже епископ.

Путешествие по морю продолжалось 38 дней. Тогда еще не было Суэцкого Канала. До Каира миссионеры ехали верхом на конях чистой арабской породы. А от Каира до Суэца - уже только на ослах. Багаж перевозили на верблюдах. В Суэце они взошли на палубу парусной лодки, с помощью которой добрались до Ялы, расположенной на юге Цейлона. Оттуда было уже недалеко до Коломбо, столицы острова. Местные католики устроили такой прием миссионерам, который невозможно было забыть. Вдоль дороги собрались тысячи верных. Много часов они бежали рядом с повозкой, на которой ехали миссионеры. На дороге возвели много триумфальных ворот. Вечером процессия с факелами проводила миссионеров к Собору, где их приветствовал епископ Орацио Беттакини и торжественно запел «Te Deum» (гимн «Тебя, Бога, хвалим»).

С прибытием облатов на Цейлон, сегодня называемый Шри Ланка, 28 ноября 1848 г. начался новый этап не только в истории облатов Марии, но и в истории цейлонской Церкви, Церкви «Жемчужины Индии». В 1517 г. португальцы завоевали остров и начали его обращение. В 1650 г. господство над Цейлоном взяли голландцы, тогда большая католическая миссия пришла в упадок, и стали развивать свою деятельность кальвинисты. Началось преследование католиков, длившееся 150 лет. Католические миссии были полностью опустошены голландцами. Британское господство, начатое в 1796 году, ввело ограниченную религиозную свободу. Облаты могли снова начать миссионерскую деятельность в южной части острова, где было еще около 60 тысяч католиков.

Цейлонскую Церковь сегодня следует отнести к самой зрелой Церкви в Азии, а отличительной чертой этой зрелости является именно миссия, которую Церковь Шри Ланки с 1964 г. проводит в Малайзии, с 1968 г. - в южно-индийском Мадрасе, а с 1971 г. - в Пакистане.

НАТАЛ

В 1850 г. открылись ворота третьего континента, - Африки. Об этой миссии в апостольском викариате Натал Конгрегация Распространения Веры просила Основателя по собственной инициативе. Рим уже обращался с предложением к иезуитам и к Миссионерам Святого Духа, но обе конгрегации отказались принять миссии. Епископ Евгений попросил время на молитвенное размышление. Он долго молился о свете Святого Духа. В его дневнике читаем записи, сделанные 1 апреля 1850 г.: «Принимая просьбу Африки, я не могу отказать желанию Святейшего Отца. Это Бог приглашает нас в Африку».

Рим, согласно тогдашнему праву миссионерства, вверил миссию Натала облатам Непорочной Марии. Это означает, что Рим уполномочил генерального настоятеля Конгрегации, епископа Евгения де Мазенота, назначить епископа-апостольского викария. Выбор пал на отца Йоанна Франциска Алларда, настоятеля и наставника послушников из Канады. Евгений сам рукоположил его в епископы. 13 ноября епископ Аллард, два отца и два брата облаты взошли на судно, чтобы 15 марта 1851г. прибыть в Дурбан. В апостольском викариате Натала до сих пор проводили душпаствырство только для горстки белых католиков, фермеров, служащих и солдат, но

евангелизация африканцев еще не началась. Рим все еще настаивал на том, чтобы наконец пойти с Евангелием к народу Банту, апостольские викарии ссылались на недостаток священников. Теперь ситуация изменилась, облаты принесли Благою Весть о спасении в Иисусе Христе на родину черного населения Южной Африки и начали новый период ее истории. Они были пионерами в принятии зулусов и других этнических групп Южной Африки в общину Вселенской Церкви.

КОНГРЕГАЦИЯ, ОТКРЫТАЯ ВСЕМУ МИРУ

Вот уже 10 лет облаты работали на разных континентах. Епископ Евгений гордился таким развитием своего «малого стада», начало которого, положенное в Кармеле в Эксе, было таким скромным. Что сделал Основатель для такого динамичного роста Конгрегации? Как он сам признавался, собственно ничего, просто не воспротивился (знаку) голосу Божьему, был послушен Богу. Что было критерием распознавания Божьей воли? Нужды Церкви и человека. Где нуждались, туда Основатель спешил с неотложной помощью. Быстрый рост Конгрегации требовал изменения многих монашеских правил, ведь необходимо было приспособиться к новым условиям. Конгрегацию следовало поделить на провинции, что и сделал Генеральный Капитул в 1850 г. Последовала чёткая децентрализация многих полномочий, которые в то время были в руках у генерального настоятеля и его генерального Совета. Теперь же их получили провинциалы. Децентрализация, однако, не могла разрушить целостности Конгрегации. В Актах Генерального Капитула в 1850 году записано: «Хорошо запомните: все облаты, объединенные братской любовью под руководством настоятелей, должны иметь одну душу и одно сердце».

СЕРДЦЕ КОНГРЕГАЦИИ

Расширение Конгрегации проходило не без проблем и сопровождалось трениями. Епископ Евгений был огорчен этим, но не унывал, вручив свое дело защите Непорочной. Во всем он искал Божий знак, ясное выражение Божией воли, а когда был уверен в ней, то выполнял ее. Как добрый отец, он знал, как уладить трудности и убрать разногласия. Он не колебался, когда был вынужден наказывать тех, кто заслужил это. Отец давал им большую свободу для деятельности, глубоко веря, что именно через них может говорить Святой Дух. Осуждал безделье, поддерживал всякую инициативу, которая усиливала динамизм Конгрегации. Наивысшей же ценностью была забота о спасении душ. Основатель заботился о монашеской формации своих облатов, напоминал, что существенным компонентом монашеской жизни является сосредоточение и жизнь в общине. Он решительно требовал того, чтобы облаты жили по крайней мере по двое. Окружал сердечной заботой больных и тех облатов, кто переутомлялся в работе, но осуждал тех, кто вел удобную для себя жизнь.

Письма Основателя к облатам свидетельствуют о заботе епископа Евгения об их жизни. Евгений просил о. Семерия из Цейлона, чтобы тот воспротивиться слишком суровой практике покаяния некоторых облатов: «Ваша жизнь миссионерская сама по себе достаточное покаяние, другого покаяния вам и не нужно». Когда миссионер из Натала пожаловался, что никогда не научится местному языку и что его горло не способно правильно произносить глубокие гортанные звуки, Основатель ответил, что мастерство сразу не приобретается, но достигается постоянным трудом. Он ко всем относился как любящий отец и давал им понять, что в епископской резиденции Марселя бьется сердце Конгрегации.

Материальное благосостояние своих миссионеров он поддерживал двумя инициативами. Во время своего первого пребывания в Англии в 1850 г. Основатель установил в Лондоне облатскую миссионерскую прокуру для всей британской империи. Он часто обращался к Миссионерским Делах, позднее названным Папскими Делах Миссии для оказания материальной помощи облатам. Эти письма носят официальный характер, но, прочитав их, можно понять, как Основатель гордился миссионерскими успехами своих облатов. Он объяснял, что миссионеры используют предназначенные деньги только для миссионерских целей, а для собственного пропитания пользуются плодами земли, обрабатываемой индейцами.

Когда Основатель получил письмо из-за границы, биение его сердца участилось. Он ждал известия о том, как живет его облатам, что их разочаровало, а что обрадовало. Он требовал от

них, чтобы писали ему хотя бы раз в год. На все письма отвечал сам лично. С удовольствием бы посетил всех, но не мог на долгое время оставить свою епархию.

По крайней мере, два раза он побывал в Англии. Первый раз - в 1850 г., тогда он посетил Карлсруэ, Майнхейм, Франкфурт и Могунцию. В Кёльне местный архиепископ дал в сопровождение Евгению де Мазеноду прелата, говорящего по-французски, чтобы тот показал марсельскому епископу известный собор. Епископ Евгений был восхищен этим настолько, что написал в Марсель: «Прелат не удовлетворился лишь тем, чтобы показать мне собор и его сокровища, а постарался добыть для меня карету, чтобы я мог посетить и другие церкви этого города».

В Англии Основатель был поражен «невероятной скоростью железной дороги», которая в это время составляла 35 км в час.

Во время второго визита в 1857 г. облаты приняли новые представительства, одно в Ирландии и одно в Шотландии. Сопровождал Основателя в поездке по Англии князь Норфолка - самый достойный католический лорд этой страны. Он пригласил епископа посетить высшую и низшую палаты парламента и показал ему Хрустальный Дворец, библиотеки и музеи.

Если кто-то хотел встретиться с епископом Евгением, то легче всего можно было встретиться с ним в Марселе. Когда у него было немного свободного времени, хотя бы несколько часов, то он проводил их в компании своих братьев - облатов в их монастыре. Тогда он забывал обо всех епископских проблемах, вел непринужденные разговоры с облатами и был благодарен за все, что Бог делал хорошего через облатов. Не раз смущался, когда его благодарили. Он говорил: «Я только орудие, которое Бог себе выбрал и через которое действует. Это касалось всех сложных начинаний, и так остается и на сегодняшний день».

IX. . ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

ПОД КОНЕЦ НАШЕЙ ЖИЗНИ, МЫ ОБЫЧНО ОБРАЩЕМ СВОЙ ВЗГЛЯД НА ПРОЖИТЫЙ ПЕРИОД И ТОГДА МНОГОЕ МЫ ВИДИМ КАК БЫ В НОВОМ СВЕТЕ. НА РАССТОЯНИИ ЛЕГЧЕ ОЦЕНИТЬ - ЧТО БЫЛО В ПРОШЛОМ ВАЖНО, А ЧТО НЕТ. ЧЕЛОВЕК, ВЕРОЯТНО, СУМЕЕТ ПОНЯТЬ - ЧТО НА САМОМ ДЕЛЕ ПРИНОСИТ ЕМУ ПОДДЕРЖКУ И БЕЗОПАСНОСТЬ.

«Мне бы хотелось выразить все свои мысли в одном небольшом напутствии: читайте и размышляйте над монашескими Правилами! Они содержат все, что нас ведет к Богу... Читайте, размышляйте и соблюдайте их, и тогда достигнете святости в жизни, восстановите Церковь, поймете свое призвание, и сможете помочь обратить к Богу тех, к кому вы посланы».

(Евгений де Мазенод, из письма к облатам 2 августа 1853 г.)

8 ДЕКАБРЯ 1854 г.

Понтификат Пия IX (1846-1878), самый длинный на то время в истории Церкви, был богат в равной степени как на успех, так и на неудачи. Его наивысшей точкой, апогеем, был Первый Ватиканский Собор (1869-1870). Этот Собор установил как истину веры, непогрешимость Папы в делах веры и морали. Догмат о непогрешимости Папы имеет свою предысторию.

8 декабря 1854 г. Папа Пий IX торжественно провозгласил: «Учение о том, что Блаженная Дева Мария с первого момента Своего Зачатия, особой благодатью и расположением Всемогущего Бога, ввиду заслуг Иисуса Христа, Спасителя рода человеческого, сохранена незапятнанной никаким пятном первородного греха, является учением, явленным в Откровении Богом, и потому в него должны твердо и постоянно верить все верные». Провозглашение Догмата разрешило многовековой спор теологов, а именно доминиканской и францисканской школ, в пользу францисканцев. Речь шла не столько о сути догмата, сколько о способе его провозглашения.

Не Собор как наивысшая законодательная инстанция Церкви провозгласил этот догмат, а сам Папа без Собора. Тем самым он закрыл давний теологический спор: пользуется ли Папа привилегией непогрешимости только в соединении с Собором, либо без Собора, в силу своего личного авторитета.

На самом деле, в феврале 1849 г. Папа Пий IX спросил всех епископов их мнение, но решение принял самостоятельно. Это понравилось марсельскому епископу Евгению де Мазеноду. Одним из первых епископов он поддержал инициативу Папы. Он не мог поступить иначе, ведь Непорочная была Покровительницей основанной им Конгрегации, Она была покровительницей облатов. Он очень обрадовался, что Папа пригласил его лично на торжество провозглашения этого догмата. В то время епископу Евгению было уже 72 года, но несмотря на это, он ступил на палубу французского военного корабля, чтобы вместе с 250 французскими солдатами отправиться в Италию. Из Чивитавеккиа, порта церковного государства, до Рима он добрался на очень расшатанном дилижансе. Когда кучер возле церкви «Божьей Матери Отдыха» помог епископу высадиться с повозки, отец почувствовал, что должен отдохнуть. Над зеленью ватиканских садов епископа приветствовал купол собора св. Петра, вид которого вернул ему утраченные силы. Еще большего желания жить придала ему мысль о том, что вскоре наступит торжество по случаю провозглашения догмата о Непорочном Зачатии Пресвятой Девы Марии. Когда он хотел остановиться в ближайшей гостинице, к нему прибыл посланник кардинала, государственного секретаря, и предложил ему комнату в Апостольском Дворце. Епископ Евгений еще не успел нарадоваться таким почестям, а Папа уже звал его к себе. В конце этой исключительной и сердечной аудиенции Папа назначил епископа Евгения ассистентом папского трона, что в то время было великой честью. Папа посоветовал Евгению воспользоваться всевозможными привилегиями, которые предоставлял ему этот титул, во время своего пребывания в Риме, не ожидая письменного назначения.

Свободное время епископ Евгений использовал для того, чтобы посетить своих друзей и, прежде всего, архиепископа Барнабо, секретаря Конгрегации Распространения Веры, для обсуждения облатских миссий в Канаде, на Цейлоне и в Африке. Основатель также посетил кардинала Гуссе. Он очень удивился, когда архиепископ Реймс сказал ему, что не нужно истину веры о Непорочном Зачатии Пресвятой Девы Марии возводить до ранга Догмата веры, но удовлетвориться декларацией, что до сего времени вера Церкви в Непорочное Зачатие не противоречила учению Церкви. Епископ Евгений был разочарован, для него не было сомнений, что учение о Непорочном Зачатии Пресвятой Девы Марии является истиной веры. Он не для того приехал в Рим, чтобы обсуждать тему этой истины, но чтобы участвовать в торжестве по поводу официального провозглашения истины веры Церкви. Проведенное голосование показало, что 570 епископов было за провозглашение догмата, 36 – за то, чтобы провозглашение состоялось позже, 4 были против. Поэтому вопрос был решен, и излишне было что-либо обсуждать.

Но, несмотря на это, обсуждения продолжались, высказывались аргументы за и против. Еще следовало проголосовать за окончательный текст провозглашения догмата. 20 ноября 1854 г. состоялось первое заседание епископов в Ватикане. Раздел за разделом прочитывалась папская булла, епископы выражали свое одобрение либо предлагали различные изменения. Епископ Евгений законспектировал это заседание в своем Дневнике, дав нам тем самым возможность узнать о деталях ватиканской дискуссии. Епископ даже записал, сколько людей из присутствующих на дискуссии были моложе его и сколько людей были старше. На протяжении нескольких дней он сомневался, решится ли Папа на провозглашение догмата или перенесет его на более поздний срок. Тогда, исполненный Божьим усердием, епископ Евгений 5 декабря схватился за перо и написал Папе: «Среди нас есть епископы, которым не нравится провозглашение нового догмата. Прости, Святейший Отец, если я замечу, что некоторые прелаты слишком уступают людским взглядам, для них важнее учение философов, чем вера Божьего народа. Они не отдают себе отчета в том, что закрывают глаза на знаки времени и противятся чтить Пресвятую Матерь». Он просил Папу не слушать голосов этих епископов, которые явно противоречат провозглашению догмата. Свое письмо он закончил словами: «Святейший Отец, умоляю Тебя на коленях, скажи об этом ясно и окончательно». Спустя несколько дней, 8 декабря, Папа провозгласил новый догмат.

Хотя накануне на улице лило как из ведра, 8 декабря светило солнце, над Римом простиралось лазурное небо. Епископ Евгений оставил нам в своем Дневнике отчет об этом дне с

точностью до минуты. Благодаря ему мы видим шествие двухсот епископов по площади св. Петра, видим, как рядом под балдахином проходит Папа и благословляет всех участников на площади, видим гостей, которым представлено место на почетной трибуне, слышим, как громко восклицают итальянцы: «Да здравствует папа!», слышим их непрекращающиеся аплодисменты. Наконец стало тихо. Силой своего авторитета Папа проговорил слова: «В честь святой и нераздельной Троицы, во славу и честь Девы Матери Иисуса, для вознесения христианской веры, для ее распространения во всем мире, объявляем и постановляем силой, данной нам через Господа нашего Иисуса Христа, властью, переданной нам через апостолов Петра и Павла, следующее: Сия есть истина, которую объявил Бог и которая должна исповедоваться верными: Святая Дева Мария с первых минут своей жизни, благодаря одноразовой привилегии Божией, ввиду заслуг Ее Сына Иисуса Христа, Спасителя всех людей, осталась сохраненной от всякого пятна первородного греха».

Епископ Евгений отметил в своем Дневнике: «В минуты, когда Святой Дух вкладывал в уста Папы слова, имеющие силу непогрешимого учения, Папа как бы потерял голос, в глазах выступили слезы, и его охватило волнение. Оно охватило так же и меня».

Когда под конец торжества начали звонить все колокола Рима, а из замка Св. Ангела был дан пушечный салют, епископа Евгения де Мазенода переполняла гордость, что он является облатом Непорочной Марии.

Когда епископ вернулся в Марсель, то в обширном пастырском послании он описал свои впечатления от Рима. Он прокомментировал текст нового догмата и указал на необходимость практического следования ему в нашей жизни. Теперь христианин обязан верить в эту правду. Послание свидетельствует о том, что великая радость переполняла сердце Основателя облатов Непорочной Марии после провозглашения этого важного догмата.

ЗАБОТА О ДУХЕ КОНГРЕГАЦИИ

Евгений де Мазенод мог только 7 лет пребывать в облатском монастыре, чтобы в полноте разделять жизнь облата. С того момента, как он стал марсельским генеральным викарием, а далее епископом–помощником и епархиальным епископом, вынужден был делить свою жизнь. Он сравнивал себя с отцом, имеющим двух дочерей и любящим каждую из них. Всем сердцем он любил свою старшую дочь, Конгрегацию, однако в то же время младшая занимала почти все его время. Только благодаря тому, что у него было столько сил для работы, которая все время становилось все больше и больше, он мог и старшей посвятить немного времени и радоваться ее непрерывному развитию.

Так как Конгрегация быстро расширялась, то это привело также к ослаблению связи с Основателем. До 1841 года он еще знал каждого лично. По мере того как из заморских краев присоединялись к Конгрегации новые члены, знать каждого лично становилось все сложнее. В Европе, где Конгрегация еще больше продвинулась на север, тоже все большей удачей становилась возможность встретиться с Евгением и лично и получить от него благословение.

Поэтому понятно, что для того, чтобы сохранять среди облатов первоначальное усердие, со временем он стал все чаще прибегать к письмам. В 1853 году он делал замечания облатам, чтобы в процессе необъятной апостольской работы не упустить собственного освящения. Его беспокоило, что некоторые чрезмерно усердные миссионеры пренебрегали молитвенной жизнью, слишком легко освобождаясь от соблюдения монашеских Правил. «Поверьте мне, что никто лучше не знает и не ценит высших качеств, которые должны служить определителями нашей монашеской жизни... Большинство облатов ведет образцовую монашескую жизнь, они являются утешением для моего сердца. Однако, есть и такие, кто допускает ошибки, которые нельзя упускать из виду».

27 мая 1835 г. он написал о. Гиг, настоятелю дома в Нотр Дам де Лозье: «Я беспокоюсь, что они слишком много работают. Такое чрезмерное рвение имеет двойной вред: расшатывает силы наших облатов, подрывает их здоровье, а также заставляет их долгое время оставаться вне общины, что ослабляет их облатскую связь. Тем самым, слишком долгое пребывание вне монашеского дома, идет вразрез с нашими Правилами... Нужно возвращаться в общины, чтобы обновляться в духе своего призвания, иначе наша душпастырская деятельность ослабнет, просто умрет, так как она

отрывается от своих жизненных источников. Наши облаты перестанут быть миссионерами и станут жужжащими цимбалами».

В подобном тоне написано и письмо епископа Евгения к о. Онорату в Канаде: «Я понимаю, что на начальном этапе всегда много работы, и необходимо много времени, чтобы она тронулась с места. У меня складывается впечатление, что заботы о временной жизни не способствовали вашему сосредоточению и, возможно, даже привели к тому, что большинство Божьих даров у вас выветрилось. Благодаря Богу вас теперь больше, Бог дал нам благодать призваний. Поэтому было бы непростительно, если бы вы не смогли найти немного свободного времени между одной миссией и другой, и это время посвятить внутреннему обновлению».

Динамичный рост Конгрегации, а также постоянные просьбы о миссионерах облатах, разумеется, радовали Основателя, но в то же время наполняли его заботой о том, чтобы большая активность не ослабила духовной жизни.

Основателя беспокоило, прежде всего, то, что некоторые монахи уходили из Конгрегации, и в их уходе он видел «последствия безусловного равнодушия и отсутствие усердия» о Божьем деле. В отчете Генеральному Капитулу в 1856 году он назвал их «несчастливыми, которые предали Непорочное знамя». Поскольку он глубоко верил и безгранично доверял Богу, то не останавливался долго на горестных моментах, но благодарил Бога за все благодати, полученные им и Конгрегацией.

МАЛОЕ ЕПИСКОПСТВО – ВЕЛИКИЙ ЕПИСКОП

Епископ Евгений был очень сильно привязан к своему небольшому епископству. До 1853 г. ему дважды была предложена должность архиепископа в других архиепархиях. Евгений не принял предложения. Но, однако, он не потерялся в «южных краях Франции», был одним из самых выдающихся французских епископов своего времени. Не было таких пастырских и даже политических проблем, по отношению к которым он не занял бы публично определённой позиции. Его слова слушали с большим вниманием во Франции. Он дал знать о себе во время скандальной дискуссии, касающейся вопросов политики просвещения в начале сороковых годов, из года в год пользовался всеобщим признанием. Даже император Наполеон III оказывал ему уважение, не хотел конфликтовать с марсельским епископом. Епископ доверял императору, доверял его преданности Церкви. Когда, однако, Наполеон III после покушения Феликса Орсини на его жизнь, 18 января 1858 г. объявил войну Австрии, – а война эта, собственно говоря, преследовала лишь одну цель – завоевать Пьемонт, принадлежащий Церковному Государству, – тогда епископ Евгений отступил от императора. На ложе смерти, когда кто-то упоминал в разговоре Наполеона III, епископ сказал пророческие слова: «Посмотрите, умрет нищим». В Третьей Республике 1870-1914 для него уже не было места.

Св. Киприан Карфагенский стал примером католического епископа. Согласно Св. Киприану, епископ не должен быть только пастырем, который довольствуется тем, что его ухоженное стадо отдыхает у ног своего пастыря. Епископ в соединении с епископом Рима и другими епископами должен быть глашатаем Евангелия во всем мире, и на нем лежит ответственность за спасение всех людей. Таким епископом был Евгений де Мазенод. Его заслуги были заметны, и поэтому он имел как государственное, так и церковное признание. В 1852 г. он был награжден кавалерским орденом, а в 1855 году – офицерским орденом Почетного легиона. В 1856 году его назначили сенатором. В 1859 году императорский двор представил в Риме кандидатуру епископа Евгения к получению кардинальского сана. Обычно Франция принимала на консистории шесть кардинальских мантий, а император их распределял. Рим согласился, однако с номинацией медлил. 28 января 1860 г. Папа Пий X писал епископу Евгению: «Еще раз заверяем тебя в наших намерениях повысить тебя до наивысшей должности, которой располагаем, хотим вознаградить Тебя таким способом за все заслуги для Церкви. Но время для этого по-прежнему неблагоприятно». Когда Посол Франции пожаловался кардиналу Барнабо, что Рим постоянно медлил с назначением новых кардиналов, то получил такой ответ: «Кардинальское назначение – это огромное счастье, но его еще долго придется ждать, поскольку Апостольская Столица вынуждена бороться за свои права с правителем Франции». Рим не мог забыть императору попытки захватить Церковное Государство.

Миновали месяцы, епископ Евгений умер, так и не дождавшись назначения на должность, которой был достоин.

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

Болезнь дала знать о себе 18 декабря 1860 г. Во время торжественного богослужения у сестер Святого Семейства епископ почувствовал сильную боль в грудной клетке. Однако, он не обратил на это внимания, думая, что это только симптомы переутомления. На этот раз он ошибался. Врач подтвердил, что в левой груди образовалась опухоль. Потребовалось хирургическое вмешательство. Операция проходила правильно, но врачи установили, что в груди епископа находится много жидкости. Послеоперационная рана беспрерывно выделяла ее в большом количестве. Решили провести вторую операцию, рану вычистили на глубину 10 см, но и эта операция не остановила дальнейшего выделения жидкости из грудной клетки. К этому добавилась еще и высокая температура. 16 января горячка стала толчком к появлению симптомов обширного истощения. Начался плеврит.

Об этом было сообщено парижскому архиепископу Иосифу Гиберу, который тот час же прибыл в Марсель, чтобы быть возле епископа Евгения. Также прибыл епископ из Фрежьюса и родственники епископа Евгения. Какое-то время состояние его здоровья не ухудшалось, даже пошло на поправку. Иногда он мог встать с постели и сидеть в своем любимом кресле или даже выезжать на прогулку. Но обычно он находился в кровати. Там принимал многочисленных гостей. Для каждого у него было ласковое слово. Иногда он даже от души смеялся. Когда врач менял ему повязку, чтобы очистить глубокую рану, больной не только терпеливо все терпел, но и с типичным для него чувством юмора говорил: «Господин доктор, Вы похожи на апостола Фому, вложившего свои пальцы в рану нашего Господа».

Несмотря на тяжелую болезнь, епископ не переставал служить Церкви. Его последний циркуляр к епархии назывался «О любви к Церкви, о любви, которая должна нас всех оживлять». Окружавших его людей он просил информировать его о том, как складываются отношения между Наполеоном III и Папой. Особенно заботился он о своих облатах, находившихся на миссиях во Франции, где с 1856 г. образовались шесть новых представительств. Насколько хватало сил, он лично отвечал на каждое письмо облата. Когда он был уже совсем слаб, то диктовал письма. Он понимал, что это уже слова прощания. Одно из последних писем он написал кардиналу Барнабо. В этом письме епископ поблагодарил кардинала за внимание и за молитвы и дописал «nota bene», как бы свой последний мемориал: «Во имя любви Христа не забывай о нашей миссии на Цейлоне, о наших миссионерах вместе с епископом Семерией. Все время, проведенное в одиночестве, во время бессонных ночей я беспрерывно молился и, таким образом, готовился к обратной дороге в дом Отца».

17 мая всем показалось, что для епископа Евгения пришло время. Епископ просил своего врача: «Прошу Вас сказать мне, когда наступит конец, об этом нельзя молчать». На что врач ответил: «Дела обстоят очень серьезно». Спустя минуту епископ сказал: «Хорошо, доктор». Когда один из посетителей обратился к епископу: «Ваше Преосвященство, мы ведь нуждаемся в Вас, Вы не можете уйти», - умирающий Евгений ответил: «Я хочу только одного: пусть будет воля Божья... Прочтите молитву за умирающих, но прежде дайте мне мой розарий и мой облатский крест. Это моя защита, я хочу их держать до конца». Он до конца держал розарий и крест, не расставался с ними последние 30 часов своей жизни.

Соборные колокола звали на молитву «Ангел Господний». Епископ Евгений уже слабым голосом сказал: «Это подходящая минута для обновления моих монашеских обетов. Обновляю их с великой радостью», - и слабым голосом проговорил формулу обетов. Стоявший рядом о. Иосиф Фабр, преемник Основателя, в качестве генерального настоятеля облатов, попросил умирающего о последнем слове для своих духовных сыновей. Епископ Евгений смотрел на него минуту и, наконец, сказал: «Скажи всем, что я умираю счастливым... Я счастлив, что Бог снизошел до меня и выбрал меня, чтобы я служил Церкви и основал в ней Конгрегацию Облатов Непорочной Марии». Спросили епископа о его последнем желании. Он подождал минуту и сказал: «Между собой оказывайте всегда любовь, любовь, любовь... а для внешнего мира усердие о спасении душ».

Епископ хотел уйти из жизни в полном сознании, поэтому он попросил присутствующих: «Разбудите меня, когда мне станет плохо... Я хочу полностью осознать, что умираю». И он получил от Бога эту благодать. Вечером, 21 мая 1861 г. в то время, когда все пели «Salve Regina»- «Славься, Царица», при словах: «после этого изгнания яви нам Иисуса, благословенный плод чрева Твоего», - епископ Евгений открыл глаза и последний раз посмотрел на всех. Во время последнего призывания: «О милостивая, о благая, о сладчайшая Дева Мария», - земная жизнь Основателя облатов завершилась.

После известия о смерти их великого епископа, жителей Марселя охватила искренняя скорбь. Неисчислимая толпа прошла у его гроба. Тысячи людей сопровождали его в последний путь. Церковь потеряла отважного епископа, облаты - заботливого отца, а люди - истинного друга.

КЕМ БЫЛ ОСНОВАТЕЛЬ ОБЛАТОВ?

После ознакомления с долгой и плодотворной жизнью Евгения де Мазенода можно сделать следующие заключения:

- Евгений де Мазенод отличался особым состоянием внутренней готовности, был всегда к услугам Церкви, принимал непрерывное участие в ее спасительной миссии. Каждую минуту он был готов ответить на Божий призыв, сказать свое: «Вот я Слуга Господний», «Вот я, пошли меня». Этой позиции он придерживался особенно в поворотные моменты своей жизни, Когда Бог призвал его ко священству, к созданию Общества Миссионеров Прованса, а позже к преобразования Общества в Конгрегацию, служащую всей Церкви, и даже больше - всем людям, особенно самым нищим, доходя до края света.
- Евгений де Мазенод отличался необыкновенным апостольским усердием. В архивах Конгрегации хранятся сотни писем, которые он написал своим миссионерам; в них можно почувствовать глубокую заботу о том, чтобы Благая Весть была проповедована нищим. Не любил он тех, кто был только «тлеющим светильником». Когда речь шла о Деле Божьем, он не знал ни сомнений, ни середины.
- Епископ хотел быть всегда «всем для всех». Имел открытое сердце и щедрые руки для нужд всей Церкви, касалось ли это преследуемых испанских Христиан или голодующих братьев в Ирландии. Его дом был международной миссионерской прокурой, местом приюта для беженцев и изгнанников из многих стран.
- Он был человеком благородного характера, сильной воли. Никогда не боялся, обладал духом борьбы за Царство Божье. Смело защищал свои убеждения, презирал тех, кто искал для себя корыстную конъюнктуру, которые были как флюгер. В своих распоряжениях он был уравновешенным, но никогда не вступал в компромиссы с равнодушными людьми. Мог уступить своим убеждениям только в одном случае: когда речь шла о благе для Церкви, когда уступил Папе. Как первый французский епископ ввел заново в свою местную Церковь римскую литургию, чтобы сохранить единство со Вселенской Церковью. Он всегда выражал свое горячее желание, чтобы вся французская Церковь оставалась католической, то есть вселенской.

Евгений де Мазенод высоко ценил пасторальную теологию св. Альфонса Лигуори и св. Карла Боромея. Заботился о призваниях. Всегда следил, чтобы его священники получали солидную теологическую формацию, а особенно пасторальную. Заботился о духовной формации всей епархии, поэтому принимал в нее различные ордена, поддерживал их деятельность. Глубокое знание деятельности орденов привело к тому, что он сам стал Основателем одного из них. Имел католический дух, поэтому также и миссионерский. Своих облатов он посылал по всему миру. Для своих миссионеров был всем: отцом, братом, учителем и другом.

У него была созидательная жизнь, с характерным для него необычным усердием. Источником такой жизненной позиции была его глубокая связь со Христом. Полностью, без остатка вверение себя Богу через Его Сына и нашего Спасителя Иисуса Христа, было источником его духовности, подлинного аскетизма, поддерживаемого прежде всего молитвой, самоотречением и работой. Существенным элементом его духовности была здоровая Марийная набожность.

Почитание Божьей Матери способствовало тому, что, по натуре вспыльчивый и несдержанный, Евгений стал очень мягким и снисходительным ко всем человеком.

В общем, Евгений де Мазенод по своему характеру был монолитом; хотя перед ним и открывалось много возможностей, он остался слугой Церкви. Современники не всегда понимали его, многие его несправедливо осуждали.

В 1811 году, в год его рукоположения в священники, Евгений де Мазенод написал в своем Дневнике слова, которые стали для него путеводителем на всю жизнь: «Я хочу на все отважиться, но только при помощи Божьей милости. Если я работаю для Бога, то меня мало интересует мнение людей. Они не могут отбить у меня охоты противостоять, мобилизуют к еще большей усердной службе Богу. Бог предупреждал, что будут противостояния, но они скорее свидетельствуют о том, что Бог по-прежнему действует».

Х. . НАСЛЕДИЕ – ДЕРЕВО С МНОЖЕСТВОМ ВЕТВЕЙ

Облаты Непорочной Марии, как и остальные ордена, служат Вселенской Церкви. Каждая из конгрегаций имеет свою специфику, определенную харизмой Основателя. Духовные сыновья Евгения де Мазенода хотят служить бедным своего времени, везде, где только возможно. Облатов обрадовали слова Иоанна XXIII, сказанные 21 мая 1961 г., в день памяти 100-летия смерти нашего Основателя, в Базилике св. Петра в Риме во время хиротонии четырнадцати новых епископов, среди которых был и облат: «Торжество сегодняшней хиротонии совпало со столетием смерти основателя Облатов Непорочной Марии. Этот благородный и усердный в деле спасения душ священник заслуживает того, чтобы зачислить его в круг тех, кто возрождает миссионерскую деятельность Церкви. Он является примером для всех епископов и священников. В его груди билось сердце Католической Церкви, и, следовательно, Церкви миссионерской. В 1816 году из посаженного небольшого деревца выросло грандиозное дерево, ветви которого охватили все континенты, и которое сможет приспособиться, одинаково хорошо, как к холодному климату Северного Полюса, так и к тропической жаре Экватора».

Дерево, ветви которого обняли весь мир, черпающее свои соки от Христа и его Церкви, так как там оно укоренено, дерево, посаженное в 1816 году Евгением де Мазенодом в Эксе, имеет свою богатую историю. В конце этой биографии мы хотим дать, по крайней мере, схему и общую статистику развития Конгрегации Облатов Непорочной Марии. Она является живым деревом с большой динамикой роста, о чем свидетельствуют многочисленные данные. Статистика ограничивается указанием года прибытия облатов на отдельные континенты или в конкретные страны.

ЕПИСКОП ЕВГЕНИЙ ДЕ МАЗЕНОД ПРОВОЗГЛАШЕН СВЯТЫМ

3 ДЕКАБРЯ 1995 г. ПОСЛЕ ЛИТАНИИ КО ВСЕМ СВЯТЫМ,
СВЯТЕЙШИЙ ОТЕЦ ПРОВОЗГЛАСИЛ ВСЕМУ МИРУ, ЧТО
БЛАЖЕННЫЙ ЕВГЕНИЙ ДЕ МАЗЕНОД - СВЯТОЙ:

«Во славу Пресвятой Троицы, для укрепления католической веры, а также к пробуждению христианской жизни, властью нашего Господа Иисуса Христа, святых Апостолов Петра и Павла и нашею собственною, после длительных размышлений и частого призывания к помощи Бога, а также учитывая одобрение, высказанное нашими братьями в Епископстве, - подтверждаем и сообщаем, что Блаженный Евгений де Мазенод - святой.

Причисляем его к лику Святых и рекомендуем, чтобы с надлежащей набожностью его чтити во всей Церкви.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Хор пропел три раза «Аминь». Ему вторили тысячу присутствующих, после чего раздались горячие аплодисменты.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ТОРЖЕСТВО

Торжество канонизации Евгения де Мазенода собралось в соборе св. Петра свыше 15 тысяч паломников со всего мира. Церковь повсеместно напомнила о себе для празднования великих дел, которые Бог совершил в своем слуге св. Евгении.

У алтаря св. Петра, Иоанна Павла II сопровождали 14 сослужителей: архиепископ Марселя Бернард Панафье, преемник Евгения в епископской столице, архиепископ Экса Луи Мария Бий, ординарий места, где родился новый Святой, наш Генерал Конгрегации Марчелло Дзаго, Генеральный Постулатор Джеймс Фицпатрик а также все настоятели облатских регионов с разных континентов.

В пресвитерии заседали 20 кардиналов – среди них госсекретарь Анджело Содано, возглавляющий Папскую Комиссию «Мир и Справедливость» Роже Етчегарей (архиепископ Марселя в 1970-1984 годы), архиепископ Парижа Жан Люстиже, архиепископ Даккара Гиацинт Тяндм... Всего было более 100 архиепископов и епископов, в том числе 38 облатов. Также принимали участие представители епископата всех миссионерских стран, таких, как Южно-Африканская Республика, Лесото, Намибия, Сенегал, Индонезия, Филиппины, Аргентина..., а также Ливан, потому, что канонизация совпала со временем проведения в Риме Специального Синода Епископов Ливана.

Среди прочих, присутствовали официальные правительственные делегации нескольких государств. Делегацию из Франции возглавлял Министр иностранных дел Эрве де Шаре. Особенное место заняла семья де Мазенодов (400 человек). Также присутствовали представители Прованса, и, прежде всего, Экса и Марселя. Число паломников с обеих епархий превышало 700 человек. Делегацию города Марселя возглавлял бургомистр Жан Клод Годен.

Присутствовали сыновья Евгения де Мазенода – миссионеры облаты со всех уголков мира, около тысячи молодых и пожилых людей, а также ветераны миссии, начиная от полярных льдов и до жаркой Африки. Большинство из них составляли группу паломников, некоторые довольно в большом количестве: из Австралии их прибыло свыше 100 человек, с Филиппин – 70, а из Шри Ланки – 60. Более 100 человек - из Республики Южной Африки и из Мексики, свыше 800 человек приехало из США и 400 из Канады. Из Европы, конечно же, приехало намного больше. С самой Италии - более 6.000 паломников, из Франции – 1.500, из Польши - около 400 и с Украины – 46 человек Среди паломников Польши принимал участие о. Томаш Косцински, а Украину представлял о. Анджей Мадей, оба в настоящее время работают в Ашгабаде (Туркменистан). Огромная площадь базилики св. Петра не могла вместить всех, поэтому шла трансляция из собора.

С просьбой о канонизации Евгения де Мазенода обратился к Святейшему Отцу африканский кардинал Бернардин Гантен, декан Св. Коллегиума, а также префект Конгрегации по делам Епископов. В личности Основателя он, особенно отметил как его «исключительное видение Церкви и его отвагу в борьбе за Божье Царство», так и «глубокое чувство нужды несения спасительного оружия для человечества».

После литании ко всем святым и прочтения канонизационного декрета Ернандес Серрано из Мексики, исцеленный в 1987 г. от рака печени, чье исцеление, признанное чудом, открыло дорогу канонизации Евгения, внес реликвиарий нового Святого на возвышение папского алтаря. Члены семьи де Мазенодов поставили возле реликвиария большую вазу с цветами.

После пения Евангелия на латинском и греческом языках Папа произнес проповедь, в которой назвал Евгения «Человеком Адвента» (это было первое воскресенье Адвента) и «одним из тех апостолов, кто подготовил наше время».

Процессию с жертвенными дарами составляли миряне в традиционных одеждах из 6 регионов, где работают миссионеры-облаты. Вся Месса совершалась в рамках прекрасной литургии. Это были незабываемые чувства для всех. Два часа пролетели очень быстро.

Огромная, красочная, объединенная в одну семью толпа вышла после св. Мессы на Площадь св. Петра в ожидании совместной со Святым Отцом молитвы «Ангел Господень». В своем коротком выступлении Папа вновь обратился к новому Святому, «апостолу, который очень глубоко понимал вселенскость миссии Церкви».

АПОСТОЛ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Фрагменты проповеди Святейшего Отца Иоанна Павла II во время торжества канонизации Епископа Евгения де Мазенода в Первое Воскресенье Адвента 1995 г.

Епископ Евгений де Мазенод был человеком Адвента, ожидания пришествия Сына Человеческого. Однако, он не удовлетворялся только ожиданием этого пришествия, но, как Епископ и Основатель Конгрегации Миссионеров Облатов Непорочной Марии, посвятил свою жизнь приготовлению этого пришествия. Его жизнь отличалась необычайным усердием, вытекала из глубокой веры, надежды и апостольской любви. Он был одним из тех апостолов, кто подготовил современное время, наше время.

Декрет II Ватиканского Собора “Ad gentes” широко трактует апостольскую деятельность, которая наполнила жизнь и призвание Основателя Облатов.

Как епископ, он был послан к Церкви в Марселе на Юге Франции. Одновременно его оживляло сознание, что миссия каждого епископа состоит в соединении со столицей Петра, носит универсальный характер. Сознывая тот факт, что епископ посылается в мир подобно апостолам, опираясь на слова Христа: «Идите по всему миру, проповедуйте Евангелие всякому творению», Епископ де Мазенод признавал, что мандат каждого епископа и каждой местной Церкви сам по себе миссионерский. Поэтому он сделал все, чтобы старая Марсельская Церковь, зачатки которой восходят к апостольским временам, могла в образцовой манере выполнить свое миссионерское призвание под руководством своего пастыря. /.../

Канонизация Основателя Конгрегации Облатов Непорочной Марии вписывается как раз в перспективу, которую открывает перед нами литургия Первого Воскресенья Адвента (Ис.2 и Пс.121). Это действительно так, ведь Евгений де Мазенод очень глубоко чувствовал вселенскость миссии Церкви. Он знал, что Христос желает соединить с собою весь род человеческий. Именно поэтому особое внимание он сосредоточил на евангелизации бедных, где бы они ни находились.

Конгрегация, зарождавшаяся в Провансе, на его родной земле, быстро разрослась «до самого края света». Благодаря проповедованию, коренившемуся в размышлении Слова Божьего, она воплощала в жизнь слова, сказанные св. Павлом: «Как верить в Того, о ком не слыхали? Как услышать без проповедующего?» (см. Рим 10,14).

Проповедовать Христа для Евгения де Мазенода означало полностью стать апостольским мужем в масштабах своей эпохи – в духовном и миссионерском усердии, которое постепенно уподобляло его Воскресшему Христу.

Благодаря терпеливой работе над собой, он смог усмирить свой трудный характер и управлять своей епархией с мудростью и вместе с тем с решительностью, исполненной доброты. Епископ де Мазенод вдохновлял своих верных на то, чтобы они принимали Христа с великодушной верой и чтобы еще полней переживали свое призвание детей Божиих. Вся его деятельность была пронизана убеждением, которое он сам сформулировал так: «Любить Церковь - значит любить Иисуса Христа, и наоборот». /.../

Сегодня Церковь благодарит Бога за св. Евгения де Мазенода, который, облачившись в Господа Иисуса Христа, посвятил свою жизнь служению Евангелию. Благодарим Бога за ту великую перемену, что совершилась с помощью этого епископа. Его влияние отнюдь не ограничилось временем, в котором он жил, но также успешно проявилось и в наше время. Ведь добро, совершающееся под вдохновением Святого Духа, не исчезает, но продолжается в каждом «времени» истории.

Да прославится за это Имя Твое, Господи!

НАСТОЯЩИЙ СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК

Св. Месса благодарения – 4 декабря

4 декабря в 16.00 все паломники собрались вместе в соборе Св. Павла за Стенами, чтобы благодарить Бога за канонизацию Евгения де Мазенода. Базилика св. Павла была выбрана для проведения литургии благодарения не случайно. Епископ де Мазенод был очень связан с этой святыней: он принимал непосредственное участие в ее реконструкции, проводимую Папой Пием IX в 1854 г., и, прежде всего, сам Апостол Народов был его идеалом миссионера.

Та неповторимая Евхаристия, которую возглавлял Генеральный настоятель Конгрегации Марчелло Дзаго, носила больше семейный и облатский характер. Незабываемым переживанием для всех был торжественный вход 800 священнослужителей – миссионеров облатов - в заполненный паломниками собор (по отчетным данным – 8.000 человек). Это была разноцветная толпа сотрудников миссионеров и друзей облатских миссий со всего мира. Процессия продолжалась долго. Все пели гимн «Te Deum» («Тебя, Боже, хвалим») – 8 куплетов, на разных языках, и нужно было повторить их по четыре раза, пока предстоятель Литургии не дошел до алтаря. Во время торжественного входа каждый из присутствующих паломников пытался найти своих миссионеров и поздравить их хотя бы небольшим знаком приветствия. Процессию завершали 38 облатских епископа.

Это была первая св. Месса о св. Евгении. Генеральный настоятель поздравил всех на шести языках. Вся литургия Слова, а также всеобщая молитва носили своего рода интернациональный характер. Первое чтение было поручено г-ну доценту А.Грайку из Познани. В рамках проповеди было предоставлено слово еще шести облатским епископам с разных континентов. Каждый из выступающих коротко осветил одну из черт нового Святого. Польский епископ Евгений Юречко из Камеруна говорил о его большой любви к Церкви: «Глубоко проникнутый любовью ко Христу и Его Церкви, св. Евгений посылал своих облатов нести Христово Евангелие во все края Света».

Во время красочной процессии с дарами заирская группа исполнила африканский танец под темпераментное пение в такт тамтамов. Женщины не стеснялись выражать свою радость ликующими возгласами. Это был на самом деле большой семейный облатский праздник.

В завершении этой св. Мессы все присутствующие облаты обновили свои монашеские обеты – и как ответ на них Генеральный Отец обновил их миссионерское призвание к миру так, как это делал св. Евгений.

Прекрасное торжество закончилось общим пением «Слався, Царица» на латинском языке.

О. Альфонс Купка ОМІ

ДАТЫ БИОГРАФИИ ОСНОВАТЕЛЯ

Детство и юношеские годы – годы эмиграции

1782 г.	1 августа	- рождение в Экс-ан-Прованс
	2 августа	- крещение в приходской церкви св. Магдалины
1789-1791 гг.		- обучение в Бурбонской Коллегии в Эксе
1790 г.	14 декабря	- бегство отца в Ниццу
1791 г.	23 апреля	- Евгений присоединяется к отцу в Ницце
	сентябрь	- Евгений - ученик Королевской Коллегии в Турине
1792 г.	5 апреля	- Первое св. Причастие
	3 июля	- Кардинал Коста уделяет Евгению Таинство Миропомазания
1794 г.	2 мая	- бегство всей семьи в Венецию
1797 г.	11 ноября	- бегство вместе с отцом и дядей в Неаполь
1798 г.	1 января	- прибытие в Неаполь
1799 г.	3 января	- бегство вместе с отцом и дядей в Палермо
	6 января	- прибытие в Палермо

1802 г. 11 октября - возвращение во Францию

На дороге к священству

- 1805 г. 3 июня - 3 октября - поездка в Париж с целью оформления паспорта
- 1807 г. 27 марта - Страстная Пятница: поворот в жизни Евгения, когда он стоял перед Распятием
- 1808 г. 22 октября - начало теологического обучения в Семинарии св. Сульпиция в Париже
- 1809 г. 23 декабря - принятие низших рукоположений и субдиаконата
- 1810 г. 16 июня - посвящение в диаконы
- 1811 г. 21 декабря - епископ Демандоль рукополагает Евгения в священники в Амьене.

Начало священнического служения – Приходские миссии – Миссионеры Прованса становятся Конгрегацией Облатов Непорочной Марии

- 1812 г. - Евгений де Мазенод спустя год – один из директоров Семинарии св. Сульпиция. Возвращение в Экс.
- 1813 г. 7 марта - начало страстных проповедей в церкви Св. Марии Магдалины в Эксе
25 апреля - создание Общества Молодых Христиан
- 1814 г. 7 февраля - Папа Пий VII проезжает через Экс
10 марта - в служении австрийским военным юнцам Евгений заболел тифом
14 марта - смертельная болезнь
3 мая - Св. Месса – благодарение за выздоровление
- 1815 г. сентябрь - священники Деблье, Ми и Икард поддерживают намерение Евгения де Мазенода образовать группу миссионеров
2 октября - покупка у города старого кармелитского монастыря
9 октября - Основное письмо Евгения де Мазенода к о. Тампьеру в Арль
- 1816 г. 25 января - основание Общества Миссионеров Прованса; о. Евгений де Мазенод и о. Франциск Тампьер создают первую общину
11 апреля - в ночь со Страстного Четверга на Страстную Пятницу дают друг другу обет послушания
- 1817 г. весна - путешествие в Париж с целью легализации Общества
23 августа о. Фортюнат де Мазенод, дядя Евгения, становится епископом Марселя
Декабрь - о. Фортюнат де Мазенод возвращается из Палермо

1818 г.	16 августа	- предложение основать второй дом Общества в Нотр Дам дю Ло
	3-16 сентября	- Евгений де Мазенод пишет первые монашеские правила в Сант Лоран дю Вердон
	1 ноября	- заседание 1 Генерального Капитула. Принятие обетов celibата, послушания, верности в Обществе.
1819 г.	январь	- утверждение монашеского дома в Нотр Дам дю Ло в епархии Динь
1820 г.	январь-февраль	- большая приходская миссия в Марселе совместно с Миссионерами Франции
1821 г.	6 мая	- утверждение монашеского дома на Кальварии в Марселе
	24 октября	- П Генеральный Капитул. Принесение обета нищеты. Утверждение Правил для братьев монахов
1823 г.	13 января	- Папа Пий VII утверждает номинацию Фортюната де Мазенода на епископа Марселя
	6 июля	- Евгений де Мазенод назначен генеральным викарием марсельской епархии
1825 г.	октябрь	- Общество Прованса переступило границы Прованса. Высказывается предложение назвать его «Облатами св. Карла»
	30 октября	- Выезд Евгения в Рим с целью добиться папского утверждения Общества
	26 ноября	- прибытие в Рим
	20 декабря	- личная аудиенция у Папы Льва XII открыла перед Евгением де Мазенодом многие двери в Ватикане
1826 г.	17 февраля	- Папа Лев XII утверждает Конгрегацию и дает ей новое имя: Облаты Непорочной Марии
	15 апреля	- Папа подписывает бреве, утверждающее Конгрегацию. Прощальная аудиенция с Папой
	4 мая	- возвращение в Марсель
	11 июля	- Генеральный Капитул принимает Новые Правила, а также устанавливает день 17 февраля торжеством создания Конгрегации

**Епископ - помощник– Епископ Марселя
Генеральный Настоятель Облатов Непорочной Марии**

1823 г.	30 сентября	- по предложению своего дяди, епископа Фортюната де Мазенода, Евгений назначается епископом
	14 октября	- хиротония в храме св. Сильвестра на римском Квиринали
1832-1835 гг.		- епископ Евгений де Мазенод лишается французских гражданских прав
1835 г.		- благодаря посредничеству о. Йосифа Гиберта епископ Евгений примирился с правительством
1837 г.	9 апреля	- Евгений де Мазенод назначен епископом марсельской епархии
	15 мая	- Апостольский Престол утверждает назначение

	май-сентябрь 24 декабря	- в Марселе свирепствует холера - епископ Евгений начинает свое служение в качестве епископа
1840 г.	22 января	- смерть епископа –сеньора Фортюната де Мазенода
1841 г.		- открытие облатского представительства в Англии принятие канадской миссии
1847 г.		- облаты принимают миссию на Цейлоне.
1850 г.		- принятие миссии в Натале (Южная Африка) Основатель облатов посещает представительство в Англии
1851 г. 1852 г.	1 апреля	- епископ Евгений принимает палий - становится Кавалером Почетного Легиона
	27 сентября	- заложен первый угольный камень под строительство нового Собора в Марселе
1853 г.	11 сентября	- заложен первый угольный камень под Нотр Дам де ла Гар
1854 г.	29 ноября	- епископ Евгений назначен Ассистентом Папского Трона
	8 декабря	- провозглашение догмата о Непорочном Зачатии Пресвятой Девы Марии
1855 г.		- епископ Евгений становится офицером Почетного Легиона
1856 г.	24 июня	- епископ Евгений становится сенатором Французской Империи
1857 г.,	июль-август	- посещение облатских представительств в Англии и Ирландии
1859 г.	26 августа	- Император Наполеон III выносит в Риме предложение, чтобы кандидатура епископа Евгения была выдвинута в кардиналы
1860 г.	28 января	- Папа Пий IX письменно уведомляет епископа Евгения, что он выдвинут на номинацию на кардинала
1861 г.	январь-май 21 мая	- тяжелая болезнь - смерть епископа Евгения де Мазенода
1897 г.	6-7 мая	- освящение нового марсельского собора и перенесение туда гроба епископа Евгения

ПРОЦЕСС БЕАТИФИКАЦИИ

1926 г.		- хлопоты о начале беатификационного процесса
---------	--	---

	23 декабря	- начало информационного процесса в Марсельской Епархиальной Курии
1929 г.	21 мая	- окончание информационного процесса
1936 г.	15 января	- Папа Пий XI одобрил начало беатификационного процесса
1937 г.	16 сентября	- начало апостольского процесса в Епископской Курии в Марселе
1947 г.	11 марта	- возобновление процесса. Назначение Комиссии для исследования героичности проявленных добродетелей
1970 г.	19 ноября	- Папа Павел VI своим декретом подтверждает героичность проявленных добродетелей епископа Евгения
1970-1972 гг.		- каноническое признание двух чудес: 1). Молодой индеец из племени Крис неожиданно исцелился от очень тяжелой формы туберкулеза легких 2) совершенно слепой ребенок обрёл зрение
1974 г.	18 мая	- Папа Павел VI признал исцеления как чудо
1975 г.	19 октября	- Беатификация Евгения де Мазенода в Миссийное Воскресенье Папой Павлом VI
1995 г.	3 декабря	- Канонизация Евгения де Мазенода Папой Иоанном Павлом II.

ХАРИЗМА МИССИОНЕРОВ ОБЛАТОВ НЕПОРОЧНОЙ МАРИИ

Наше призвание

Миссионеров Облатов Непорочной Марии объединяет зов Иисуса Христа, который слышен в Церкви через нужду спасения людей. Он приглашает нас следовать за Ним и принимать участие в Его миссии словом и делом.

Жить Иисусом Христом

Облаты "избранные к благовестию Божьему" (Рим 1.1), оставляют всё, чтобы следовать за Иисусом Христом. Сотрудничая с Ним в деле Искупления, желают глубже познать Его, отождествить себя с Ним, позволить Ему жить в них и подражать Ему всей своей жизнью.

Среди наиболее отверженных

Облаты Непорочной Марии являются миссионерским орденом. Их самое главное служение в Церкви есть благовествовать Христа и Его Царство наиболее обездоленным, нести Благою Весть народам ещё её не принявшим и помогать им открыть в свете Евангелия их собственные ценности. А там, где Церковь крепко закоренилась, облаты служат тем, кто отделился от Иисуса.

Пробудить веру

Стремятся сделать всё, что в их силах, чтобы пробудить и оживить веру в тех, к которым посланы, помогая им открыть "Кто есть Христос". Всегда готовы ответить на наиболее безотлагаемые нужды Церкви различными свидетельствами и служением.

Отвага, смирение и доверие

Находясь постоянно с людьми, среди которых работают, облааты всегда будут внимательны к их стремлениям и ценностям. Не боясь чётко представить требования Евангелия они с отвагой будут открывать новые пути для того, чтобы весть о спасении достигла всех людей.

Радикально

Коренным образом хотят подражать примеру Иисуса Христа, целомудренного и бедного, искупившего мир своим послушанием. А потому - благодаря дару Отца - выбирают дорогу евангельских советов.

Единство жизни

Облааты соединяют свою жизнь исключительно с Иисусом Христом. Многообразные служения апостольства и каждый момент их жизни являются возможностью встретиться со Христом, который через них отдаёт Себя другим, а через других – им.

Постоянная молитва

Как миссионеры, славим Господа, вдохновленные дарами Духа: приносим Ему ежедневную тяжесть наших забот о людях, к которым мы посланы (ср. 2 Кор 11.28). Наша жизнь является постоянной молитвой о пришествии Божьего Царства в нас и через нас.

Община и цель

Свою цель мы исполняем в общине и через общину. Наши общины имеют апостольский характер. Облааты по мере возростания единства их духа и сердца свидетельствуют перед людьми, что Иисус живёт между ними, объединяет их и посылает провозглашать приближение Божьего Царства.

Непорочная Мария

Покровительницей Конгрегации является Непорочная Мария. Послушная Святому Духу, Она посвятила себя полностью, как покорная Раба Спасителю и Его делу. В Деве, принимающей Христа, чтобы дать Его миру, единственной надеждой которого Он является, облааты будут видеть образец веры Церкви и своей собственной.

МИССИОНЕРЫ СВ. ЕВГЕНИЯ ДЕ МАЗЕНОДА РАБОТАЮТ СЕГОДНЯ В 67 СТРАНАХ МИРА

Малое дерево посаженное Евгением де Мазенодом в 1816 году выросло в крепкое дерево, которое распустилось свои ветви на все континенты мира и способно приспособиться как к суровому климату Севера так и к тропической жаре Экватора.

papa Иоанн XXIII

ЕВРОПА.

Австрия	1934 г.
Беларусь	1992 г.
Бельгия	1891 г.
Великая Британия	1841 г.
Германия	1895 г.
Голландия	1880 г.
Дания	1958 г.
Ирландия	1856 г.
Испания	1882 г.
Италия	1882 г.
Люксембург	1948 г.

Норвегия	1977 г.
Польша	1920 г.
Румыния	2000 г.
Украина	1992 г.
Франция	1816 г.
Чехия	1911 г.
Швеция	1962 г.

КАНАДА 1841 г.

США 1847 г.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА.

Аргентина	1935 г.
Боливия	1952 г.
Бразилия	1945 г.
Венесуэла	1990 г.
Гаити	1942 г.
Гватемала	1985 г.
Колумбия	1994 г.
Куба	1997 г.
Мексика	1958 г.
Парагвай	1925 г.
Перу	1957 г.
Пуэрто-Рико	1975 г.
Суринам	1948 г.
Уругвай	1930 г.
Французская Гвиана	1977 г.
Чили	1948 г.

АФРИКА, МАДАГАСКАР.

Ангола	1992 г.
Ботсвана	1992 г.
Конго	1931 г.
Замбия	1984 г.
Западная Сахара	1954 г.
Зимбабве	1983 г.
Камерун	1946 г.
Кения	1990 г.
Лесото	1962 г.
Мавритания	1993 г.
Мадагаскар	1980 г.
Намибия	1891 г.
Нигерия	1990 г.
Сенегал	1976 г.
Чад	1951 г.
Южная Африка	1952 г.

АЗИЯ И ОКЕАНИЯ.

Австралия 1894 г.

Бангладеш	1973 г.
Индия	1968 г.
Индонезия	1972 г.
Китай	1967 г.
Лаос	1935 г.
Новая Зеландия	1967 г.
Пакистан	1971 г.
Таиланд	1966 г.
Таити	1977 г.
Туркменистан	1997 г.
Филиппины	1939 г.
Шри-Ланка	1847 г.
Южная Корея	1990 г.
Япония	1948 г.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВ

Авторы данной книжки использовали оригиналы документов, найденных в следующих архивах:

Генеральный архив Облатов Непорочной Марии, Рим
 Ватиканский архив, Рим
 Национальный архив, Париж
 Епископский архив, Марсель
 Архив Арбод и Библиотека Межан, Экс
 Архив Семинарии св. Сульпиция, Париж

В перечисленных архивах находятся рукописи Евгения де Мазенода:

1. Письма к матери и отцу, к миссионерам, к церковным и политическим властям.
2. «Дневники» Евгения де Мазенода; «Воспоминания с молодости», «Миссия в Мариньян»; «Путешествие в Рим 23 X – 30 XII 1854 г.»
3. Проповеди, пастырские письма, епархиальные циркуляры, инструкции для священников марсельской епархии, 4 лекции, прочитанные в Семинарии св. Сульпиция, трактат о о. Эмери.
4. Уставы и Правила Конгрегации Миссионеров Облатов Непорочной Марии.

Фотографии: архив.

СОДЕРЖАНИЕ

I.	Детство и юность - годы эмиграции.....
II.	На пути к священству.....
III.	Начало священнического служения – в поисках единомышленников....
IV.	Народная миссия в Провансе – встречные ветры со всех сторон.....
V.	От Миссионеров Прованса к Облатам Непорочной Марии
VI.	На пути к епископству.....
VII.	Епископ.....
VIII.	Открытые всему миру.....
IX.	Последние годы.....
	Епископ Евгений де Мазенод провозглашен святым.....
	Основные даты автобиографии Основателя.....

Харизма Миссионеров Облатов Непорочной Марии.....
 Миссионеры Св. Евгения де Мазенода работают сегодня в 67 странах мира....

ЕСЛИ ХОЧЕШЬ ЖИТЬ ХАРИЗМОЙ СВ. ЕВГЕНИЯ

Можешь:

- вступить в круг Друзей Облатов Непорочной Марии, которые через молитвы, духовные и материальные жертвы объединяются в деле евангелизации мира;
- подписаться на «Миссийные Дороги» - богато иллюстрированный двухмесячник на польском языке, в котором описывается миссионерская деятельность Церкви, труд и радость евангелизационной работы на всех континентах, Информация поступает из первых рук – от самих миссионеров;
- стать миссионером (священником или братом-монахом) в Конгрегации Миссионеров Облатов Н. М., проповедующих Евангелие на всех континентах мира.

Другую интересующую тебя информацию можешь найти по адресу:

Облаты Непорочной Марии
 ул. Каштанова 22А
 г. Обухов
 08 704 Украина
 тел. +3804472-61-950
 E-mail: del@omi.obukhov.net
 Website: <http://www.omiworld.org/>

Надо сделать всё, чтобы расширить Царство Спасителя

Евгений де Мазенод – 1818 г.

“Епископ Евгений де Мазенод был человеком Адвента, ожидания пришествия Сына Человеческого. Однако, он не удовлетворялся только ожиданием этого пришествия, но, как Епископ и Основатель Конгрегации Миссионеров Облатов Непорочной Марии, посвятил свою жизнь приготовлению этого пришествия. Его жизнь отличалась необычайным усердием, вытекала из глубокой веры, надежды и апостольской любви. Он был одним из тех апостолов, кто подготовил современное время, наше время.

Благодаря терпеливой работе над собой, он смог усмирить свой трудный характер и управлять своей епархией с мудростью и вместе с тем с решительностью, исполненной доброты. Вся его деятельность была пронизана убеждением, которое он сам сформулировал так: «Любить Церковь - значит любить Иисуса Христа, и наоборот».

Сегодня Церковь благодарит Бога за св. Евгения де Мазенода, который, облачившись в Господа Иисуса Христа, посвятил свою жизнь служению Евангелию.

papa Иоанн Павел II

Малое дерево посаженное Евгением де Мазенодом в 1816 году выросло в крепкое дерево, которое распустилось свои ветви на все континенты мира и способно приспособиться как к суровому климату Севера так и к тропической жаре Экватора.

papa Иоанн XXIII